

выпуск

А. П. АЛБОВА
М. А. БОЧКАРЁВА

РОД

ЛЮБОВЬСЯ

НОВОТОРЖОВСКИЙ ПОЛОВОСНАЙ

НОВОТОРЖСКИЙ РОДОСЛОВЕЦ

выпуск 1

А. П. АББОВА
И. А. БОЧКАРЁВА

РОД ЛЪВОВЫХ

ВИЭМ
Торжок
2003

ББК 63.2

Л 89

НОВОТОРЖСКИЙ РОДОСЛОВЕЦ выпуск 1

Львова А.П., Бочкарёва И.А.

Л 89   **Род Львовых** – Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей, 2004. – 306 с., ил.

В «Новоторжском родословце» впервые представлены двадцать три поколения знаменитого дворянского рода тверских Львовых, среди которых были и государственные мужи, и выдающиеся деятели русской культуры XVIII – XIX веков: архитектор Николай Александрович Львов и автор гимна «Боже, царя храни!» Алексей Федорович Львов. «Родословец» позволяет проследить наследование художественных, поэтических, музыкальных способностей, передающихся из поколения в поколение Львовых.

Книга адресована всем интересующимся историей, генеалогией и культурой Отечества.

ББК 63.2

ISBN 5-87049-360-9

© Всероссийский историко-этнографический музей, 2004 г.

© А.П. Львова, И.А. Бочкарёва, 2004 г.

От авторов

•Мудрость их поведят люди,
и похвалу их исповесть церковь;
телесе их в мире погребена быша,
а имена их живут в роде•.

Из книги Иисуса, сына Сирахова

Одна из самых благородных традиций человечества – хранить память о предках. Имена давно ушедших передаются новым поколениям, в память о тех, кому обязаны потомки своим существованием, в ком продолжается их род.

Живую связь веков и поколений представляют родословные росписи.

Традиции ведения родословных дворянства в России восходят к XVI в., когда при Иоанне Грозном создается «Государев Родословец» княжеских родов.

В 1687 г. появляется официальная родословная книга дворян – «Бархатная книга» (названная по своему переплету). В основу этих росписей были положены проверенные в Приказе истории знатных боярских и дворянских фамилий.

Земля новоторжская богата замечательными людьми, чьи имена вошли в сокровищницу не только отечественной, но и мировой науки и культуры. О нашем земляке – Николае Александровиче Львове – академик Д.С. Лихачев сказал, что он «один мог удержать в своих руках быстро развивающуюся культуру эпохи во всем ее многообразии». Ученый-энциклопедист Н.А. Львов является фигурой первого ряда отечественной культуры XVIII века, к тому же среди блистательных имен екатерининской эпохи он был удивительно обаятельной личностью.

В России несколько дворянских родов Львовых, но особенно много их на тверской земле.¹ В «Генеалогии господ дворян...» М.П. Чернявско-

---

¹ Существует даже анекдот, объясняющий это: когда-то бес пролетал над Россией, вытряхивая из мешка дворянские фамилии. Надоело ему летать, а в мешке оставались еще Львовы, и он решил высыпать всех в одном месте.

го² значатся пять родов Львовых (№№ 684 – 688), из них два – новоторжские: «арпачевские» и «митинские» Львовы, восходящие к одному родоначальнику (Марку Демидовичу) и имеющие общих предков до 18-го колена.

Первый выпуск «Новоторжского родословца» посвящен «арпачевским» Львовым.³ Это древнейший дворянский род, известный с XIV века, внесен в VI часть родословной книги дворян Тверской губернии. Среди представителей этого рода были стольники и генералы, люди науки и деятели искусства, «кающиеся дворяне», бескорыстно и самоотверженно участвовавшие в проведении крестьянской реформы, и славянофилы, деятели Государственных Дум и священнослужители. После октября 1917 года многие Львовы оказались в эмиграции, погибли в гражданскую войну или в советских концлагерях, некоторые в те страшные годы сменили фамилию, чтобы просто выжить и спасти детей.

В основу представленной родословной росписи положен «Родословный сборник...» В.В. Руммеля,⁴ дополненный сведениями современного французского исследователя Джоржа Феррана,⁵ а также Тверской летописи, Тысячной книги, Писцовой книги, Ревизских сказок.⁶ В настоящем издании вводятся в научный оборот материалы из личных фондов А.Н. Львова и В.Н. Бобринской (ГАРФ),⁷ сведения из послужных списков и метрических книг, переписка Львовых с друзьями и родственниками из фондов РО ИРЛИ, РО РГБ, ГАТО,⁸ документы Центрального архива ФСБ России. Используются материалы публикаций и научных исследований

---

² ГАТО. Чернявский М.П. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии. 1787 – 1869 гг. Л. 117 – 118.

³ С 18 колена приводится только «арпачевская» ветвь Львовых.

⁴ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 570 – 577.

⁵ Ferrand J. *Généalogie des Lvov*. 1980. Машинописный текст.

⁶ Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // Полное собрание русских летописей. В 24 т. СПб., 1865 – 1921. Т. 15. 1863; Зимин А.А. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950; Писцовая книга города Торжка и посада 7133 (1625) г. // Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь, 1865. С. 1 – 77; ГАТО. Ф. 312. Оп. 4, 6. Ед. хр. 14493, 75 – 78. Тверская Губернская Казенная Палата. Ревизские сказки на помещиков Новоторжского уезда – владельцев ревизских душ. 4-я ревизия. 1782 г.

⁷ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 1 – 34; Ф. 819. Оп. 2. Ед. хр. 1 – 17.

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 16. Оп. 9. Ед. хр. 193. Л. 2 – 4; РО РГБ. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 4.; ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 2588. Л. 1 – 7.; Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 3.

последних лет, а также справочная и мемуарная литература. Составлена таблица родственных связей Львовых, в кругу которых оказались интересные сближения с известными родами.

Авторы сочли уместным в приложении к изданию представить воспоминания и записки представителей рода Львовых, являющиеся библиографической редкостью, некоторые из них издаются впервые. Большая часть иллюстративного материала книги также публикуется впервые.

Когда-то, составляя словарь русских художников, Н.А. Львов писал Д.Г. Левицкому: «...так хочется поставить их лица в кивот памяти». Нам хотелось поставить «в кивот памяти» славный род Львовых, отдать дань памяти Николая Александровича в юбилейный для него 2003 год: 250 лет, как он родился на новоторжской земле, и 200 лет, как приняла его родная земля.

Эта книга – лишь первая ступень в изучении родословной Львовых: материал неоднороден по форме и манере изложения, об отдельных представителях рода сведений вообще нет, возможны ошибки и неточности. Хочется привести слова рукописи XVI в.: «...еже ся где худо описал, или переписал, или не дописал, чтите, исправляя Бога для, а не кляните».

Приносим благодарность и признательность за помощь в сборе и подготовке материалов к печати потомкам рода Львовых: **Льву Ивановичу Львову** и **Сергею Дмитриевичу Дзюбанову**, сотрудникам Всероссийского историко-этнографического музея в г. Торжке **Елене Валерьевне Ефремовой**, **Светлане Владимировне Кургузовой**, **Тамаре Алексеевне Михайловой**, **Ольге Васильевне Лобановой**, петербуржцам: кандидату архитектуры **Алле Борисовне Никитиной** и кандидату технических наук **Борису Павловичу Коваленко**.

В родословной принята следующая система. Римским числом обозначен номер поколения, каждый представитель рода обозначен дробным числом: в числителе - его порядковый номер, в знаменателе - порядковый номер отца. Даты до 1918 г. приведены по старому стилю.

Родословная Львовых

I

Марко Демидович

Выехал из Литвы в Тверь на службу к великому князю Ивану Михайловичу не позднее 1425 г.¹

II

Константин

Александр

Родоначальник Стечевых-Бабкиных.

III

Михаил Индегор

IV

Иван Короб

Родоначальник Коробовых.

Иван Кендырь

Родоначальник Кендыревых и Михалковых.

Измаил

V

Игнатий Измаилович

Родоначальник Измаиловых, Полтининых, Суминых, Мясновых и Игнатьевых-Челяднинных.

---

¹ Ж. Ферран в «Генеалогии Львовых» сообщает, что Марко Демидович приехал в Тверь в 1375 г., вероятно, на свадьбу князя Ивана Михайловича с литовской княжной Марией Кейстуовой.

Лев Измаилович²

VI

Василий Львович Барыка

Юрий Львович

Без потомства.

VII

Иван Васильевич

Григорий Васильевич

Без потомства.

Никита Васильевич Китай

Борис Васильевич

Без потомства.

Юрий Васильевич

Родоначальник Барыковых.

VIII

Василий Иванович

Алексей Иванович

Без потомства.

Назарий Иванович

Никита Иванович

Без потомства.

Иван Иванович

Без потомства.

---

² Представителя пятого поколения Льва Измаиловича считают родоначальником Львовых. (Руммель В.В. Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., А.С. Суворин, 1886. С. 570.) По семейным преданиям: «Родоначальник Львовых; женился на дочери московского ближнего боярина Головина. Так как между Тверью и Москвой в то время существовала неприязнь, то сватовство Льва Измаиловича к боярыне Головиной взял на себя Святой Арсений – епископ Тверской и, устроив их брак, обещал молиться за новобрачных и за всё потомство». Ж. Ферран («Генеалогия Львовых», 1980) считает родоначальником Львовых Степана Васильевича, потомка в девятом поколении.

IX

1. Степан Васильевич

Родоначальник Львовых.

X

2/1. Илья Степанович

XI

3/2. Иван Ильич Лобан

Секретарь посольства в Польше. Пристав у польского посла (1564).
«Приказал ему во Твери кабака на великого князя ведати» (1585).

4/2. Даниил Ильич Тиба**5/2. Михаил Ильич**

Помещик Тверского и Новоторжского уездов (1548 – 1580), упоминается в летописи Твери в 1548 и 1570 гг.

XII

6/3. Лазарь Иванович

Новоторжец. Упоминается в 1585 г. в Торжке.

7/3. Иван Иванович Большой

«В Торжку приказал ему князь Семион Бекбулатович тверской ям держать».

8/3. Игнатий Иванович**9/3. Иван Иванович Меньшой****10/4. Сергей Данилович**

Упоминается в 1585 г. в Торжке.

11/5. Тимофей Михайлович Таней

Упоминается в 1585 г. в Торжке.

12/5. Никита Михайлович

Упоминается в 1585 г. в Торжке.

XIII

- 13/6. Федор Лазаревич** (умер до 1625)
«...умер, его жена Олена, ее двор пуст» (1625).
Без потомства.
- 14/6. Иван Лазаревич Большой** (умер 1617)
Убит поляками под Булавицким Острожком.
- 15/6. Перфилий Лазаревич**
- 16/6. Иван Лазаревич Меньшой**
Без потомства.
- 17/7. Борис Иванович**
Без потомства.
- 18/7. Андрей Иванович**
Без потомства.
- 19/8. Андрей Игнатъевич**
Без потомства.
- 20/8. Никита Игнатъевич** (умер 1634)
Новоторжский помещик (1626). «Микита Львов и Федор Языков били челом, что Иван Степанович Урусов в Новгороде в осаде не сидел и вору крест целовал» (Грамоты Борисоглебского монастыря. 1631).
Убит поляками под Смоленском.
Жена: Евдокия (умерла после 1637).
- 21/9. Семен Иванович** (умер 1634)
Дворянин Деревенской Пятины (1594 – 1606); окладчик дворян и детей боярских по г. Торжку (1628). Убит поляками под Смоленском.
- 22/9. Кузьма Иванович**
Без потомства.
- 23/10. Михаил Сергеевич**
- 24/11. Данила Тимофеевич**
Упоминается в 1625 г.: «новоторец, место пусто дворовое в кремле», а также в 1619, 1628 и 1640 гг. в Торжке. Окладчик дворян и детей боярских по г. Торжку (1628).

25/12. Иван Никитич

«Ивашко Никитин Львов новик служилый по 1 статье» (июнь 1639). Упоминается в 1640 г. в Торжке. Дворовый дворянин (1650), выборный дворянин (1658). Без потомства.

26/12. Федор Никитич

Без потомства.

27/12. Василий Никитич

Без потомства.

28/12. Борис Никитич

Без потомства.

29/12. Тимофей Никитич

Без потомства.

30/12. Пимен Никитич (умер до 1667)

Новоторжский помещик (1626), воевода в Кашине (1650).

XIV**31/14. Петр Иванович**

Новоторжский городской дворянин (1625); ранен поляками под Смоленском (1634); воевода в Заволочье (1634); сотенный голова в большом полку в Белгороде (1646); воевода: в Опочке (1647), Пелыме (1651); дворянин московский (1660), воевода в Кевроле и на Мезени (1669 – 1671), в Терношке (1673).

32/15. Лукьян Перфильевич

Послан на Двину (1621). Послан от Торжка на Собор в 1642 г. Упоминается в 1691 г.

33/15. Дмитрий Перфильевич

Упоминается в 1627 г. в Торжке; помещик Новоторжского уезда (1626 – 1627).

34/15. Иван Перфильевич

Новоторжский городской дворянин (1628).

35/20. Иван Никитич

Новоторжский помещик (1637).

Жена: Мария Андреевна.

36/21. Алексей Семенович

Упомянут в 1639 г. в Торжке. Ранен под Псковом в 1650 г. Воевода в Царицыне (1651). Умер без потомства.

37/21. Юрий Семенович

Упомянут в 1639 г. в Торжке. Умер без потомства.

38/24. Яков Данилович

Московский дворянин (1658).

40/24. Иван Данилович

Старицкий помещик.

41/24. Герасим Данилович

Без потомства.

42/30. Александр Пименович

Московский дворянин (1677); в отставке (1703).

43/30. Борис Пименович (умер 1683)

Стряпчий (1658 – 1676); в 1669 г. получил боярство. За службу в войне с Польшей и Турцией по грамотам царей и великих князей Алексея Михайловича и Иоанна и Петра Алексеевичей в 1669 и 1683 годах был пожалован поместьем в вотчину в Новоторжском уезде в сельце Арпачеве, деревне Вишенье, пустошах Черенчицы, Носовицы, Ульянцево и Челядино.

XV**44/32. Герасим Лукьянович**

Московский дворянин (1676).

45/33. Федор Дмитриевич

Новоторжский помещик (1674). Умер без потомства.

46/33. Иван Дмитриевич (умер дек. 1689)

На службе во время Чигиринской кампании. За Чигиринскую службу

пожаловано ему в вотчину поместье Новоторжского уезда (19.02.1687).
Жена: Мария Федотовна (умерла после 1690).

47/34. Иван Иванович

Московский дворянин (1680 – 1692), в начальных людях (1703).

48/34. Андрей Иванович

49/35. Василий Иванович

Упомянут в 1692 г.

50/35. Андрей Иванович (умер до 1692)

Жена: Мария.

51/35. Сила Иванович (умер до 1743)

52/35. Иван Иванович

Новоторжский помещик (1692).

Жена: Прасковья Яковлевна Мышецкая, княжна. Отец ее, Яков Ефимович, с 1649 г. – стольник, умер в 1700 г.

53/35. Пимен Иванович

Новоторжский помещик (1694).

Жена: Степанида Кузьминична.

54/38. Василий Яковлевич

55/38. Семен Яковлевич

Капитан (1724).

56/38. Мирон Яковлевич (умер 1680)

Без потомства.

57/42. Ефрем Александрович

Новоторжский помещик (1703).

58/42. Федор Александрович

Стольник царицы Прасковьи Федоровны (1686); государев стольник (1687 – 1703); в начальных людях (1702 – 1703).

59/42. Марфа Александровна

Муж (с 03.08.1688): Кирилл Евсевьевич Высоцкий, московский дворянин (1677); новоторжский дворянин, волоколамский и нижегородский.

60/43. Семен Борисович (умер 1711)

Стряпчий (1681); стольник (1696); в начальных людях (1702). Был окольничьим. В 1683 г. получил в вотчинное владение пожалованные его отцу село Арпачево, деревни Вишенье, Черенчицы, Носовицы, Ульяново и Челябино.

61/43. Григорий Борисович

Стряпчий (1692); стольник (1693); в начальных людях (1703). Совладелец села Арпачева.

Жена: Евдокия Ивановна, ярославская помещица.

XVI**62/44. Борис Герасимович**

Московский дворянин (1692).

63/46. Никифор Иванович (умер до 1732)

Подполковник.

Жена: Евдокия.

64/46. Семен Иванович (умер до 1732)

Без потомства.

65/46. Иван Иванович (умер до 1732)

Полковник, стольник (1703).

Жена: Евфимия Ивановна.

66/48. Иван Андреевич (родился 1666)

Стольник (1692 – 1720).

67/48. Никифор Андреевич

Стряпчий (1692); в начальных людях (1703).

68/48. Федор Андреевич**69/49. Иван Андреевич** (1677 – после 1722)

Стольник (1692); новоторжский помещик.

70/49. Василий Андреевич

Новоторжский помещик (1693). Купчая Василия Львова кн. Петру Мышецкому на пожни в Новоторжском уезде (1733).³

71/51. Никита Силыч

72/51. Иван Силыч

73/51. Василий Силыч

74/53. Иван Пименович

Прапорщик (1725).

Жена: Екатерина (Елизавета) Петровна Хвостова; упоминается в 1742 г.

75/54. Яков Васильевич

Старицкий помещик (1724).

76/54. Елизавета Васильевна

Муж: Иван Давыдов, лейтенант, старицкий помещик.

77/57. Григорий Ефремович

Подполковник, вотчина – село Осипово (1751).

78/60. Петр Семенович (умер 1746(?))

Капитан, владелец села Арпачева. По семейной легенде, «витязь здешних мест и гроза всего уезда...» Умер, возвращаясь из персидского похода. Ему приписывают авторство песни «Уж как пал туман на сине море...». Датой смерти его называют 1736 год. В челобитной его вдовы, Пелагеи Ивановны, урожд. Соймоновой, от 1747 г. находим: «Мой муж, а детям моим отец родной Петр Семенович, сын Львов ... в прошлый год «736» году в службе вашего императорского величества умре». ⁴ Вероятно, ошибочно назван 1736 год, потому что младший сын Петр (90/78) родился в 1741 году.

Жена: Пелагея Ивановна Соймонова (умерла после 1747).

XVII

79/63. Аграфена (Агриппина) Никифоровна

Муж: Андрей Иванович Татищев (родился 1710), воевода в Курске (1749).

80/63. Вера Никифоровна

Муж: Афанасий Иванович Львов.

³ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1765.

⁴ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2370. Л. 104.

81/66. Иван Иванович (умер до 1745)

Лейтенант (1732), поручик.

Жена: Степанида Ивановна.

82/66. Исидор Иванович

Морской капрал (1722).

83/66. Андрей Иванович

Морской капрал (1722).

84/69. Карп Иванович

Мичман (1722).

85/75. Иван Яковлевич (умер 24.01.1786)

Коллежский асессор и новоторжский уездный предводитель дворянства (1789); погребен в Ильинском-Зашегренье.

Жена: 1) ...;

2) Евдокия Дмитриевна; два сына;

3) Анна Григорьевна Костерева (умерла 24.01.1828), погребена в Ильинском-Зашегренье; два сына и две дочери.

86/77. Ефимия Григорьевна

Муж: Петр Андреевич Черкасов, упоминается в 1766 г.

87/77. Екатерина Григорьевна (23.11.1739 – 1809)

У нее, девицы, в 1782 г. в селе Осипове и деревне Вишенье Теробенской волости Новоторжского уезда 22 мужских, 26 женских душ.⁵ Погребена в Осипове.

88/78. Александр Петрович (1723(?) – 4.11.1769)

Прапорщик Санкт-петербургского гарнизона (1753); штатного гарнизонного полка сержант (1756),⁶ капитан (1760), новгородский губернский прокурор.

Дата рождения Александра Петровича пока не установлена. В метрических книгах противоречивые данные: в исповедной ведомости церкви Николая Чудотворца с. Арпачева от декабря 1753 г. указан

⁵ ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 354.

⁶ ИРЛИ. Ф. 793. Ед. хр. 4. Л. 11.

его возраст – 30 лет,⁷ таким образом, датой рождения можно считать 1723 год. В метрической книге той же церкви от 1769 г. в разделе «Об умерших» значится: «4 ноября означенного села Арпачева прокурор Александр Петров сын Львов 50 лет»,⁸ что соответствует 1719 году рождения.

Погребен на кладбище в с. Арпачеве.⁹

Вероятно, в начале 1780-х гг. его сын Н.А. Львов установил на могиле отца надгробие из четырех чугунных плит с эпитафиями. В 1926 г. на погосте арпачевской церкви исследователь Б.И. Коплан обнаружил «разрушающийся от времени» надгробный памятник.¹⁰ Одну из чугунных плит Б.И. Коплан нашел в церковной сторожке, она служила подом печи. Ему удалось переписать эпитафию с нее:

Сей муж потщился век в законе Божьем быть,
И Бог его в своем жилище успокоил.
Кто б ни был ты, чей взор сей камень удостоил,
Живи, чтобы и ты мог небо заслужить.
Сочинил друг сына его М. Муравьев.

Вторую чугунную плиту с эпитафией, принадлежащей Г.Р. Державину, исследователь нашел замурованной в крестьянской печи, но текст ему прочесть не удалось.

Известны также два стихотворения Ивана Хемницера, посвященные памяти А.П. Львова:

Надгробная батюшке Николая Александровича Львова

Под сей гробницею лежит скончавший век
Монарху верный раб, согражданин полезный,
Достойнейший отец, друг, скромностью любезный,
И добродетелью почтенный человек.

⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 18032. Л. 237.

⁸ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 15676. Л. 34.

⁹ Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 502.

¹⁰ Сведения о надгробном памятнике А.П. Львова: К.Ю. Лапто-Данилевский «Miscellanea Lvoviana» // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Сборник 3. Тверь, 2003. С. 121 – 123.

На него же

Прохожий, коему сей гроб напоминает,
 Что участь и тебя такая ж ожидает,
 Старайся мужу ты сему подобен быть, –
 Ты будешь и по смерти жить.

Вероятно, одно из стихотворений было воспроизведено на надгробном памятнике А.П. Львова.

Жена (с 17.02.1747): **Прасковья Федоровна Хрипунова** (1725 – 1793).

Ее отец – подполковник Федор Ефимович (умер ранее 1768), мать – Мария Максимовна (умерла не ранее 1777).¹¹ Прасковья Федоровна получила по наследству: половину дер. Городок Новгородской губернии, дер. Пятины Посонского погоста, сц. Спицыно, с. Посонско-Покровское (Покровское) Вышневолоцкого уезда (родовое имение).¹²

Венчались в церкви Николая Чудотворца в Арпачеве.

Погребена в с. Покровском на родовом кладбище Хрипуновых. Сохранился надгробный памятник, установленный сыном Николаем Александровичем. Надпись на памятнике: «Новгородского губернского прокурора А.П. Львова супруга Прасковья Федоровна скончалась августа 6 дня 1793 года на 69 году от рождения». На оборотной стороне: «Любимой матери – любимый сын 1800 года».

Надгробный памятник
 Прасковьи Федоровны Львовой,
 урожд. Хрипуновой.
 Фото 1990-х гг.

¹¹ ГАТО. Ф. 665. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 2. Прошение М.М. Хрипуновой в Валдайскую канцелярию о продаже имения от 2 марта 1777 г.

¹² Ныне Фировский район Тверской области.

89/78. Николай Петрович (1726 – 19.06.1788)

Прапорщик (1749); статский советник; коллежский советник (1782); председатель Палаты уголовных дел Тверского наместничества. В 1780 г. ему отведено место под строение каменного одноэтажного дома в 3-й городской части Торжка, в 96 отделении под № 9, рядом с Путевым дворцом.¹³ В 1782 г. у него в селе Арпачеве с деревнями Вишенье и Челядино 68 мужских душ и 86 женских. В 1776 – 1777 гг. – владелец скотного завода.

Погребен в Желтиковом монастыре (Тверь).

Жена: Степанида Дмитриевна Свечина (1732 – 1793). Упоминается в межевом плане сц. Деткова (1777) как владелица пустоши. В конце XVIII в. – совладелица с. Арпачева, сц. Гаврилова.¹⁴

90/78. Петр Петрович (1741 – 25.05.1794)

Коллежский асессор (1781); воевода в Торжке, городничий (1780 – 1782); с 1785 г. – надворный советник, новоторжский уездный предводитель дворянства (1791 – 1793). В 1781 г. по его просьбе отведены два места (№ 9, 10) во 2-м квартале, в 104 отделении Торжка на строительство дома. 4 января 1788 г. «выдана данная на застроенное место».¹⁵

В доме Петра Петровича (в Твери) вместе с его детьми воспитывался Иван Андреевич Крылов.

Владелец родовой усадьбы Львовых Арпачево, где вместо деревянной церкви Николая Чудотворца в 1791 г. была построена по проекту Н.А. Львова, племянника, церковь Казанской Божьей Матери с колокольней. Погребен в Арпачеве.

Жена: Прасковья Васильевна; владела сц. Малиновом, куда были перевезены люди из Боровского уезда.¹⁶

XVIII**91/88. Надежда Александровна** (25.11.1747 – 14.08.1822)

Родилась в д. Черенчицы Новоторжского уезда Тверской губ.

¹³ ГАТО. Ф. 172. Оп. 2. Ед. хр. 79.

¹⁴ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1547. Л. 16 – 18.

¹⁵ ГАТО. Ф. 172. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 56.

¹⁶ ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Ед. хр. 75. Л. 411.

По наследству получила сц. Спицыно (Новоселье) с землями в Вышневолоцком уезде, где и жила с семьей последние 15 лет своей жизни. Погребена на родовом (по материнской линии) кладбище Хрипуновых в с. Покровском. Сохранился памятник с надписью: «Здесь покоится прах супруги Действительного статского советника Надежды Александровны Ярцовой, урожденной Львовой родилась 25 ноября 1747 г. умерла 14 августа 1822 г. в селе Новоселье».

Муж: **Аникита Сергеевич Ярцов** (06.08.1737 – 02.08.1819), действительный статский советник.

Сведений о жизни Ярцова немного, и они подчас противоречивы: местом его рождения называют Екатеринбург,¹⁷ надпись на надгробной плите свидетельствует: «родился 6 августа 1737 в Барнауле в Сибири». Отец его, Сергей Феоктистович, был чиновником канцелярии Главного правления заводов в Екатеринбурге. Аникита получил первоначальное домашнее образование, затем окончил Екатеринбургское горное училище и «начал службу свою в 1753 году».¹⁸

В возрасте 25 лет он возглавил строительство медеплавильного Шерменского завода, а двумя годами позже – чугуноплавильного Климковского и железоделательного Холуницкого заводов в Вятском крае.¹⁹ В 1773 – 1774 гг. близ Онежского озера, недалеко от ранее существовавшего петровского завода, под руководством Аникиты Ярцова строился чугуноплавильный пушечный Александровский завод. Передовой деятель своего времени, Ярцов опирался прежде всего на русских специалистов. Для постройки Александровского завода им были вызваны с Урала тридцать человек: геодезист, канцеляристы, плотник, кузнец, угольные, плавильные, меховые мастера.²⁰ Под руководством Ярцова были построены хозяйственные заводские сооружения и возведена плотина. Он был назначен начальником олонекских заво-

---

¹⁷ Козлов А. Г. Выдающийся горный деятель и металлург А.С. Ярцов // Металлург. 1963. № 2.

¹⁸ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 2687. Л. 1.

¹⁹ По инициативе краеведов к 225-летию Белохолуницкого завода (ныне машиностроительного) была установлена мемориальная доска в честь основателя его А.С. Ярцова. (Сведения любезно предоставлены Н.В. Разницыным, краеведом г. Белая Холуница Кировской обл.)

²⁰ Данилевский В. В. Русская техника. М., 1949. С. 70.

дов. Следует отметить, что построенный Ярцовым завод положил начало Петрозаводску, который получил статус уездного города в 1777 г.²¹ В мае 1784 года Г.Р. Державин стал губернатором Олонецкого края, вероятно, именно тогда Ярцов познакомился с ним. Державин, вдохновленный размахом горнорудного строительства, создал своеобразную «индустриальную» оперу «Рудокопы». Действие оперы происходит то в замке Златогора, то в глубине рудника. Считается, что по техническим вопросам Державин консультировался у Ярцова.²²

Нам неизвестна точная дата ухода Ярцова с поста начальника олонечских заводов, но в период до 1787 г. он в течение полутора лет занимал должности: горного советника Петербургской казенной палаты, директора Горного училища (будущего Горного института). Человек инициативный, преданный делу, бескорыстный, принципиальный, он был требователен и к другим, вероятно, поэтому был столь неуживчив с начальством.

В 1787 году Ярцов оказался не у дел. Н.А. Львов пытался помочь зятю. Зная, что Державин (в то время губернатор Тамбова) не доволен своим заместителем, Львов предлагал ему на пост вице-губернатора кандидатуру Ярцова. Это известно из письма Г.Р. Державина графу А.Р. Воронцову: «Николай Александрович думал о своем зяте, г-не Ярцове, но я ему писал, чтоб он никак не начинал сего, не испрося вашего сиятельства на то позволения, что он и сделал».²³ Граф Воронцов в ответном письме сообщал, что вице-губернатором в Тамбов будет назначен О. Ахлебинин, «... а для Ярцова найдется другое место».²⁴ Оказалось, это место вице-губернатора г. Владимира, где он прослужил, вернее, промаялся одиннадцать лет (с 1787 по 1797 гг.).²⁵ Только после смерти Екатерины II, в январе 1797 г., Павел I назначил

²¹ Ранее – Петровская слобода, основана Петром I в 1703 г.

²² Сочинения Державина. С объяснительными примечаниями Я. Грота. В 9 т. Т. 5. СПб., 1869. С. 641. Далее: Сочинения Державина.

²³ Сочинения Державина. Т. 7. СПб., 1872. С. 706.

²⁴ Сочинения Державина. Т. 5. СПб., 1869. С. 676.

²⁵ О сложностях взаимоотношений Ярцова с владимирским губернатором см.: И.А. Бочкарева. Из львовского окружения. А.С. Ярцов // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Сборник 3. Тверь, 2003. С. 320 – 327.

Ярцова начальником канцелярии Главного правления заводов, в ведении которой оказалась вся горнозаводская промышленность Урала: 25 казенных и 113 частных заводов. На этой должности он пробыл более пяти лет. Александр I, придя к власти, освободил Ярцова с поста начальника екатеринбургских заводов. (Основные его назначения по службе, как видно, совпадали со сменой императорской власти.) В связи с этим и появилась «Записка о службе действительного статского советника Ярцова...», датированная 1802 г.²⁶ Это черновик, написанный секретарем, с правкой Ярцова. «Записка...» составлена от третьего лица, обращена к императору. В ней представлены заслуги Аникиты Сергеевича на посту начальника екатеринбургских заводов. Перечислим некоторые из них. По высочайшему указу за очень короткий срок Ярцов наладил выпуск медных рублей на Екатеринбургском монетном дворе: «Монета 1798 года вышла с меньшим угаром меди и ценою казне 16 рублей пуд». Он возродил заброшенный Каменский артиллерийский завод, укомплектовал специалистами (руководителем поставил родного брата Семена, имевшего большой опыт в литейном деле), довел до высокого качества литьё большекалиберных пушек и мортир, «да и ценою при заводе стоят они не более 60 копеек пуд... следовательно, дешевле олонецких на 40 копеек». В 1801 году им был открыт перспективный Преображенский золотоносный рудник и усовершенствована техника и технология промывки золота. Ярцов подсчитал, что за пятилетие его правления казна получила прибыли на 12917130 руб. 29 коп. Был обижен Аникита Сергеевич, что за «...беспорочное 50-летнее прохождение службы, неусыпный труд и усердие он, Ярцов, при увольнении получил ежегодной пенсии в 2200 рублей. Сумма, по неимению других сторонних доходов, для него столь мала, что не только не может удовлетворить собственное содержание и

---

²⁶ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 2687. Л. 1 – 5. Записка о службе действительного статского советника Ярцова и о произведении им при сибирских заводах казенной пользы. Была передана в 1890 г. Тверской ученой архивной комиссии внуками А.С. Ярцова Надеждой Сергеевной и Прасковьей Сергеевной, проживавшими в усадьбе Михалево Киселевской волости Осташковского уезда.

пятерых детей его, но и оплату по службе нажитого им долга недостаточна». В «Записке...» также предлагалось реформировать систему управления в Берг-коллегии: «...существовать одному генерал-Берг-директору или горному министру яко посреднику меж государем императором и горным начальником».

Эта записка, очевидно, была рассмотрена императором, потому что уже на следующий год Ярцов представил правительству «Начертание заводов Уральского хребта», в котором изложил проект реорганизации горного производства, «дабы содержание не превосходило доходы, а доходы нуждам государственным достаточно отвечали».²⁷ На основе этого проекта была учреждена в 1804 г. комиссия под председательством министра финансов графа Васильева, которая выработала более совершенную форму управления горными заводами. Ярцов принимал деятельное участие в работе комиссии, в частности, в выработке проекта «Горного положения для Управления заводов хребта Уральского», утвержденного в 1806 г.

В то время, когда Ярцов вернулся к активной производственной деятельности, Державин был в отставке и жил в усадьбе Званка. В 1805 г. им были написаны четыре стихотворения, образующие своего рода цикл: названы временами года, обращены к друзьям ушедшим и здравствующим.²⁸ Стихотворение «Осень» поэт посвятил Ярцову, которого ценил за честность и безупречное служение Отечеству, несмотря на все перипетии судьбы: «Но что же вдруг, Ярцов, черныя бури, грохоча так, кроют неба лазури? ... Так если с Урала золотые ключи в царский лил кладезь, их сам не пьючи... Бег мира превратна станем сносить, чтящи свой рок».

В возрасте 70 лет, в 1807 году, Аникита Сергеевич вышел в отставку. Вероятно, труд его на благо Отечества был как-то вознагражден. Он с семьей решает обустроиться, обрести свое гнездо. В Вышневолоцком уезде у его жены Надежды Александровны было село Спицино, в версте от родового имени села Покровского, на берегу реки

---

²⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1913. С. 186.

²⁸ Стихотворение «Зима» посвящено П.Л. Вельяминову, «Весна» – Ф.П. Львову, «Лето» – И.И. Дмитриеву.

Цны. Там был выстроен дом с хозяйственными службами, винокуренный завод, разбили сад и парк. Усадьбу назвали Новоселье²⁹.

В собрании сочинений Державина опубликовано лишь одно письмо Ярцова, написано оно в Новоселье, 24 ноября 1812 года. Безусловная ценность этого письма в том, что оно доказывает: первенство идеи сооружения храма Христа Спасителя в Москве принадлежит Ярцову. «...Великие князья и государи всякие над неприятелем совершенные победы всегда ознаменовали созиданием храмов Господних...кажется не излишнее будет, если бы мы, по очищении всей России от французской проказы, воздвигнули в возблагодарение всемогущему Богу, среди Москвы, огромнейший и великолепнейший Храм, превосходящий красотой и богатством своим не только все российские, но и все европейские храмы Господни, с приличною избавления нашего и всей Европы надписью, оставляя его навсегда отверзтым, ... дабы во всякое время мимоходящий, в воспоминание спасения своего, мог принести ему жертву хваления и благодарения ... а тем же самым храмом доказать иностранцам, что мы не липились еще богатства своего, имея в недрах неисчерпаемые его источники».³⁰ Ярцов сообщал также, что «мысль эта давно уже в сердце моем скрывалась, а особливо ж когда она сновидением явилась». Я. Грот сообщает, что сохранилось письмо князя А.Н. Голицына к Г.Р. Державину, в котором тот просит сообщить некоторые подробности «по сновидению одного престарелого в вышневолоцких лесах обитающего мужа», необходимые ему для доклада императору.³¹

После выхода Ярцова в отставку ему было предложено написать историю горного дела в России. Им был выполнен труд в 12 рукописных томах объемом более 1500 страниц с планами и виньетками, который хранится в архиве г. Екатеринбурга и до сих пор не издан. Исследователь истории русской промышленности А. Данилевский

---

²⁹ Ныне сохранились лишь фундаменты хозяйственных построек из разноцветного камня-валуна. Последним владельцем усадьбы был А.Г. Шульбах. В 1919 г. в имении был создан совхоз «Новоселье» (Тверская усадьба. Указатель архивных документов, книг и статей. Ч. 1. Тверь, 1996. С. 150).

³⁰ Сочинения Державина. Т. 6. СПб., 1871. С. 247 – 248.

³¹ Там же. С. 248.

знакомился с рукописью. В частности, он цитировал доказательства Ярцова о самобытности русского горнозаводского дела, его факты, свидетельствующие, что все термины, применявшиеся в этой отрасли, были русскими: «Ибо, что у немцев шахты, то у русских дудки, и орты их именовались русскими – опечки, штольны же – рвами, квершлагги – подножки. ... Не должны немцы хвастать, что будто бы они завели первоначальные на Руси горные работы, ... поносить русских ... варварами и невеждами, поелику блеск их ума, искусства и расторопности и в самой глубокой древности оказывался еще и за многие веки до образующихся немцев».³² Это так перекликается со словами Львова: «Русский человек совсем не сотворен существом подражательным – везде исполин, везде подлинник».

На Тверской земле создает Ярцов «Описание Уральских гор» – рукопись на 43 листах. В ней рассуждения о творении земного шара, о геологии, о происхождении златорудных равнин, о красоте природы Урала сопровождаются то лирическими отступлениями в стихах и в прозе, то философскими наблюдениями. Он считает природу совершенной и рациональной во всем: «Природа в создании твердой своей от основных своих правил никогда не отступает, то бы и нам в своих житейских постановлениях».³³ А человека он ценит по делам: «Перебирая в мыслях своих разные должности и звания, хотя и находил, что многие из нас собратия в важных науках и нравственных повелениях, но таковые свои сведения отчего-то не могут употребить в практических, хозяйственных и нравственных деяниях».³⁴ Аникита Сергеевич сочетал в себе дар ученого-теоретика и крупного организатора, практика, более шестидесяти лет прослужившего на благо России. Умер Ярцов в 1819 году, в возрасте 82 лет, пережив и Львова, и Державина.

На родовом кладбище жены в селе Покровском, близ церкви Казанской Божьей Матери, и сейчас стоит памятник розового гранита с надписью: «Здесь покоится прах Действительного статского совет-

³² Данилевский В.В. Русская техника. М., 1949. С. 70 – 71.

³³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 14. Ед. хр. 32. Л. 40.

³⁴ Там же. Л. 40 об.

Надгробные памятники Ярцовых на родовом кладбище в с. Покровском.
Фото 2000 г.

ника Аникиты Сергеевича Ярцова...»

Дети: Павел (1781 – 1843) похоронен в с. Покровском Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Сохранился надгробный памятник с надписью: «Здесь покоится раб божий майор Павел Аникитич Ярцов. Родился 25 мая 1781. Скончался 25 марта 1843».

Сергей, вероятно, жил в усадьбе Михалево Осташковского уезда Тверской губернии (этот адрес указали его дочери Прасковья и Надежда, передавая в ТУАК «Записку о службе...» А.С. Ярцова).

Николай (1787 – 1854) похоронен в с. Покровском. Сохранился надгробный памятник с надписью: «Николай Аникитич Ярцов родился 23 мая 1787 года. Скончался 28 декабря 1854 года».

Любовь (1794 – 11.12.1876) – «певица, одна из лучших писательниц для детей».³⁵ Автор книг «Новый Робинзон, или Швейцарское семейство, претерпевшее кораблекрушение» (СПб., 1833), «Прогулки с детьми по Киеву» (СПб., 1859), «Счастливое семейство или Полезное чтение для детей» (СПб., 1859), «Неистощимый кошелек» (СПб., 1861) и других. Умерла в Петербурге, похоронена в с. Покровском.

Надежда (?).

³⁵ Русский биографический словарь. СПб., 1914.

Пятеро детей Ярцовых вместе с другими племянниками подолгу гостили в доме Державиных в Петербурге и Званке. Об этом упоминает Елизавета Николаевна Львова (см. 110/94). Кроме того, на акварельном рисунке «Гостиная Державиных» в числе присутствующих – С. Ярцов.

92/88. Мария Александровна (родилась около 1750)

93/88. Евдокия (Елизавета) Александровна (родилась около 1751)³⁶

Муж: Василий Карпович Свечин, гвардии прапорщик, новоторжский помещик. Его отец – Карп Миронович Свечин, капитан, «владелец сц. Бунятина (общего владения с другими) и сц. Смердово». В 1795 г. у «Василия Карповича и его матери капитанши Аграфены Самуиловой сельцо Смердово с дер. 252 души, в Осташковской округе 57 душ, в Вышневолоцкой 82, всего 391».³⁷

Дети: Василий, Егор, Иван, Павел (?).

Внучка Е.А. Свечиной, Надежда Ивановна (1837(9) – 13.03.1906), в замужестве Мердер – известная писательница, автор исторических романов («В поисках истины», «Звезда цесаревны» и др.), повестей, рассказов, очерков, театральных пьес. Печаталась под псевдонимом Н. Северин в «Отечественных записках», «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Историческом вестнике» и др. журналах. В 1905 г. вышло полное собрание ее сочинений в 10 томах. Муж: Константин Павлович Мердер (1829 – не ранее 1868), сенатор, цензор. (Его дед, Карл Карлович Мердер (1788 – 1834), был воспитателем будущего императора Александра II.)

94/88. Николай Александрович (04.05.1753 – 21.12.1803)

Датой рождения Николая Александровича Львова все справочные и библиографические источники называли 4 марта 1751 года, так как именно эта дата была начертана на его надгробной плите. Обнару-

³⁶ Не установлено, принадлежат ли имена Евдокия и Елизавета одному лицу, возможно, дочь Елизавета рождена после 1753 г. Имена дочерей А.П. Львова (88/78), согласно записи в исповедальной ведомости церкви Николая Чудотворца с. Арпачева 1753 г.: Надежда, Мария, Евдокия (ГАТО, ф. 160, оп. 1, ед. хр. 15637, л. 65).

³⁷ ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 4. См. о Свечиных в приложении к настоящему изданию: Н.И. Мердер. Из далекого прошлого.

женная в метрической книге Никольской церкви с. Арпачева запись о рождении свидетельствует: «1753 год. 4 мая. Санкт-Петербургского гарнизона прапорщика Александра Петрова сына Львова сын Николай». ³⁸ Отец был несказанно рад наследнику, потому что жена дарила ему все дочерей. Александр Петрович вскоре вышел в отставку и жил с семьей в небольшой деревне Черенчицы в Новоторжском уезде Тверской губернии, которая досталась ему по наследству, а братья его Николай и Петр получили родовое гнездо Львовых – село Арпачево, что в двух верстах от Черенчиц раскинулось на берегу речки Таложеньки. ³⁹

Николай рос необыкновенно бойким, озорным мальчиком. Отец и мать думали, «что не сносить ему головы своей. Надобна ли ему какая игрушка, он изломает стол, стул, что встретится, и игрушку своими руками сделает», – писал его первый биограф. ⁴⁰

Когда ему исполнилось шестнадцать лет, Николай прибыл в Петербург на действительную службу в Преображенский полк, к которому был приписан с детства, по обычаю того времени. ⁴¹ Юноше повезло, он попал к людям умным, доброжелательным: двоюродный дядя Михаил Фёдорович Соимонов – видный химик, геолог, возглавлял Горное ведомство, другой не менее влиятельный родственник – Петр Васильевич Бакунин Меньшой – член Коллегии иностранных дел. Их поддержка, участие облегчили пребывание Львова в столице. Но многое в жизни зависело только от него самого, от его трудолюбия и таланта. Через тридцать лет юноша из провинции стал тайным советником, действительным членом Российской академии, почетным членом Академии художеств, членом Вольного экономического общества, главным директором угольных приисков и управляющим училищем землебитного строения в Экспедиции государственного хозяйства, членом Опекунства иностранных, кавалером орденов

---

³⁸ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 15637. Л. 65. Цит. по: Г.М. Дмитриева. Документы Государственного архива Тверской области о Н.А. Львове // Гений вкуса. Тверь, 2001. С. 9.

³⁹ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2370. Л. 13.

⁴⁰ Ф.П. Львов. Николай Александрович Львов // Сын отечества. 1822. Ч. LXXVII. № 17. С. 108.

⁴¹ См. приложение к настоящему изданию: Аттестат, выданный Николаю Львову Коллегией иностранных дел.

Николай Александрович и Мария Алексеевна Львовы.

В.Л. Боровиковский. 1780-е гг. Миниатюры хранятся в семейном архиве П.А. Львова (224/220), Хельсинки.

Св. Анны второй степени и Св. Владимира третьей степени. Как многогранен его талант! Поэт и архитектор, переводчик и механик, дипломат и садовник, балетмейстер и конструктор машин, гидротехник и художник, печник и историк, гравер и археолог, музыкант и ботаник, этнограф и скульптор, искусствовед и геолог, редактор и строитель. Кажется, невероятно много для одного человека, да и жизни его земной было всего пятьдесят лет. Разносторонняя одаренность, высокая работоспособность проявились уже в первые годы жизни его в Петербурге, где он получил систематическое образование в кадетских ротах Измайловского полка. Кадеты выпускали рукописный журнал «Труды четырех общников», живое участие в котором принимал Львов. С каким юмором, иронией давал он шутивную зарисовку событий одного дня своей полковой жизни в стихотворении «Хочу писать стихи, а что писать, не знаю...»

...И так севодни день немало я трудился:
На острове я был, в полку теперь явился.

И в школе пошалил; ландшафтик сделал я;
Харламова побил; праздна ль рука моя?
Я Сумарокова сегодня ж посетил,
Что каменным избам фасад мне начертил.
И Навакшонову велел портрет отдать,
У Ермолаева что брал я срисовать...⁴²

Военная служба не привлекала Львова, и с 1773 года по протекции П.В. Бакунина он стал курьером при Коллегии иностранных дел. Скоро, весьма успешно овладев европейскими языками, он был причислен к специалистам этого ведомства.⁴³

В 1776 году Николаю Александровичу представилась возможность отправиться в восьмимесячное путешествие по Европе. О благотворном влиянии путешествий на Львова писал его друг Михаил Никитич Муравьев: «Много способствовали к образованию вкуса его и распространению знаний путешествия, совершенные им в лучшие годы жизни, когда чувствительность его могла быть управляема свойственным ему духом наблюдения. В Дрезденской галерее, в колоннаде Лувра, в затворках Эскуриала и, наконец, в Риме, отечестве искусств и древностей, почерпал он сии величественные формы, сие понятие простоты, сию неподражаемую соразмерность, которые дышат в превосходных трудах Палладиев и Мишель Анжев».⁴⁴

Франция эпохи энциклопедистов переживала театральный бум. Львов с друзьями посещал классические трагедии, оперные спектакли и особенно модные тогда комические оперы.

Увлеченный театром, Николай Александрович по возвращении в Петербург создал любительский театр в доме П.В.Бакунина, где были поставлены комедия Ж.Ф. Реньяра «Игрок» и комическая опера А. Саккини «Колония». Среди актеров-любителей особым очарованием, сценическим темпераментом, красивым, хорошо поставленным

⁴²Цит. по: Львов Н.А. Избранные сочинения. Кёльн – СПб., 1994. С. 23 – 24.

⁴³См. приложение к настоящему изданию: Аттестат, выданный Николаю Львову Коллегией иностранных дел.

⁴⁴М.Н. Муравьев. Краткое сведение о жизни г<осподина> тайного советника Львова. Цит. по: Львов Н.А. Избранные сочинения. Кёльн – СПб., 1994. С. 361.

голосом выделялась дочь сенатского обер-прокурора Мария Алексеевна Дьякова. Семейное предание рассказывает о романтической истории их тайного венчания,⁴⁵ но исследователи отыскивали документы, свидетельствующие о несколько иных мотивах более чем трехлетней тайны их брака.⁴⁶ Позднее Львов признавался: «...сколько труда и огорчений скрывать от людей под видом дружества и содержать в предосудительной тайне такую связь...»⁴⁷ В 1784 году Львов и Дьякова «обнародовали свою тайну» – объявили о браке.

К этому времени Николай Александрович стал известным архитектором. Его зодческий дебют – проект собора Св. Иосифа в Могилеве был одобрен Екатериной II, а австрийский император Иосиф II подарил ему золотую с алмазами табакерку. Утверждены к строительству проекты Невских ворот Петропавловской крепости и здания «Почтового стана» – главпочтамта. В 1782 году Почтовый департамент был выделен из ведения Коллегии иностранных дел как «Главное почтовых дел правление», во главе которого встал друг и покровитель Львова граф А.А. Безбородко.

Более десяти лет Львов прожил в казенной квартире Почтового стана, где часто собирались друзья – поэты, художники, музыканты: Г.Р. Державин, А.В. Храповицкий, И.И. Хемницер, М.Н. Муравьев, В.В. Капнист, А.Н. Оленин, Д.Г. Левицкий, В.Л. Боровиковский, Е.И. Фомин. Они и составили так называемый «львовско-державинский кружок», идейным вдохновителем которого, «гением вкуса» был признан Львов. «... Люди, словесностью, разными художествами и даже мастерствами занимающиеся, часто прибегали к нему на совещание и часто приговор его превращали себе в закон», – писал Державин.⁴⁸ Некоторые считали его любимцем фортуны, счастливецом. На что

⁴⁵ С.В. Капнист-Скалон. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX веков. М., 1990. С. 286 – 287. Мердер Н.И. Из далекого прошлого (Тетушка Вера Николаевна Воейкова) // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 402 – 404.

⁴⁶ Новые сведения об истории брака Н.А. Львова см.: К.Ю. Лаппо-Данилевский. О тайной женитьбе Н.А.Львова // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 132 – 144.

⁴⁷ Письмо Н.А. Львова к А.Р. Воронцову, 10 ноября 1783 г. Цит. по: К.Ю. Лаппо-Данилевский. О тайной женитьбе Н.А.Львова // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 137.

⁴⁸ Г.Р. Державин. Память другу. Цит. по: Львов Н.А. Избранные сочинения. Кельн – СПб., 1994. С. 363.

Львов отвечал: «Счастья тот лишь цену знает, кто трудом его купил». Исследователи насчитывают около ста воплощенных архитектурных проектов Львова.⁴⁹ География их очень широка: Санкт-Петербург, Москва, Могилев, Валдай, Смоленск и, конечно, он не забыл свою родину – Торжок и Новоторжский уезд, недаром друзья называли его «новоторжец».

9 июня 1785 года в Торжке был праздник: в древнем Борисоглебском монастыре закладывали новый собор по проекту Н.А. Львова. Сама императрица серебряным молоточком и лопаточкой уложила первый камень. Об этом Львов сообщал в письме А. Воронцову: «Изволила государыня закладывать в Торжке соборную мою церковь».⁵⁰ Борисоглебский храм – один из лучших образцов русского строгого классицизма, Львов утверждает в нем основные принципы своего творчества: компактность объема, строгость форм, прекрасные пропорции, сдержанность украшений. Храм гармонично вписывается в ансамбль монастыря, удачно выбрано место – с разных сторон он воспринимается по-разному: со стороны реки, из центра города, открывается его лёгкий ампирный силуэт, со стороны въездных ворот мы видим сразу два фасада, создающие эффект монументальности.

В климатических условиях России Львов первым реализовал идею двойного купола в Могилевском соборе. В Борисоглебском соборе Львов также использует систему двойного купола. Верхний купол – световой фонарь с большими арочными окнами, нижний – в центре имеет проем, через него мягкий рассеивающийся свет наполняет интерьер, в то время как окна скрыты от глаз. По замыслу архитектора был выполнен интерьер собора: пол из чугунных плит, колонны и стены отделаны «под мрамор» палевого цвета, 37 икон для главного иконостаса «писаны на казенный счет В.Л. Боровиковским».

Особенно выразительна в ансамбле монастыря устремившаяся ввысь надвратная церковь-колокольня во имя Спаса Нерукотворного образа, построенная по проекту Львова в 1804 – 1811 гг. местным

---

⁴⁹ См. приложение к данному изданию: А.В. Татаринов. Архитектурные работы Н.А. Львова.

⁵⁰ Н.А. Львов - А.Р. Воронцову. 26 июня 1785 г., Москва. Цит. по: Львов Н.А. Избранные сочинения. Кельн – СПб., 1994. С. 326.

архитектором Ф.В. Ананьиним. Колокольня четырехъярусная: в нижнем ярусе находятся арочные входные ворота, во втором – церковь, в следующем – звонница, завершает постройку изящная ротонда-бельведер, увенчанная шпилем.

Излюбленной архитектурной формой Львова была ротонда.⁵¹ Одну он подарил Торжку: стройная, двенадцатиколонная, она стоит на главной площади, на берегу Тверцы. Исследователи и поныне спорят о первоначальном назначении этой ротонды: то ли публичный колодец в системе городского водопровода, то ли часовня. В любом случае она органично вписывается в ансамбль площади, являясь ее украшением. Окрестности Торжка богаты дворянскими усадьбами, созданными по проектам или при участии Львова. Время наивысшего расцвета усадебного строительства в России – 1780-е – 1790-е годы, когда дворяне, получив свободу от обязательной воинской службы, уезжали в свои деревни и строили там дома по типу городских дворцов. Именно в эти годы создал Львов на редкость поэтичные усадебные ансамбли. Цель его как зодчего – всеохватывающая гармония архитектуры, природы и человека. Пример тому – усадебный комплекс Львовых Митино-Василёво в Новоторжском уезде.⁵² В Митине и сегодня можно увидеть въездную аллею стриженных елей, пейзажный ландшафтный парк и двухэтажный барский дом на высоком берегу Тверцы, построенный в 40-е годы XIX века на месте прежнего, деревянного. Перед домом – «скальный» парк. Когда-то несколько ступенек вели от дома на террасу к пруду, а невдалеке, в глубоком устье ручья, впадавшего в Тверцу, был устроен каскад прудов. Сохранились хозяйственные постройки усадьбы: винный склад, конюшни, скотный двор и удивительный по форме погреб-пирамида. Арки входных ниш в погреб выполнены из «дикого» камня-валуна. Этот излюб-

⁵¹ С древнейших времен ротондальная форма храма считалась «совершеннейшей» и при этом простой, прочной и вместительной. См.: Четыре книги об архитектуре Андреа Палладио. М., 1938. Т. 4. С. 7.

⁵² Род митинских Львовых восходит к единому родоначальнику новоторжских Львовых – Марку Демидовичу, в XVI в. (в XI поколении, с Ивана Ильича Лобана) ветвь становится самостоятельной. См.: Н.А. Лопатина, О.В. Лобанова, Т.А. Михайлова. Родословный список новоторжских дворян Львовых, владельцев Митина и Василева // Краеведческий альманах. № 3. Торжок – Тверь, 2003. С. 43 – 52.

ленный отделочный материал Львова позволяет создать эффект контраста: разноцветные каменные валуны живописно выделяются на фоне гладких облицовочных плит пирамиды. На противоположном берегу Тверцы находится усадьба Василёво. Барский дом располагался вдали от берега, у ручья, где была сооружена система террасных прудов, украшенных затейливыми гrotами из «дикого» камня. Завершал систему прудов стометровый арочный мост из камня-валуна. Это непревзойденное инженерное сооружение можно назвать «каменной симфонией» Львова. Стороны моста различны: фасад, обращенный к каскаду прудов, наделен богатой архитектурной пластикой арок, ниш, контрфорсов; другая сторона, обращенная к лесу, представляет собой стену из камня-валуна с центральной аркой. В Митине и Василёво Львов удачно решил «смотровые» площадки, с которых открываются дальние и близкие перспективы на речку, парк, лес, на соседнюю усадьбу.

Крестовоздвиженская часовня-ротонда
в Торжке. 1783 г. Фото А. Кравченко
1990-х гг.

Шедевром архитектурного творчества Львова называют усадьбу генерал-аншефа Ф.И. Глебова - Раёк, что в двадцати километрах от Торжка. Чугунная решетка въездных ворот, по обе стороны от которых расходится колоннада, эта «белая сказка колонн», как ожерелье, охватывает овальный парадный двор. От ворот до флигелей колонны одинарные, а флигеля соединяются с домом галереями с балюстрадой, прогуливаясь по которым, можно было любоваться парком и окрестностями. Архитектурное оформление флигелей, в которых размещались хозяйственные службы, театр, оранжерея, переключается с центральным домом: кубы, завершенные куполом с шаром. Централь-

Валунный мост в усадьбе Василёво. 1780-е гг.
 Фото А. Кравченко 1990-х гг.

ный дом украшен четырехколонным портиком. Колонны охватывают два этажа и заканчиваются треугольным фронтоном. Колоннада, флигеля, дом – все гармонично соединено в архитектурный ансамбль, органично слито воедино, наполнено светом и воздухом.

В 1920-е годы в Райке побывал искусствовед А.Н. Греч, который ярко, в деталях, описал интерьер дома-дворца, вернее, то, что осталось от него (в то время там был санаторий для трудящихся).⁵³ Вот как выглядел парадный зал (в оформлении его чувствуется львовская выдумка): стены украшали лепные гризайли, легкий орнамент и медальоны, два камина; паркетный пол особой конструкции – «плавающий», во время танцев он слегка покачивался, а сверху, из-под купола, лились мягкий свет и музыка. Здесь также двойной купол, а в световом фонаре была комната, где во время бала размещался оркестр. Из окон зала открывался вид на центральную аллею парка, ведущую к речке Логовежи, где были устроены пруды с дамбами из валунов. В парке было множество «затей»: беседки, гроты, курьезные парковые павильоны. Теперь лишь вековые липы хранят память о

⁵³ А.П. Греч. Венки усадьбам // Памятники отечества. 1994. С. 81 – 86.

Усадьба Знаменское-Раёк. 1790-е гг.

Фото А. Кравченко 1990-х гг.

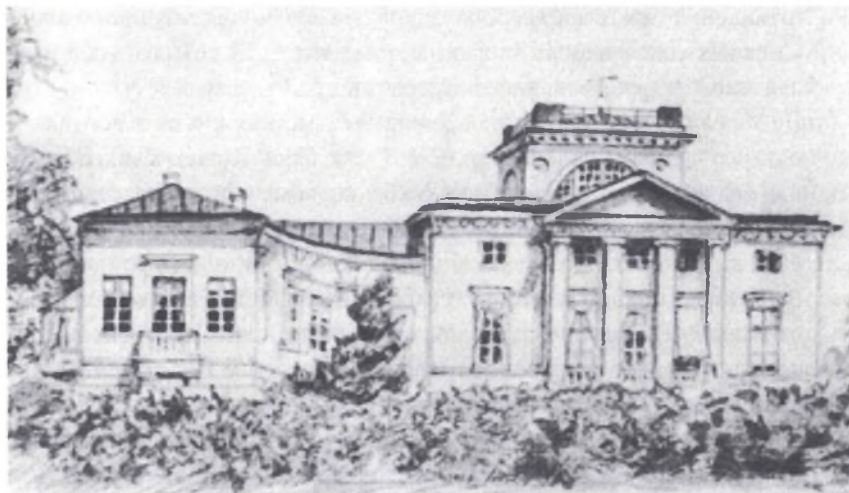
них. Усадьба Раек созвучна парадным итальянским дворцам Палладио, но Львов вложил в нее содержание и дух русской усадьбы. В своем родном Новоторжском уезде Львов создал настоящий венок эмоционально выразительных усадебных ансамблей. Кроме уже названных: Митино, Василёво, Знаменское-Раёк – это еще и Арпачёво – имение дяди, Прямухино – родственников и друзей Бакуниных, Горницы – Беклемишевых. Но полностью по своему вкусу, когда он был свободен в выборе средств и приемов, он обустроил вотчину Черенчицы и назвал ее своим именем – Никольское. Близ деревни, у края заболоченной низины, стоял деревянный отцовский дом, рядом – пруд и старый сад, а вокруг – овраги да холмы. Все эти «неудобия» явились основой для свободной, живописной планировки парка. Львов провел дренаж, осушил болото и превратил Черенчицы в живописный усадебный ансамбль с огромным хозяйственным комплексом: скотный двор, риги, зернохранилище, ветряная мельница, конюшня, погреба, кузница. Во всех утилитарных постройках Львова неизменно воплощается принцип архитектуры классицизма: целесообразность, прочность, красота. В Никольском весьма профессионально была разработана гидротехническая система, которая

включала пять искусственных прудов, плотины, дренажную сеть, деревянный подземный водопровод, несколько ключевых колодцев.⁵⁴ В центре усадьбы, на пригорке, он поставил трехэтажный дом с бельведером. Нижний этаж отделан рустовкой, а второй и третий украшены четырехколонным ионическим портиком. Позднее к центральному дому решили пристроить два флигеля, но, по-видимому, пристроили лишь левый, а справа только заложили фундамент. Свой дом Николай Александрович оснастил новшествами и удобствами: водоподъемная машина подавала воду на второй этаж, отапливался дом по «воздушной» системе, которую Львов сконструировал и описал в книге «Пиростатика воздушных печей».⁵⁵ Каминные также были особого устройства – своего рода кондиционеры: через отдушины в наружной стене дома поступал свежий воздух, проходя через змеевик камина, он нагревался, затем по каналу поступал в своеобразные вазы, что стояли рядом с камином, наполненные розовой водой. Через решетки ваз свежий, теплый, ароматизированный воздух наполнял комнаты. Задолго до появления водяного отопления Львов изобрел «паровую кухню» – пар варил кушанья, мыл посуду, вращал вертела. Дом был удобным и уютным. В интерьере продумано все до мелочей. Мария Алексеевна была великой искусницей, смастерила необыкновенные обои, расшитые разноцветной шерстью по соломе. До наших дней сохранилась лишь часть центрального дома и западный флигель. Рядом с домом в «собственном» садике стоит погреб-пирамида – трехъярусное сооружение. Верхний ярус – световентиляционная камера, второй – наземный – своего рода павильон, свод и стены которого расписаны строгим орнаментом и гирляндами. Здесь хорошо было укрыться от летнего солнца, отведать фруктов, прохладительных напитков. Нижний ярус пирамиды – ледник, в него ведет отдельный арочный подземный вход. В панораме, открывающейся с площадки дома, архитектор тщательно обдумал размещение усадебных построек, расширяя перспекти-

⁵⁴ Будылина М.В., Брайцева О.И., Харламова А.М. Архитектор Н.А. Львов. М., 1961. С. 53.

⁵⁵ Львов Н.А. Русская пиростатика, или Употребление испытанных уже воздушных печей и каминов...СПб. Ч. 1. 1795; Ч. 2. 1799.

Дом в усадьбе Никольское. В.Д. Поленов. 1860 г.

ву их обзора, вырубил кустарник и лес. У прудов, в Петровой горе были устроены кузницы. Романтический их декор – арки, ниши из разноцветного камня-валуна, особенно выразительны были при вспышках горна. От дома дубовая аллея вела к храму-усыпальнице, поставленному на холме. Вечернее солнце золотило купол и «заходило в храме». «Я всегда думал выстроить храм солнцу, – писал Николай Александрович, – ... чтоб в лучшую часть лета солнце садилось или сходило в дом свой покоиться...»⁵⁶ Храм Воскресения в Никольском – одна из самых прекрасных ротонд русской архитектуры. В мощном цокольном этаже, сложенном из крупных темных блоков колотого валуна, находится усыпальница, над ней – белоколонная ротонда – храм Воскресения. Этот контраст цвета и фактуры материалов передает диалектику жизни и смерти, воплощает торжество вечного возрождения. Есть что-то неразгаданное в обаянии этого здания, какая-то глубокая тайна вдохновения. Благодаря гармоничному со-

⁵⁶ Эту надпись и рисунок «Храма солнцу» Н.А. Львов сделал на полях книги по садово-парковому искусству Гиршфельда. Цит. по: Глумов А.Н. Н.А. Львов. М., 1980. С. 118.

отношению частей, благородству форм, храм-усыпальница – одно из самых совершенных творений архитектора. К сожалению, Николай Александрович не успел завершить его отделку.

Не успел он уделить больше времени жене и детям (а их у него было пятеро – Леонид, Александр, Елизавета, Вера, Прасковья), потому что вечно был в разъездах по службе: научные изыскания, заказы на строительство, издательская деятельность.

Рубеж веков оказался для Николая Александровича трагичным. В 1799 году, после смерти его покровителя А.А. Безбородко, на Львова завели дело по поводу расходов на землебитные постройки. Длительное нервное напряжение подорвало здоровье Николая Александровича: на десять месяцев он оказался прикованным к постели.

В те тяжёлые дни мучило его чувство вины, что в суете дел не отдал он последний сыновний долг своей матушке. Семь лет прошло, как похоронили Прасковью Фёдоровну на ее родине – в селе Покровском Вышневолоцкого уезда. Николай Александрович все хотел поставить какой-то особенный надгробный памятник матушке, да, видимо, не удалось. Приказал спешно изготовить плиту из белого камня. Увековечил имя и годы земного бытия Прасковьи Фёдоровны, а на оборотной стороне плиты высек: «Любимой матери – любимый сын. 1800 года».

Неведом и конец нам вечности начала;
Не разрушается ничто, не исчезает!

...

Дай мне пожить еще немного,
Ведь каждому своя дорога...

– писал он А.М. Бакунину в Прямухино.

Его дорога оказалась коротка, но успел он сделать столько, что под силу десяткам ученых. Гениальный самоучка, Львов свой талант и труд отдал на благо России, нередко предугадывая, предвосхищая потребности дня. Впервые в России сконструировал бумагоделательную машину, вел разработку торфа и каменного угля, издал книгу «О пользе и употреблении русского каменного угля», изобрел каменный картон – вид рубероида. Заботясь о сохранении леса, изобрел способ «землебитного строительства», из «битой» – прессованной, скрепленной извес-

тковым раствором земли. Открыл два училища землебитного строительства. По заказу императора Павла I построил землебитный Приоратский дворец в Гатчине, сохранившийся и поныне. Создал проекты почтовых станций, мостов, верстовых столбов для дороги Санкт-Петербург – Москва. В 1790 г. издал «Собрание русских народных песен с их голосами» в музыкальной обработке Прача. Не только русские музыканты, но и Бетховен, Россини черпали вдохновение, обращаясь к песням сборника, многие из которых собраны Николаем Александровичем в своей деревне. Написал либретто опер «Сильф», «Ямщики на подставе», «Милет и Милета», «Парисов суд». Отредактировал и издал две летописи, одна из них названа его именем – Львовская. Перевел и издал «Четыре книги Палладиевой архитектуры». Переводил Сафо, Анакреона, Петrarку и скандинавский эпос «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго». Иллюстрировал «Метаморфозы» Овидия и «Сказку о царевиче Хлоре», сочиненную Екатериной II для внука Александра. Как гравер он первым в России работал в технике лависа. Львов – автор эскизов орденов Святого Владимира и Святой Анны. В последний год своей жизни Николай Александрович возглавил экспедицию по обследованию минеральных вод Кавказа и Крыма, где вел экономические исследования, археологические изыскания и составил проекты водных лечебниц. Будучи человеком деятельным, представителем передовых научных взглядов, Львов имел много недоброжелателей, завистников. Об этом писал его первый биограф Ф.П. Львов: «Всегда и во всех почти краях при открытии новых польз общественных страдали виновники оных. Труды подвижника, озлобляя зависть, нередко были гонимы! Той же участи подвержен был и г-н Львов». ⁵⁷ Землебитное училище закрыли, уголь, доставленный в Петербург, не был принят, случайно загорелся, и более двух месяцев не могли потушить его. Оборота капитала не было, росли долги. «Долг считай на мне по приезду. Я заплачу! Право, заплачу! ... На том свете мне сказывали, деньги недороги, а на здешнем ведь недолго жить». ⁵⁸

⁵⁷ Ф.П. Львов. Николай Александрович Львов // Сын отечества. 1822. Ч. LXXVII. № 17. С. 120.

⁵⁸ Н.А. Львов – Г.Р. Державину. 30 ноября 1800 г. // Сочинения Державина. Т. 6. СПб., 1871. С. 126.

Иной вселенную обмерил,
 Другой ход солнечный проверил,
 Измерил самый океан;
 Нашел полночну стрелку,
 А что же вышло на поверку,
 Что? – продырявленный карман,

– писал он в «Послании к А.А. Мусину-Пушкину».

Исследователям литературного творчества Львова удалось в наши дни собрать его басни, стихи, эпиграммы, пьесы, переводы и издать «Избранные сочинения». ⁵⁹ Еще у Николая Александровича была мечта – составить словарь русских художников, чтобы «поставить их лица в кивот памяти». ⁶⁰

Не успел...

Он умер в Москве в ночь на 22 декабря 1803 года (по старому стилю). Мария Алексеевна была при нем. Когда-то он писал:

Родился,
 Влюбился,
 Женился
 И жил, пока любил.

Он любил жизнь, любил жену и детей, любил Россию, много ездил по ней и украсил ее своими творениями. В последний путь Россия провожала его рождественскими морозами. Прах Николая Александровича привезли в Никольское-Черенчицы.

Жена: **Мария Алексеевна Дьякова** (1755 – 1807)

Ее отец, Алексей Афанасьевич Дьяков (умер 1781), сенатский обер-прокурор. Окончил сухопутный шляхетский корпус. По отзывам современников, был «человеком довольно образованным, знал четыре языка, любил чтение, особенно исторических книг и путешествий». ⁶¹ В 1760-е – 1770-е гг. он возглавлял строительство пеньковых складов

⁵⁹ Львов Н.А. Избранные сочинения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Кёльн – СПб., 1994.

⁶⁰ См. письмо Н.А. Львова к Д.Г. Левицкому, 22 апреля 1800 г., Москва. Цит. по: Львов Н.А. Избранные сочинения. Кёльн – СПб., 1994. С. 355.

⁶¹ Л. Бройтман. Дом Дьяковых // Васильевский остров. 1993. № 1 (18).

и Князь-Владимирского собора в Петербурге по проектам архитектора А. Ринальди, руководил восстановлением шпиля Петропавловского собора, разрушенного при пожаре. Был женат на княжне Авдотье Петровне Мышецкой (1729 – 1795(?)). Ее отец, кн. Петр Григорьевич, надворный советник, имел вотчину в Новоторжском уезде: сц. Китово, сц. Глебово, д. Мышлятино.⁶² У них было трое сыновей и пять дочерей. Старший сын Николай занимал пост прокурора в Москве. Петр и Семен служили в лейб-гвардии Измайловском полку. Семен погиб в 1790 г. в сражении со шведами. Старшая дочь Анна вышла замуж за капитана Илью Березина, Александра – за Василия Капниста, поэта, богатого помещика, Дарья стала супругой овдовевшего Гавриила Романовича Державина, Екатерина – графа Якоба Стенбока, «эстляндского ландрата». Мария стала женой Николая Львова.

Нам хорошо знаком ее образ, запечатленный кистью Д.Г. Левицкого: мягкий овал лица, робкая, чуть приметная улыбка, лучистые глаза, доверчивый взгляд. Со Львовым она познакомилась в Петербурге, в любительском театре Бакуниных. В нее влюблялись многие. И.И. Хемницер посвятил ей первое издание своих басен, граф Сегюр на обороте её портрета написал:

Как нежна ее улыбка, как прелестны ее уста,
Ничто не сравнится с изяществом ее вида...
В ней больше очарования, чем смогла передать кисть,
И в сердце больше добродетели, чем красоты в лице.

Влюбился в нее и Львов. И она душою предпочла его. Их бурный роман закончился тайным венчанием осенью 1780 г.,⁶³ но влюбленные более трех лет скрывали свой брачный союз, и инициатором

⁶² После его смерти сц. Китово перешло дочерям Прасковье и Авдотье, в 1780-е гг. его продали А.А. Воейковой (ГАТО, ф. 312, оп. 6, ед. хр. 76, л. 143).

⁶³ Из метрической книги церкви Живоначальной Троицы Санкт-Петербурга: «1780 год 8 ноября № 35. Иностранной коллегии коллежский секретарь отрок Николай Александрович Львов штацкого с сосетническою Алексеевою дочерью Афанасьева сына Дьякова девицею Марию. Кто поруками подписались: по женихе – Горного корпуса надворный советник Иван Хемницер, по невесте – Тобольского пехотного полку капитан Петр Вельяминов». Цит. по: Л. Бройтман. Дом Дьяковых // Васильевский остров. 1993. № 1 (18).

сохранения тайны была Мария Алексеевна. Эта удивительная женщина органично соединяла в себе романтичность и мечтательность с независимым, решительным характером. Нам неизвестны ее «резоны» неразглашения брака: может быть, ради карьеры мужа и укрепления материального положения семьи она видела смысл сохранить в тайне их отношения.

После «обнародования тайны» Николай Александрович занялся обустройством родового поместья под Торжком, для наблюдения за строительством усадьбы приехала Мария Алексеевна с маленьким сыном Леонидом. Нам известны два письма этого периода (от 4 и 18 апреля 1785 года), из Петербурга в Торжок, «Ее высокоблагородию милостивой государыне моей Марии Алексеевне Львовой» адресует их Николай Александрович.⁶⁴ Письма эти - словно прерванный пространством разговор двух близких людей о семейных заботах и делах, волнующих обоих. Они свидетельствуют о деятельном участии Марии Алексеевны в управлении строительными работами: «Что делает столяр, и не надобно ли им клею?» – спрашивает Николай Александрович в письме от 4 апреля, и здесь же: «Кузнеца пришли мне, мой друг, на почте, когда изволишь». На полях письма приписка: «Не терплюсь узнать твои мысли и понравилось ли тебе расположение?»⁶⁵ В следующем письме от 18 апреля (накануне Пасхи) Николай Александрович пишет жене: «Праздник мой завтрашний потому только мне будет праздником, что полюбился тебе план нашего дома (это делает меня счастливым)». Благодарит жену за «дранички», сообщает, что клей придет со следующей почтой и «сто раз благодарствую, что мальчика заставила помогать штукатуру». Хотя Львов целыми днями на службе и в делах, разлука с женой ему кажется очень долгой. «Прости, м<ой> д<руг>, весьма без тебя жить скучно, пусто и совсем не хорошо».⁶⁶

Мария Алексеевна была рачительной хозяйкой, умело вела семей-

---

⁶⁴ ГАТО Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 2588. Л. 1 – 7.

⁶⁵ Там же. Л. 2, 2 об.

⁶⁶ Там же. Л. 7.

ный бюджет, заботясь о наследстве для детей: к концу 1790-х гг. за Львовыми числилось не менее 1600 крестьян.⁶⁷

Родственные и дружеские отношения связывали Львовых с семьей Дмитрия Марковича Полторацкого.⁶⁸ Не имея своего дома в Москве, они часто гостили у Полторацких, а в 1792 г. Мария Алексеевна родила в их доме дочь Веру.⁶⁹

В письмах Марии Алексеевны к Полторацким рисуется ее образ как удивительно умной, практичной, хозяйственной женщины.⁷⁰ Так, в письме от 28 декабря 1794 г. Мария Алексеевна аргументирует свои советы Дмитрию Полторацкому по вложению капитала: «Митенька, мой друг, пишешь, что это вам Мария Алексеевна не велит покупать деревни, – правда, мой друг, грешен человек, а вот на это мои причины, первая – то, что мне кажется невероятно, чтоб с 400 душ получить 60 тысяч доходу, а вторая то, что хотя бы ты до этого и дошел, так надобно часто неусынное попечение, которое тебя лишит иногда и покою, а удовольствие в 60 тысяч наверно лишится лучшего, мне бы вот как кажется, обработать наперед Авчурино,⁷¹ сделав тут хороший доход, покунай в других местах, ты, скажем, что, такой дерев-

⁶⁷ Согласно Ревизским сказкам на помещиков Повоторжского уезда, в 5 ревизию (1795) за Львовыми числилась 1000 душ муж. пола (ГАТО, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 31, л. 3). По Именным указам императора Павла I (Сенатский архив, т. 1. СПб., 1888), император пожаловал Н.А. Львову 600 душ муж. пола: в Саратовской губ. Балашовской округе с. Рязанов Брод – 544; в Новгородской губ. Валдайского уезда дер. Руднево – 37 и дер. Букина – 19. (Г.Д. Злочевский. Н.А. Львов. Библиография // Гений вкуса. Тверь, 2001. С. 378.)

⁶⁸ Полторацкий Дмитрий Маркович (умер 1818), жена Анна Петровна, урожд. Хлебникова. Их сын Сергей Дмитриевич, известный библиофил, был дружен с А.С. Пушкиным, в его библиотеке (в 1856 г. переданной в Румянцевский музей) были книги с автографами поэта. М.А. Львова находилась в свойских отношениях с Д.М. Полторацким, брат которого, Александр Маркович, был женат на ее двоюродной сестре, Татьяне Михайловне Бакуниной.

⁶⁹ РО РГБ. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 2. Письмо М.А. Львовой к А.П. Полторацкой от 23 августа 1792 г. «...с самого вашего отъезда Николай Александрович у меня все неможет, отчего мне очень скучно, а я ведь еще в таком уж положении как вы меня оставили...» В левом верхнем углу приписка: «Тогда Марии Алексеевне удалось родить вторую дочь в Москве, в нашем доме ... (неразб.)».

⁷⁰ РО РГБ. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 2 – 8. В фонде С.Д. Полторацкого хранятся четыре письма М.А. Львовой, адресованные Полторацким.

⁷¹ Имение Авчурино Московской губ. (с 1796 г. – Калужской губ.) Д.М. Полторацкий приобрел у кн. С.В. Гагарина. Усадьба застраивалась в нач. XIX в. по проектам арх. В.П. Стасова.

ни не найдешь? Да за эти деньги всегда купить будет можно, а то подумай, ты будешь раб своего имения, и все будешь в хлопотах о долях и процентах и в 10 лет с ним не расквитаешься. А вот какое мое мнение, ежели бы у тебя было хотя 60 тысяч наличных денег, в которые бы ты <клякса> в проценты, так тут еще так можно купить, а впрочем, мой друг, ты делай то, что ты хочешь».⁷² Приведем еще небольшой фрагмент этого письма, поясняющий причину, по которой сватовство Г.Р. Державина к ее сестре Дарье содержалось в тайне: «...Простите, добрые люди, правда, что наша Даша выходит за Гавриила Романовича, но писать к вам теперь только об этом можно, потому что матушка вчера только приехала и вчера только благословила, но вы не всем сказывайте, потому что по этикету надобно царице доложить, вот отчего мы молчим».⁷³

В письме от 2 мая 1796 г. она советует: «...пожалуйста, не езди, Дмитрий, куда дом не отдали откупщикам, это, брат, изрядный доход как удастся сделать». В том же письме Мария Алексеевна сообщает Полторацким, что вынуждена сидеть дома, потому что болит нога: «Еще того досаднее, что, может быть, не буду (за тою же ногою) у нашего графа в маскарадах, где будет вся царская фамилия, которых я довольно не видела, и правда, хочется посмотреть, говорят, что наши великие княжны – красавицы, вот и меня, старуху, соблазнили»,⁷⁴ – несколько кокетничает Мария Алексеевна.

Когда Николай Александрович на десять месяцев оказался прикованным к постели, Мария Алексеевна все время была при нем. Выздоровление шло медленно.

1 декабря 1800 г. она пишет Полторацким: «...прикажете разделить мое удовольствие так, как делили вы горести мои: больному моему, слава богу, милые мои, становится час от часу лучше, и он уже сам ходит». Даже в такое тяжелое время Мария Алексеевна не забрасывает дела, она хочет приобрести новую деревню, просит Анну Петровну: «...сделай милость, моя душа, наведайся, где эта деревня, хороша

⁷² РО РГБ. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 4, 5.

⁷³ Там же. Л. 5. После смерти жены, Екатерины Яковлевны (15 июля 1794 г.), Г.Р. Державин женился на сестре Марии Алексеевны – Дарье Алексеевне Дьяковой (31 января 1795 г.).

⁷⁴ РО РГБ. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 6.

ли она, прикажи, матушка, кому-нибудь, надежному человеку, туда съездить, сжали от вас недалеко, и уведоми меня, можно ли ее купить, чтоб не ошибиться, и что в ней будет доходу».

Мария Алексеевна постоянно переписывалась с тетужкой Л.П. Бакуниной, отправляла посылки из столицы в Прямухино, выполняя ее заказы: «Посылаю при сем матушке тетужке Любове Петровне шелк, ... кажется, точно такой, как даны образцы были, а для дялюшки пол-аршина байки». Содействует, чтобы их ткача Мишку отправить на учебу, с тем чтобы он впоследствии научил бы и ее ткача: «а я туда отпишу, что его учили, а я просить буду вас на будущий год, чтоб выучили ткача у меня ... (неразб.), потому что нынешний год у меня совсем пряжи нету».⁷⁵

Иные по тональности, по настроению письма Марии Алексеевны к двоюродному брату Александру Михайловичу Бакунину в Прямухино, написанные после смерти мужа.⁷⁶ В письме от 8 марта 1806 г. Мария Алексеевна рассказывала о последних днях давнего друга семьи Вельяминова: «Петр Лукич наш отправился к своему другу Николаю Александровичу. Мне его не жаль, кажется, что им вдвоем там будет веселее, а плачу, жаль, что никого по себе не оставил. Приехал к Оленину погостить, скончался очень спокойно и счастливо».

5 апреля 1806 г. Мария Алексеевна срочно пишет в Прямухино Бакунину: «Сию минуту, мой друг, получила твое письмо и специально отвечаю тебе». Судя, по ее ответу, Бакунин производил посадки деревьев в парке в Никольском, согласно плану, составленному Николаем Александровичем. Он писал, что на плане усадьбы, подписанном рукой Николая Александровича, указано место для посадки лиственницы – против пруда церковного, и Мария Алексеевна обеспокоена, «что, наверное, забыл, запямятовал Николай Александрович, в том месте, направо от церкви, по дороге в Торжок, что называется у нас «чухонь», лиственницу сажать нельзя, непременно вымерзнет, что будет жаль, ведь сажал ее он сам, а прикажите посадить её в гору, налево, как ехать в Торжок», и ещё сообщает, что «один раз Гавриил

⁷⁵ РО ИРЛИ. Ф. 16. Оп. 9. Ед. хр. 192. Л. 1.

⁷⁶ РО ИРЛИ. Ф. 16. Оп. 9. Ед. хр. 193. Л. 1 – 4. В фонде Бакуниных хранятся три письма М.А. Львовой к А.М. Бакунину этого периода (март, апрель 1806 г.).

посадил на Петровой горе за больницу и возле больницы лиственницы, и тут место». Письмо содержит немало интересной информации: во-первых, в Никольском был питомник, и Николай Александрович сам занимался выращиванием саженцев, во-вторых, на Петровой горе была больница, однако в известных нам источниках (в том числе в плане усадьбы Никольское) на Петровой горе значится только комплекс хозяйственных построек.

После смерти мужа жизнь для Марии Алексеевны как будто утратила смысл. Единственное, что ее беспокоило, что удерживало на этой земле, это незавершенная отделка церкви Воскресения и родовой усыпальницы: «Боже мой! Когда моё желание исполнится, чтоб в Никольской была служба». Для этого, оказывается, необходимо, чтобы земля под церковью, домом священника и сторожкой была отведена епархии. Об отводе земли хлопотал Бакунин. Он подыскал попа из деревни Яконово и присматривал за строительством дома для него. Мария Алексеевна пишет: «...надо стараться, чтобы поп всем доволен был». В епархии тоже немало бюрократических проволочек, и в одном из писем она сообщает: «...Гавриил Державин при дворе пожаловался петербургскому митрополиту на нашего архиерея», и в другом письме: «Нет ли у тебя знакомого в консистории, чтобы освидетельствовали, что все здесь готово».

Храм освятили в августе 1806 года. Когда это свершилось, она успокоилась: «Хлопотам моим конца нету. А я уже устала. Что Богу угодно будет, то и будет».

И было Богу угодно, что через год, в июне 1807 года, Мария Алексеевна умерла, ей было 52 года. Как будто судьба отмерила им почти равные сроки земного бытия. Прах ее положили рядом с тем, кого она любила больше всех на свете.

После смерти родителей опекуном детей Львовых стал Гавриил Романович Державин.

В 1810 г. он приехал в Никольское поклониться могилам друзей, написал: «Да вьется плющ, и мир здесь высится зеленый, хор свищет соловьев, смеется пестрый луг».

В начале 1930-х гг. в родовой усыпальнице Львовых все было «поругано и изображено». Львовых в мавзолее нет.

95/89. Петр Николаевич (1752 – 29.02.1824)

Генерал-лейтенант и кавалер. Жил в Санкт-Петербурге. В 1816 г. от тверского губернского предводителя дворянства А.М. Полторацкого получил отношение о награждении его памятной медалью «1812 год», на что отвечал, что медаль он уже получил от Санкт-Петербургского предводителя дворянства. Его дом в Арпачеве Тверской губернии, «но старший хозяин дома, его родной брат надворный советник Александр Николаевич Львов с ним они не разделены, но живут отдельно. Брату и надлежит получить медаль».⁷⁷ Погребен в Арпачеве.

Жена: Варвара Аполлоновна (родилась 1767(?)).

96/89. Александр Николаевич (около 1758 – 22.04.1822)

Майор и ассессор Тверской гражданской палаты (1787 – 1794), надворный советник. Погребен в Арпачеве, сохранилась надгробная плита с надписью: «Здесь почит прах надворного советника Александра Николаевича Львова скончавшегося 1822 апреля 22 дня на 65 году жизни».⁷⁸

97/89. Ольга Николаевна (1762 – 20.01.1819)

Девица. В 1811 г. за ней числилось 227 душ в с. Арпачеве, д. Вишенье, д. Челядино, д. Гаврилово, сц. Захожье, д. Скрыпово, д. Сосенка.

Погребена в Арпачеве. Сохранилась надгробная плита с надписью: «Здесь погребена девица Ольга Николаевна Львова дочь статского советника Николая Петровича и Степаниды Дмитриевны Львовых, скончавшаяся 1819 года генваря 20 дня к неутешной горести братьев ее родных Петра, Александра, Василия».⁷⁹

98/89. Василий Николаевич (1767 – 15.02.1833)

Гвардии сержант, губернский секретарь. Погребен в Арпачеве.

⁷⁷ ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 600. Л. 1, 2.

⁷⁸ Чугунная литая надгробная плита трапециевидной формы. С 1920-х гг. использовалась подом в печи крестьянского дома в Арпачеве. В 1997 г. была обнаружена А.П. Львовой на пепелище сгоревшего дома, в настоящее время хранится в храме Казанской Божьей матери с. Арпачева.

⁷⁹ Чугунная литая плита прямоугольной формы. С 1920-х гг. использовалась подом в печи крестьянского дома. В 1980-е гг. была обнаружена Л.Н. Прилуцким на пепелище сгоревшего дома, в настоящее время хранится в храме Св. Петра и Павла в с. Красном.

99/90. Дмитрий Петрович (родился 1771)

Надворный советник.

100/90. Федор Петрович (20.06.1766 – 14.12.1836)

Из Русского биографического словаря: «Львов Федор Петрович, тайный советник, исполняющий должность статс-секретаря Государственного Совета, директор Придворной певческой капеллы, родился 20 июня 1766 года. Службу начал подпрапорщиком II Преображенского полка в 1778 г., через два года был произведен в сержанты, в 1783 г. уволен от службы в чине капитана с определением в коллегию иностранных дел и в том же году находился в составе миссии, отправленной в Дрезден, но в следующем году возвратился в Петербург. По объявлении турками войны Львов в 1788 г. был назначен для производства письменных дел к генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому, в следующем году произведен в чин секунд-майора и тогда же возвращен в коллегию иностранных дел с переименованием в коллежские асессоры. В 1794 г. Львов был назначен на должность директора Архангельской портовой таможни и произведен в надворные советники, а в 1797 г. переведен таможенным инспектором в Эстляндскую губернию. Произведенный в 1799 г. в коллежские советники, Львов в 1801 г. был определен в канцелярию Государственного Совета по части иностранной и коммерческой экспедиторским помощником, в следующем году назначен правителем канцелярии при министре коммерции, а в 1803 г. – директором в департамент министерства коммерции и произведен в статские советники. За составление видов государственной торговли на 1802 г. и особенно по С.-Петербургскому порту с иностранными державами на 1805 г. Львов удостоился высочайшего подарка – двух бриллиантовых перстней. Уволенный в 1810 г. по болезни от последней должности с чином действительного статского советника, он в том же году был определен в комиссию законов, в которой заявил себя составлением проекта таможенного устава, одобренного Государственным Советом и вошедшего частью в состав манифеста о привозе и вывозе товаров на 1811 г. Вследствие утверждения в 1816 г. нового штата комиссии составления законов, Львов вышел в отставку и до 1824 г. пробыл за штатом, несмотря на то, что Державин, с которым он состоял в родстве, всячески ходатайствовал за

Федор Петрович и Надежда Ильинична Львовы.

В.Л. Боровиковский. Конец XVIII в. Копии предоставлены Б.И. Колобковым.

него перед государем. «Видя сомнение ваше, – читаем в рескрипте на имя Державина от 25 мая 1816 г., – насчет присланной ко мне Львовым просьбы о назначении ему должности, я извещаю вас, что просьба сия не забыта, но оставлена мною без внимания потому, что в местах должны быть употреблены чиновники по удостоению того начальства, под которым оные состоят. Председатель же комиссии Законов не назначил Львова в числе выбранных для оставления в Комиссии, а продолжать же производство жалования ему в то время, когда ничем он не занимается, было бы противно справедливости, особливо когда он, сколько мне известно, по состоянию своему не имеет в нем нужды и получает пансион». (Сочин. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. 2 изд., т. VI, стр. 380). Если верить воспоминаниям П.И. Шенига («Русск. Арх.» 1880 г., т. III, стр. 311 – 315), Львову помог граф Аракчеев, с которым он познакомился, когда проводил лето в Званке у Державиных. «Аракчеев, – вспоминает Шениг, – наслышанный об уме старика Львова, захотел с ним

познакомиться, и тот, приняв простодушный вид и простой тон, так умел очаровать графа, что через две недели (1824 г.) был назначен помощником статс-секретаря Государственного Совета и тогда же был перемещен в департамент военных дел; в 1825 г. Львов вошел, в качества члена, в комитет для управления комиссиями, установленными для свода запретительных книг, в 1826 г. был назначен директором Придворной певческой капеллы, с оставлением в должности помощника статс-секретаря Государственного Совета, в 1827 г. назначен исправляющим должность статс-секретаря по Государственному Совету в департамент государственной экономии и в 1828 г. – членом комитета о составлении проекта устава об управлении коренными крестьянами. Пожалованный в 1829 г. в тайные советники, Львов в 1833 г. был уволен от исправления должности статс-секретаря по Государственному Совету, оставаясь директором Придворной певческой капеллы. в каковой должности и скончался 14 декабря 1836 г.

Принимая деятельное участие в «Беседе Любителей Русского Слова», Львов оставил после себя довольно много стихотворений и «писем» в сентиментально-патриотическом духе, которые изданы им самим под заглавием «Часы свободы в молодости» (СПб., 1831 г., 2 части; во 2-ю вошли «Письма Скимнина», изданные отдельно в 1813 г.). Кроме того, Львовым составлен биографический очерк Н.А. Львова («Сын Отечества», 1822 г., т. 17, и «Москвитянин» 1855 г., № 6) и брошюра «О пении в России» (СПб., 1834 г.), а также изданы «Объяснения на сочинения Державина», продиктованные самим поэтом жене Львова, Елизавете Николаевне. В собрании рукописей проф. И.В. Помяловского, ныне принадлежащих Императорской Публичной Библиотеке, недавно найдена записная книжка Львова, в которую он заносил свои интересные размышления о современной общественной и политической жизни в России. Наряду с общими рассуждениями о сущности представительного строя и его преимуществах, находим здесь и цельный проект конституции для России в 8-ми главах: 1) о правах государя или о преимуществах его; 2) о власти исполнительной; 3) о власти представительной; 4) о власти судной; 5) о вооруженной силе; 6) о правах политических, 7) о правах частных или личных и 8) о том, что конституции противно. Автор конституционного про-

екта не забывает, что «конституции редко делаются людьми: их создает время, они вырастают постепенно и нечувствительно. Но случаются и такие обстоятельства, где устройство конституции необходимо, и тогда одно необходимое сделать должно, прочее же предоставить времени и опытам».⁸⁰

По воспоминаниям П.И. Шенига, «Ф.П. Львов ... был человеком ума и способностей необыкновенных. Родня и друг Державину и Капнисту, он и сам был поэтом, и многие из его сочинений изданы под названием Скимнина. Начав службу свою в канцелярии фельдмаршала Румянцева, он потом поступил секретарем к канцлеру, его сыну, по части коммерции. Вся торговля и таможня были в его руках; и он, по уверению многих, составил себе огромное состояние, которое, однако ж, до сих пор не обнаружено, а скорее надобно думать, что слухи эти основаны на вероятии; может статься, что он и пользовался подарками, но не заметно, чтобы он копил миллионы, как многие думали. Первая жена его была Березина, осталось в живых 11 детей, в том числе Алексей, ныне генерал-майор, директор певческой капеллы, известный скрипач и композитор. ...

Впоследствии Федор Петрович был секретарем Сперанского и оставался числящимся по герольдии до 1823 года. Кочубей и Мордвинов представляли о принятии его вновь в службу, но государь, будучи предубежден, всегда отказывал, и Львов увидел, что для этого нужно действовать через Аракчеева, которого никогда не знал лично. Случай к этому скоро представился. Федор Петрович проводил часть лета на Званке, у тетки своей Дарьи Алексеевны Державиной, в соседстве военных поселений. Сын его Алексей, будучи поручиком путей сообщения, строил близ Новгорода мост, и Аракчеев часто приезжал смотреть работы. Проведав время, когда граф должен был приехать, Львов прибыл к сыну, и тот в разговоре с графом сказал, что теперь у него в гостях отец. Аракчеев, наслышанный об уме старика Львова, захотел с ним познакомиться, и тот, приняв простодушный вид и простой тон, как умел, очаровал графа, что через две

⁸⁰ Д. Абрамович. Львов Федор Петрович // Русский биографический словарь. Т. «Лабзина – Ляшенко». М., 1996. С. 791 – 792.

недели был назначен помощником статс-секретаря в Государственном Совете с назначением состоять при Аракчееве. Тут открылось для него новое поприще, и деловой ум его оказался в полном блеске. Граф поручал ему рассмотрение важнейших дел, а тут Куракин, Кочубей, Мордвинов и др. бросились к нему за советами и ходатайствами. Он умел подделаться под необразованный тон графский и не иначе называл его как «батюшка, ваше сиятельство. Вы единственный наш государственный человек. Берегите себя и подумайте, что будет с бедной Россией, ежели вы себя расстроите». Так говаривал ему он, и тот со слезами на глазах обнимал Львова и говорил дружески: «Вот человек, который один меня понимает». Между тем Федор Петрович, возвратясь домой, в кругу семьи, в которой я (Шениг) бывал принят как родной, смеялся над глухой необразованностью Аракчеева. Вскоре получил он две звезды и произведен в тайные советники. При имп. Николае I, лишась своего покровителя и чувствуя себя уже устаревшим, чтобы добиваться новых почестей, он остался только директором придворных певчих и предался музыкальной своей страсти. После смерти жена получила в пансион все его жалования, а дочери сделались фрейлинами».⁸¹

Жена: 1) Надежда Ильинична Березина (09.01.1776 – 26.03.1810), племянница Марии Алексеевны Львовой, урожд. Дьяковой (94/88); 2) с 1810 г.: Елизавета Николаевна Львова (110/94), дочь архитектора Николая Александровича Львова (94/88); Ф.П. Львову приходилась племянницей.

101/90. Павел Петрович (1773 – август 1813)

Капитан (1792); надворный советник. В 1798 г. просил место для строительства деревянного дома в Торжке в 3 части в 78 отделении на Санкт-Петербургской дороге.⁸² Убит своим крестьянином.

Жена: Надежда Дмитриевна Лунденева.

Без потомства.

102/90. Пелагея Петровна (родилась 1774)

---

⁸¹ Н.И. Шениг. Воспоминания // Русский архив. 1880. Кн. 3. С. 313 – 315.

103/90. Василий Петрович (родился 1775)

Коллежский секретарь.

104/90. Наталья Петровна (родилась 1779)

105/90. Петр Петрович (1781 – до 1836)

Действительный статский советник.

Жена: 1) Варвара Сергеевна Березина;

2) Вера Петровна Лазарева (умерла 1867), совладелица с. Арпачева.

106/90. Надежда Петровна (родилась 1783)

107/90. Любовь Петровна (родилась 1784)

XIX

108/94. Леонид Николаевич (03.08.1784 – 01.12.1847)

Леонид, первенец Львовых, родился 3 августа 1784 г. В это время Николай Александрович занимался обустройством родного Никольского. Мария Алексеевна, как рачительная хозяйка, решила вести присмотр за строительством, с грудным сыном приехала в усадьбу – так Леонид впервые посетил родовое гнездо и чувствовал себя там неплохо: «Слава Богу, что Леонид здоров, по крайней мере, это тебя не беспокоит», – писал к жене Львов.⁸³ С юмором упоминает отец о двухлетнем сыне и в письме к Державину: «Леонидка просит жениться...»⁸⁴

Леонид получил домашнее образование. Известно, что учителем рисования с 1799 г. у Львовых был И.А. Иванов (1779 – 1848), который, вероятно, занимался и с ним.

В 1800 г., в связи с тяжелой болезнью Николая Александровича, решено было как можно быстрее определить старшего сына, и Леонида направляют в юнкерскую школу при Сенате. Окончив ее, в августе 1801 г. он определен в Коллегию иностранных дел, не без ходатайства Г.Р. Державина: «Племянник Вашего превосходительства вру-

⁸² ГАТО. Ф. 172. Оп. 2. Ед. хр. 399. Л. 28.

⁸³ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 2588. Л. 1 – 2.

⁸⁴ Н.А. Львов – Г.Р. Державину. 23 марта 1787 г. // Сочинения Державина. Т. 5. СПб., 1869. С. 667.

чил мне вчера при письме Вашем и прошение о принятии его в Коллегию иностранных дел»,⁸⁵ – сообщал кн. Куракин, – так Леонида направили «по стопам отца». В апреле 1802 г. он был причислен к Мадридской миссии сверх штата.⁸⁶

Возвратился в Россию он в 1805 году, отца уже не было в живых, Мария Алексеевна, вероятно, сильно болела, поэтому дети Львовых жили у Державиных. Молодой литератор С. Жихарев, присутствовавший в декабре 1806 г. на обеде у поэта, вспоминал: «Державин за столом был неразговорчив. Напротив, прелестные племянницы его говорили беспрестанно, мило и умно. Племянников не было, Леонид служил в Иностранной коллегии и недавно приехал из Мадрида, где он был при посольстве».⁸⁷

В декабре 1806 г. Львов вступил в Земское войско и был направлен к генералу графу Татишеву.

В Петербурге 15 июня 1807 г. скончалась Мария Алексеевна, и Леонид выхлопотал разрешение похоронить мать рядом с отцом в Никольском. По представлению Коллегии иностранных дел в 1812 г. Львов получил чин надворного советника. К этому времени он стал владельцем родового села Никольское, «что прежде было пустошь Черенчицы с 96 мужского пола душами ревизии».⁸⁸

В июне 1812 г. Леонид Николаевич пригласил молодого художника Максима Воробьева (1787 – 1855) погостить в Никольском. Известна серия рисунков М. Воробьева, созданных в тот приезд: «У колодца в деревне», «Хаты», «Пейзаж с ветряной мельницей», «Никольское», «Фонтан в селе Никольском», и одна картина маслом – «Уборка сена».⁸⁹ Его пейзажи с видами имения, со сценками «обыденной» деревенс-

---

⁸⁵ А.Б. Куракин – Г.Р. Державину. 20 ноября 1801 г. // Сочинения Державина. Т. 6. СПб, 1871. С. 371.

⁸⁶ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2370. Л. 150 – 153. Формулярный список о службе коллежского советника Л.Н. Львова. Далее: Формулярный список...

⁸⁷ С.П. Жихарев. Записки современника // Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985. С. 476.

⁸⁸ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2370. Л. 227 – 228. Раздел недвижимого имущества между детьми Н.А. Львова проводился при участии Г.Р. Державина в ноябре 1811 г.

⁸⁹ Каждый рисунок имеет автограф М. Воробьева и надпись: «В селе Никольское у Л.Н. Львова». Хранятся в ГТГ. О пребывании художника в Никольском см.: Смирнов Г. Максим Никифорович Воробьев. М., 1950. С. 6.

кой жизни интересны как для этнографов, так и для исследователей усадебного творчества Н.А.Львова: они дают представление о несохранившихся к началу XX в. постройках. Так, на рисунке «Никольское», кроме хорошо знакомого мавзолея, можно видеть утраченное ныне землебитное здание скотного двора – с шестиколонным дорическим портиком, завершенным треугольным фронтоном. Известно, что при въезде в усадьбу со стороны Торжка находился фонтан. Его запечатлел М. Воробьев на рисунке «Фонтан в селе Никольском»: оригиналь-

Леонид Николаевич Львов (?).

В.А. Тропчинин (?). 1847 г.

ное сооружение в виде грота, декорированного камнем-валуном; вода падала в каменные чаши, которые служили водопоем.⁹⁰ В документах середины XVIII в. упоминается ветряная мельница, находившаяся близ имения,⁹¹ вероятно, ее дважды, в разных ракурсах, рисует художник. Штабеля леса свидетельствуют, что при мельнице была и лесопилка.⁹² Начавшаяся война заставила Воробьева и Львова покинуть усадьбу. После Смоленского сражения, в августе 1812 г., многие жители спешно выезжали из столицы, вывозя имущество. Леонид, в те дни находившийся в доме Державина на Фонтанке, был обеспокоен эвакуацией и сообщал об этом в письме к дядюшке в Званку. Гавриил Романович срочно отвечал ему, давая подробные указания, что необходимо готовить к отправке в имение в первую очередь.⁹³

⁹⁰ Одна из каменных чаш сохранилась, находится в с. Никольском.

⁹¹ РО ИРЛИ. Ф. 793. Ед. хр. 4. Л. 11.

⁹² Вероятно, мельница и лесопилка работали поочередно: зимой мололи муку, летом вели распилку заготовленного зимой леса.

⁹³ Г.Р. Державин – Л.Н. Львову. 12 августа 1812 г., Званка // Сочинения Державина. Т. 6. СПб., 1871. Письмо № 1151.

Фонтан в селе Никольском. *М.Н. Воробьев. 1812 г.*

В декабре 1812 г. Львов вступил в Земское ополчение и был зачислен в Тверской казачий полк в отдельный отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова. Сначала его назначили конвойным офицером при главнокомандующем 2-й армии, затем посыльным курьером от главнокомандующего в Стокгольм. В награду за службу Леониду был пожалован Крест воинского ордена меча IV степени, который он получил из «собственных рук» принца, впоследствии короля Швеции. За участие в сражении под Магдебургом и в блокаде города Гамбурга он был награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом.⁹⁴ В 1816 г., после смерти дядюшки Г.Р. Державина, Леонид Николаевич возрасте 32 лет, в чине надворного советника, «по домашним обстоятельствам» оставил службу.

18 апреля 1817 г. он подает прошение архиепископу Тверскому и

⁹⁴Формулярный список... Л. 150 об. – 151.

Никольское. М.Н. Воробьев. 1812 г.

Кашинскому о разрешении вступить в брак с троюродной сестрой Еленой Николаевной Козляниновой.⁹⁵ Елена Николаевна была талантливой художницей, увлекалась скульптурой малых форм.

Став семейным человеком, Леонид обустраивает, обживает отцовский дом, перебирается на летние месяцы в деревню. В 1818 г. в семье Львовых рождается дочь Мария, на следующий год – дочь Александра. Вероятно, кровное родство сказалось на слабом здоровье потомства. Первая трагедия молодой семьи – смерть годовалой Александры. Тогда, в июле 1820 г., Леонид Николаевич обращается в Тверскую Епархию за разрешением хоронить его, жену и детей в родовой усыпальнице – в церкви с. Никольского, рядом с отцом и матерью. В знак «уважения памяти храмоздателя» такое разрешение было получено.⁹⁶

О служебной карьере Львова известно, что в 1821 г. он определен в

⁹⁵ В документах встречается написание фамилии Козлянинова, Козлянинова.

⁹⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 11. Ед. хр. 2172. Л. 1 – 2.

коллежские советники, а в 1829 г. его избрали почетным смотрителем Новоторжского уездного училища.⁹⁷

Нам неизвестно, какого рода предпринимательством занимался Леонид Николаевич, но о причастности к сему свидетельствует его письмо 1830 г., адресованное Александру Михайловичу Бакунину: «...как бы Вас успокоить по делу вашему. Часто, весьма часто о сем я с братом Капнистом приискивал способы отклонения от вас столь значительного убытка ... пока Тамбовская губерния не пройдет долги, а когда оныя поступит на торжище – неизвестно. ... Мишу я недели две навещал за торгами». Львов опекал в Петербурге сына Бакунина – Михаила (в будущем известного революционера-анархиста), который тогда был юнкером Михайловского артиллерийского училища: «вчера, в Троицин день, хотел за ним заехать, чтобы взять, но узнал, что меня предупредил Княжевич. Им в школе весьма довольны», – сообщал он дядюшке.⁹⁸ В 1833 г. Михаил Бакунин был произведен в прапорщики, покинул казарму и переселился в дом тетушки Д.А. Державиной. В письме 1834 г. Л. Львов сообщал А.М. Бакунину: «Пользуюсь сим случаем, милый дядюшка, чтобы доставить Вам стихи Пушкина, которые мне весьма понравились, в особенности «Клеветникам России». Я уверен, что всем будет весьма приятно их прочесть».⁹⁹ Стихи эти он переписал у С.Б. Полторацкой в Грузинах.¹⁰⁰

Есть сведения, что А.С. Пушкин, когда занимался историей Пугачевского бунта, обращался к Леониду Николаевичу с просьбой представить к ознакомлению «Записки» из архива Г.Р. Державина, но просьба его не была исполнена.¹⁰¹ Согласно воле вдовы поэта, Дарьи Алексеевны, «рукописи стихотворений, как изданных, так и неизданных, и украшенные виньетами» завещаны были племяннику Леониду Львову.¹⁰² Почему именно Леонид оказался хранителем бес-

⁹⁷ ГАТО. Формулярный список... Л. 152.

⁹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 16. Оп. 9. Ед. хр. 179. Л. 1 – 2.

⁹⁹ Там же. Ед. хр. 180. Л. 3.

¹⁰⁰ Софья Борисовна Полторацкая, урожд. Голицына – жена Константина Марковича, владельца села Грузины Новоторжского уезда.

¹⁰¹ Сочинения Державина. Т. 9. СПб., 1883. С. 56, 57.

¹⁰² Там же. Т. 8. СПб., 1880. С. 1011.

ценного поэтического наследия: по старшинству или как знаток и ценитель поэзии? Известно, что с ранней молодости он находился в приятельских отношениях с Константином Батюшковым, был дружен с Николаем Гнедичем. Косвенное подтверждение этому находим в письме К. Батюшкова Н. Гнедичу, когда тот сообщает о замужестве сестры Львова Елизаветы Николаевны: «Львова выходит замуж за Львова. Я этого все не понимаю. Леонид ко мне пишет очень забавно, а об этом ни слова».¹⁰³

В 1833 г. Леонид Николаевич был избран на трехлетие почетным попечителем Тверской гимназии.

К этому времени за ним числилось более 1000 душ крестьян в Новоторжском и Вышневолоцком уездах, из них большая часть достались по наследству, а 281 – благоприобретенные,¹⁰⁴ в деревнях Никольское, Вишенье, Покровское, Никифоровка. Родовое имение Арпачево находилось в совместном владении с двоюродным братом, Николаем Федоровичем, и Верой Петровной «неразделенной землей, принадлежащей по любовной сказке», в Арпачеве и Никольском у них был один управляющий – «свободный хлебопашец Федор Никитич Лебедев».¹⁰⁵

В Никольском была самая большая в Новоторжском уезде сыроварня, производительностью 465 пудов в год. Продукция сыроварни поставлялась в Торжок, Петербург и Москву, приносила 1860 рублей прибыли.¹⁰⁶ По воспоминаниям старожилов, сыр славился необыкновенным вкусом, потому что в Никольском росла какая-то трава, прилавшая молоку своеобразный привкус.

В Кузнецовской волости Вышневолоцкого уезда Леониду по наследству от отца перешло с. Покровское.¹⁰⁷ Земли в Кузнецовской воло-

---

¹⁰³ Батюшков К. Избранная проза. М., 1987. С. 305.

¹⁰⁴ Формулярный список... Л. 150 об. – 151.

¹⁰⁵ РО ИРЛИ. Ф. 793. Ед. хр. 3. Л. 13, 11. Вера Петровна – жена Петра Петровича Львова (105/90).

¹⁰⁶ В Новоторжском уезде было три сыроварни: кроме Никольской, в с. Грузины – Полторацких, производительностью 200 пудов, в с. Митине – Львовых, производительностью 135 пудов в год. (ЦВИА. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при I-ом Отделении Департамента Генерального штаба. Т. IV. Ч. 4. 1848.)

¹⁰⁷ Николай Александрович получил с. Покровское после смерти матери Прасковьи Федоровны в 1793 г. (ГАТО, ф. 665, оп. 2, ед. хр. 1123, л. 2, 11).

сти неурожайные, песчаные. Единственный Осташковский тракт проходил вдоль течения реки Цны. В 1832 г. Львов на берегу р. Цны построил стекольный завод, который позднее стали называть Цнинским.¹⁰⁸

По родословной известны пятеро детей Леонида Николаевича, а по воспоминаниям современника было «тринадцать детей, из которых в своем родовом Никольском они похоронили девятых, преждевременно погибших от наследственной чахотки. Предпожив, что главной причиной был суровый климат Тверской губернии, отец и мать решились переселиться с остальными детьми своими на юг Франции. Прошло всего три года, и в Петербург вернулась мать с одним сыном Леонидом, да и она недолго протянула».¹⁰⁹ В «Провинциальном некрополе» упомянуты трое детей Львовых, похороненных неутешными родителями в Никольском: Александра (16.05.1819 – 1.10.1820), Николай (29.06.1824 – 3.12.1825), Мария (24.05.1818 – 18.02.1825).¹¹⁰

Леонид Николаевич Львов умер, вероятно, во Франции. Погребен в северной галерее Воскресенской церкви в родовом имении Никольское. Жена: Елена Николаевна Козлянинова (20.05.1800 – 27.08.1850). Погребена в родовой усыпальнице Львовых в Никольском. Сохранилась надгробная плита.

109/94. Александр Николаевич (1786 – 10.03.1849)

Родился в 1786 году, второй сын Николая Александровича и Марии Алексеевны Львовых. От рождения имел слабое зрение. Алексанечка «в голосе своем гораздо более имеет нот, нежели в русской азбуке букв считается, – так писал Львов двоюродному брату жены, Н.П. Яхонтову. – Для него и двух моих девочек напишу я маленькую драму и пришлю к твоему песнословию».¹¹¹

В феврале 1799 года, на четырнадцатом году жизни, Александр начал

¹⁰⁸ Ныне это стекольный завод ОАО «ВОСТЕК».

¹⁰⁹ В.А. Полторацкий. Воспоминания // Исторический вестник. 1893. Т. II. С. 750.

¹¹⁰ Провинциальный некрополь. СПб., 1914.

¹¹¹ Цит. по: Львов Н.А. Избранные сочинения. Кельн - СПб., 1994. С. 349. Н.П. Яхонтов – советник при Псковском губернаторе, композитор. Н.А. Львов действительно сочинил комическую оперу «Милет и Милета».

службу в Коллегии иностранных дел юнкером, но уже через четыре месяца «за реформой по Новому уставу остался не у дел».¹¹² Вероятно, тогда «он послан был отцом в Курляндию на воспитание в доме пастора».¹¹³ Сколько времени Александр пробыл в Курляндии, неизвестно. В письме к Державину от 30 сентября 1800 года Н.А. Львов обращается к Дарье Алексеевне: «...дай слепому Александру что-нибудь на присягу, когда он по ходатайству Гавриила Романовича в иностранную коллегию переведен будет».¹¹⁴ Однако только в ноябре 1801 года Александр «поступил Правительствующего Сената в Юнкерскую школу, откуда по Высочайшему приказу переведен в Коллегию Иностранных дел юнкером». Служил переводчиком.¹¹⁵

В сентябре 1802 года Г.Р. Державин занял пост Первого министра юстиции и генерал-прокурора и постарался перевести племянника в свое ведомство. В марте 1803 года Александр «определен в Департамент министерства юстиции ... переименован в чин титулярного советника». В январе 1806 года «пожалован в коллежские асессоры», а в декабре 1810 года переведен в надворные советники.¹¹⁶ Александр служил под началом князя П.В. Лопухина (1753 – 1827), а затем И.И. Дмитриева (1760 – 1837) – известного поэта, друга Державина. После смерти матери в 1807 году дети Львовых находились под опекой Державиных. Александр был любимым племянником Гавриила Романовича; есть сведения, что он, не имея собственных детей, хотел передать ему свою фамилию.¹¹⁷

В те годы в доме Державиных воспитывалась, кроме сестер Львовых, и Вера Петровна Лазарева.¹¹⁸ По семейным преданиям, она «была

---

¹¹² ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2370. Л. 160 – 162. Формулярный список о службе чиновника канцелярии московского военного генерал-губернатора в звании камергера двора Его Императорского Величества коллежского советника Львова. Далее: Формулярный список...

¹¹³ Сочинения Державина. Т. 6. СПб., 1871. С. 239.

¹¹⁴ Там же. С. 126.

¹¹⁵ Формулярный список... Л. 160.

¹¹⁶ Там же. Л. 161.

¹¹⁷ См.: Сочинения Державина. Т. 8. СПб., 1880. С. 1005.; Т. 9. СПб., 1883. С. 275, 286, 560, 562.

¹¹⁸ Отец В.П. Лазаревой – Петр Гаврилович, друг Державина, умер примерно в 1806 году и поручил ему своих детей.

Александр Николаевич Львов.
В.А. Тропинин. 1848 г.

чрезвычайно близорука; поэт прочил ее за страдавшего тем же недугом племянника своего, Александра...» и даже сочинил по этому поводу четверостишие – «Благословение невесте и жениху». ¹¹⁹ Но Вера вышла замуж за Петра Петровича Львова, двоюродного дядю Александра.

Во время Отечественной войны А.Н. Львов поступил в ополчение. Я. Грот описывает событие, которое чуть было не стоило Александру жизни. «Посланный ... в Рязань, он в доме тамошнего губернатора имел неосторожность рассказать при всех о ропоте публики и народа в Петербурге по поводу нерешительных действий

Барклая-де-Толли, которого-де называют не иначе, как «болтает, да и только». Слова его были во всей подробности переданы главнокомандующему, который едва не отплатил ему жестоко. Во время пребывания армии за границей Барклай представил Государю записку о необходимости «строго взыскать за подобное разглашение и подать пример такой строгости, расстреляв Львова. Молодой офицер был прислан в Петербург с фельдъегерем, который привез от Барклая письмо к Аракчееву. Только враждебные отношения этих двух лиц между собой спасли Александра. Аракчеев испросил ему прощение». ¹²⁰ 12 октября 1812 г. Львов поступил в Тульский казачий полк. Находился при генерал-лейтенанте Г. Шевиче, командовавшем гвардейской кавалерийской дивизией. Участвовал в важнейших сражениях при Малоярославце, Вязьме, Красном, Борисове. За отличия в этих сражениях был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и произведен в ротмистры.

¹¹⁹ Сочинения Державина. Т. 9. СПб., 1883. С. 275.

¹²⁰ Там же. Т. 6. СПб., 1871. С. 239.

В ожесточенном сражении при Лейпциге генерал Шевич был убит, Львов тяжело ранен. Его внучка, В.Н. Бобринская, писала в воспоминаниях, что он «был ранен и оставлен на поле сражения. Он был уверен, что уже умирает. Но, очнувшись, почувствовал себя живым и на груди своей нашел крест, сделанный из двух щепок. Крест этот положила ему на грудь молодая православная эстонка, ... которая его подобрала с поля сражения».¹²¹

За отличие в «битве народов» при Лейпциге Львов был награжден орденом Св. Анны II степени. В мае 1814 года – прусским орденом «За заслуги» и был переведен в конно-егерский полк. В октябре 1816 года он уволился со службы по болезни в чине подполковника.

В 1815 г. в доме Державина Александр познакомился с С.Т. Аксаковым, и на протяжении всей жизни они сохранили дружеские отношения.

В 1820-е годы Александр много путешествовал. Во время одной из поездок он познакомился в Риме с художником Карлом Брюлловым. Мария Ростовская вспоминала, как К. Брюллов приехал к ним в дом, чтобы по просьбе брата Алексея Федоровича писать портрет матушки. Разговорились о дяде Александре Николаевиче. «Брюллов припомнил сам, как Александр нашел его без копейки денег в какой-то жалкой гостинице, как узнал от хозяина о его затруднительном положении, все за него заплатил и не сказал ему ни слова, а Брюллов, со свойственной ему беспечностью, того и не заметил и узнал о дружеском поступке дяденьки несколько месяцев спустя». «Он истинно добродетельный был человек, – продолжал Брюллов, – я написал его портрет в три часа времени».¹²²

«Полковник был сильно близорук, однако носить очки считал неприличным: рассматривая работы, он шурился, горбился, вплотную приступал к холсту. Карлу нравилось холеное лицо полковника, его точеный нос, полные губы, веселые и чувственные, светлые невидящие глаза, во взгляде которых тонкий ум и насмешливость человека, знающего всему цену. Портрет получился как бы сам по себе: Львов о

¹²¹ ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3. Бобринская В.Н. Хроника моей жизни (1864 – 1930). Машинописный текст.

¹²² М. Ростовская. Воспоминание о К.П. Брюллове. Цит. по: К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. М., 1961. С. 181.

нем не просил, и Карл о нем не думал; захваченный новыми впечатлениями, поисками сюжета, пробой сил, он до поры вообще позабыл о портретах. Но Александр Николаевич с таким восхищением подносит к глазам картонки, холстики, листы бумаги с его набросками и эскизами, с такой восторженной убежденностью сулит ему великое будущее, с такой щедростью предлагает ему всяческую помощь, – и так он красив в белой рубашке с широким отложным воротником, в черном плаще через плечо!¹²³

Об искусстве Александр Николаевич судил тонко, в мастерских живописцев был желанным гостем, советы его выслушивали внимательно, заказы охотно принимали, платил он хорошо. Он заказал К. Брюллову две картины: «Эрминия у пастухов» на сюжет из освобожденного Иерусалима, сюжет второй картины – беседа Нумы с нимфой Эгерией.

Художник И.И. Габерцетель (1791 - 1853) написал «Тайную вечерю» для Александра. Львов и сам был известен как художник-любитель – сохранился альбом с его рисунками.¹²⁴

Еще раз Александр Львов выручил К. Брюллова, когда художнику было отказано в росписи купола Исаакиевского собора. Видя совершенное отчаяние Брюллова, Александр имел случай говорить об этом великой княжне Елене Павловне. Купол был возвращен художнику, но писать ему так и не довелось из-за обострившейся болезни.

Во время сильнейшего наводнения в Петербурге в ноябре 1824 г. Александр Николаевич являлся членом Комитета по оказанию помощи пострадавшим, за что в 1826 году был пожалован в коллежские советники.

29 апреля 1825 года А.Н. Львов женился на Наталье Николаевне Мордвиновой (1794 – 1882), младшей дочери Н.С. Мордвинова (1754 – 1845) – адмирала, первого морского министра. Александру было 40 лет, а Наталье – 30 лет. После женитьбы молодые поселились в имении Резанов Брод (Бобылевка) в Саратовской губернии, и долгое время семья жила в небольшом деревянном доме «о семи комнатах».

---

¹²³ Порудоминский В.И. Брюллов. М., 1979. С. 97.

¹²⁴ Хранится в семейном архиве Л.И. Львова.

Протоиерей Стефан Васильевич Белянинов в воспоминаниях писал: «Эта земля, подаренная вместе с крестьянами отцу Александра Николаевича, Н.А. Львову, императором Павлом I, представляла в ту пору голую степь. Вся усадьба: господские строения, каменные крестьянские избы, большой фруктовый сад, парк, наконец, огромный для села, как городской собор, храм, господствующий над всей усадьбой – все устроено Александром Николаевичем за время его жизни. В церкви все иконы были заказанные им копии итальянских мастеров. Для «облесения» (покрытия лесом) степи сажал целые рощи деревьев».¹²⁵ всю жизнь А.Н. Львов заботился о своих крестьянах: «Богом они мне вручены, чтобы управлять ими, наставлять их добром и заботиться об их благоустройстве, за них я понесу строгий ответ перед Богом», – писал он.

В октябре 1829 года Александр Николаевич поступил на службу при Московском военном генерал-губернаторе. Во время появления холеры, в мае 1830 года, ему поручили устроить в Серпухове карантинную заставу, начальником которой он оставался до окончания эпидемии.

В 1831 году холера докатилась и до Бобылевки. Многие помещики бежали из своих деревень при одной вести о приближении холеры. Александр Николаевич решил остаться с семьей в имении, сказав жене: «...От Божьего гнева некуда убежать, и если суждено умереть, то умрем, и не об этом должны в данную минуту думать, а о своей обязанности по отношению к крестьянам».¹²⁶ Наталья Николаевна, хотя и с нравственной пыткой, но покорила решению мужа.

За время эпидемии в имении переболело более шестисот крестьян. Александр Николаевич лечил их гомеопатическими средствами, им самим изготовленными. Ему удалось спасти 564 человека.¹²⁷

За ревностное исполнение обязанностей во время эпидемии холеры Высочайшим указом было пожаловано Львову звание камергера Двора Его Императорского Величества.

---

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1 – 3. Воспоминания протоиерея Белянинова С.В. о Львове А.Н.

¹²⁶ Там же. Л. 3.

¹²⁷ Формулярный список... Л. 161 об.

Львов известен как основатель первых в России Общественных заемных банков для крестьян. Такой банк он открыл в 1832 году в селе Бобылевка, основной капитал которого составили 10 тысяч рублей его личных средств. Разработал банковские правила, по которым эта сумма поступала в ежегодную раздачу крестьянам села. К 1839 году капитал с приращением процентов увеличился настолько, что Львов вернул вложенные им 10 тысяч рублей без нарушения хода дела. А образовавшийся капитал свыше этой суммы подарил банку, закрепив эту свою волю в «Уставе банка».

Общественные заемные банки были открыты и в других его имениях: в Пущине Тамбовской губернии, в селе Журавки Саратовской губернии – и действовали до освобождения крестьян в 1861 году.¹²⁸

На протяжении 20 лет (со времени основания комитета в 1829 году и до дня кончины Львова) Александр Николаевич был членом московского Комитета попечительного о тюрьмах общества. Секретарем Комитета был известный врач Федор Петрович Гааз (1780 – 1853), другом и покровителем которого стал Львов. Их совместная деятельность освещена в биографическом очерке А.Ф. Кони «Федор Петрович Гааз», опубликованном в 1914 году.

«При деятельном участии одного из выдающихся директоров Комитета, Львова», было принято решение часть средств комитета выделять на помощь семьям арестантов, находившихся в долговой тюрьме. Заведование этим делом было предоставлено Львову и Гаазу. Ими была устроена при пересыльной тюрьме школа для арестантских детей, приют для выходящих из тюрем. Львов делал пожертвования на постройку здания Рогожского полуэтапа у самого начала Владимирской дороги.

Попечению А.Н. Львова как директора Московского комитета были вверены преступники, содержащиеся в Московском Губернском Замке (ныне Бутырская тюрьма). Он относился «к возложенному на него попечению с такою же нравственною строгостью, как к долгу

---

¹²⁸ Согласно воле тогда уже покойного А.Н. Львова, сын его Николай не считал себя вправе вмешиваться в управление делами банка. Через несколько лет банки были разорены самими крестьянами.

своей государственной службы». При этом заботился «не только о материальном вспомоществовании им, но и изыскивал меры для нравственного воздействия на их совесть»: лично беседовал с заключенными, пригласил вести поучения священника и дьякона, которые два раза в неделю ездили в Губернский замок.

Эти беседы привели к мысли о необходимости издавать для заключенных книги нравственного и духовного содержания. У Александра Николаевича дома собиралось «общество из духовных и светских лиц, здесь читали вслух те поучения, которые предполагалось издавать, затем имели о них суждение, толковали и выбирали для перепечатывания подходящие места из святоотеческих творений».¹²⁹ Эти книги Львов печатал на собственные средства и раздавал заключенным. Заботясь о нравственном воспитании заключенных, анализируя мотивы их преступлений, Александр Николаевич приходит к убеждению, что «странно так усиленно заботиться о духовном просвещении преступников, когда ничего не было сделано для такого же и более благодарного распространения духовного просвещения среди народа». В 1843 г. он решает «издавать небольшими книжками и как можно дешевле» подобную духовную литературу для народа. Такая издательская деятельность ему была разрешена под главным надзором митрополита Московского Филарета. В мае 1844 г. был учрежден Издательский Комитет народных чтений.¹³⁰ «Казалось, желание мое было совершенно достигнуто, но так как предписано было все назначаемое Комитетом для напечатания посылать на цензуру к обер-прокурору Св. Синода, где в ожидании разрешения рукописи оставались года по два и более, то и вся деятельность столь желанного мною Комитета в течение четырех лет ограничилась изданием не более как трех маленьких брошюр», – писал Львов.

В 1848 – 1849 гг. он вновь обращался в Петербург с ходатайствами и

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2. Белянинов С.В. Очерк издательской деятельности А.Н. Львова для духовно-просветительной пользы народа. Стефан Васильевич... Белянинов – протоиерей, был членом Московского комитета попечительного о тюрьмах общества.

¹³⁰ Об основании и деятельности Издательского Комитета народных чтений см.: А. Котович. Духовная цензура в России. СПб., 1909. С. 304 – 309.

предложениями в надежде расширить издательскую деятельность для народа, которой хотел посвятить «преклонные дни своей жизни».¹³¹ В 1835 и 1841 гг. Александр Николаевич был Всемиловнейше пожалован знаками отличия бескорыстной службы за XV лет и за XX лет.¹³² Семья Львовых в основном жила в имении Бобылевка, но в 1831 г. там произошло несчастье: зимой, в отсутствие матери, в возрасте трех лет умерла вторая дочь. Вероятно, поэтому в начале 1830-х годов Александр Николаевич купил в Москве дом на Спасо-Песковской площади.¹³³ С этого времени семья покидала на зиму свое имение. Однако зачастую приходилось зимовать не в Москве, а в Петербурге, у родителей Натальи Николаевны. В семье появились еще двое маленьких детей, и она опасалась уезжать с ними в дальнее имение. Кроме того, в январе 1834 г. внезапно умерла сестра Натальи Николаевны Вера (в замужестве Столыпина). Семеро детей сестры, оставшиеся полными сиротами (их отец, Столыпин Аркадий Алексеевич, скончался в 1825 г.), были перевезены в дом бабушки и деда Мордвиновых. Наталья Николаевна считала обязанностью поддержать своих престарелых родителей и оставалась в Петербурге и на лето. Для ведения хозяйства и управления имениями Александр Николаевич весной уезжал в Бобылевку. Он очень тяжело переживал разлуку с женой, со своей «милой душаточкой и ребяточками», как он их называл. Писал жене часто, как только выдастся «свободный часок» или «найдется минуточка». В письмах чувствуется потребность поговорить, пообщаться с женой, хотя бы словами приблизиться к ней, посоветоваться, поделиться радостью, «что после такого года в Бобылевке нашел все гораздо лучше, нежели ожидал», «на всех лицах увидел спокойствие и надежду»...¹³⁴ Или: «Хоть и грустно мне было подъезжать к Бобылевке, что на крыльце ни тебя, ни Маши не было меня встретить, как обыкновенно это случалось, но чувство удо-

¹³¹ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 3. Белянинов С.В. Очерк издательской деятельности А.Н. Львова для духовно-просветительной пользы народа.

¹³² Формулярный список... Л. 162.

¹³³ Дом этот сохранился, современный адрес: Москва, Спасо-Песковская площадь, 8.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 29. См. также в приложении к настоящему изданию: Письма А.Н. Львова к жене Наталье Николаевне.

Дом Львовых на Спасо-Песковской площади в Москве.
Фото 2000 г.

вольствия меня утешало видеть Бобылевку, которая, как молодая красавица, выросла из земли в десять лет нашего с ней пребывания... Как вспомнишь, что было, и что теперь вижу, так самому не верится...» «Мне не скучно, хлопот больших нет, а напротив того, утешает, что все кругом меня весело, все мои последние труды вознаграждаются, все принимает вид некоторого образования. Как скучать, когда видишь, что со временем по смерти моей меня вспомнят и поблагодарят» (14 июля 1838 г.).¹³⁵

Львов не только сохранил, но и преумножил состояние, полученное им по наследству. В духовном завещании в апреле 1844 года он написал: «Недвижимое имение мое состоит: во-первых, родовое, Саратовской губернии в Балашовском уезде село Резанов Брод, Бобылевка тож, в коем мужеского пола 1308 души; Новгородской губернии в Валдайском уезде сельцо Скоково с деревнями, в коих мужеского пола 254 души; Рязанской губернии Егорьевского уезда в деревнях Климовской и Горяиновской 70 душ; и в двух благоприобретенных: Тамбовской губернии в Кирсановском уезде село Никольское, Пу-

¹³⁵ Там же. Л. 89.

щино тож, в коем мужеского пола 255 душ, а всего по последней осьмой народной переписи мужеского пола тысяча восемьсот восемьдесят душ. ... Принадлежащий мне капитал заключается в билетах разных кредитных установлений на сумму миллион рублей ассигнациями».¹³⁶

Львов всегда был известен своей благотворительной деятельностью. Так, в 1845 г. он поддержал издание «Керченские древности» А.Б. Ашека, археолога, директора керченского музея.¹³⁷

В своем последнем письме от 2 февраля 1849 г. Александр Николаевич «другу милому, любезнейшей супруге Наталье Николаевне» дает наказ по ведению дел, опеке над несовершеннолетним сыном Николаем, а также пишет: «Бургомистру нашему Абраму Евдокимову Гладову, управляющему вотчинами нашими, буде он служить будет усердно, честно и ревностно, как доньше мне служил, желаю я, чтобы всех детей его без изъятия отпустить на волю и выдать им отпускные. Прошу тебя, Друг мой, исполнить сие мое желание, когда сыну нашему Николаю минет двадцать один год, что есть в 1855 году мая 22 дня. О чем своевременно известить прошу бурмистра Абрама Евдокимова. Камерлинеру моему Владимиру Агапову Аксенову завещаю я билет Московской Сохранной Казны в тысячу рублей серебром с тем, чтобы до 1855 года отдать ему билет в собственность. По кончине моей платье, белье и шубы, мне принадлежащие, отдать ему, Владимиру Аксенову. Поручаю ему сына моего Николая в надежде, что он и ему служить будет с тем же усердием, как и мне служил.

Желал бы я, друг мой, чтобы при похоронах моих не было бы лишнего церемониала, которого я и при жизни никогда не любил. На похороны пригласите приходского нашего священника, моего духовника, Иоанна Николаевича Рождественского и Николая Дмитриевича Лаврова, из духовенства, кажется, довольно будет. Билетов прошу не рассылать ни к родным, ни к знакомым и вообще прошу *похоронъ сделать поскромнее*».¹³⁸

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1 – 3. Письмо А.Б. Ашека А.Н. Львову и проект договора об издании книги «Керченские древности».

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2.

Александр Николаевич Львов скончался в Москве, 10 марта 1849 года, погребен на кладбище Ново-Девичьего монастыря.¹³⁹

Жена (с 29.04.1825): **Наталья Николаевна Мордвинова** (10.07.1794 – 28.12.1882). Родилась в г. Николаеве.

Ее дед – Семен Иванович Мордвинов (1701 – 1777), в 1716 г. в числе нескольких боярских детей был послан Петром I за границу «для образования на пользу России», участвовал в создании Балтийского флота, адмирал, написал несколько книг по мореходству.

Отец – Николай Семенович Мордвинов (1754 – 1845), с десятилетнего возраста был взят на воспитание с наследником великим князем Павлом Петровичем, был любимым его товарищем и «оказывал большое влияние на смягчение его характера». С 1766 г. был принят во флот гардемаринном. С 1785 г. в Черноморском адмиралтействе занимался строительством верфей в Херсоне и порта в Севастополе. Во время русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. – контр-адмирал, командовал Лиманской флотилией, возглавляя осаду с моря, бомбардировку и штурм крепости Очаков (1788). С 1792 г. в чине вице-адмирала командовал Черноморским флотом. В 1799 – 1801 гг. – вице-президент Адмиралтейств-коллегии, ближайший помощник по морским делам императора Павла I, адмирал. В сентябре 1802 г. назначен первым в истории России морским министром. Но в конце декабря ушел в отставку и навсегда покинул флот. В последующем находился на высших государственных должностях, близко сотрудничал с реформатором М.М. Сперанским по разработке плана улучшения финансовой системы страны и проекта предполагаемой Конституции. Председатель департамента государственной экономии Государственного совета (1810 – 1812), председатель департамента экономии (1816 – 1818), член департамента гражданских и духовных дел Государственного совета (1821 – 1838), президент Вольного экономического общества (1823 – 1840). Награжден орденами Св. Анны I степени, Св. Владимира I степени, Св. Александра Невского и высшим российским орденом Св. Андрея Первозванного.

Как известный либерал, предполагался декабристами в состав выс-

---

³⁹ Позднее здесь возникнет семейный склеп Львовых (не сохранился после событий 1917 года).

шего органа управления государством. Единственный из членов Верховного уголовного суда в 1826 г. отказался подписать приговор мятежникам. Автор крупных трудов по экономике, финансовой политике, сельскому хозяйству и банковскому делу.

Принимал участие в литературных вечерах А.С. Шишкова (1754 – 1841) и общества «Беседа любителей русского слова», собиравшегося в доме Державина на Фонтанке. Был знаком с Пушкиным, который в 1824 г. писал Вяземскому: «Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию». В 1827 г., после того как Н.С. Мордвинов выступил против смертной казни, Пушкин сочинил послание «Мордвинову», избрав намеренно стилистику, близкую к поэзии XVIII века и цитируя ее образы.

Н.С. Мордвинов похоронен в Александро-Невской Лавре. Могила и надгробный памятник сохранились.

Мать Натальи Николаевны – Генриетта Александровна (1764 – 1843), дочь английского консула в Ливорно, родилась в Шотландии, а воспитывалась в Италии в семье старшей сестры Партридж. Ее будущий муж, Николай Семенович, в 1782 –

1784 гг. был командиром корабля «Царь Константин» и участвовал в составе эскадры в походе в Средиземное море.

В 1783 г. эскадра осталась зимовать в Ливорно. Здесь они и познакомились. Редкие достоинства ума и сердца, прекрасный нрав, удивительная красота и скромность Генриетты совершенно пленили тридцатилетнего капитана. Вскоре они поженились, и Генриетта последовала за своим мужем в «отдаленный край, тогда еще мало известный иностранцам, край холодный и непросвещенный, каким считали они Россию». Было ей в ту пору двадцать лет. Брак оказался счастливым. По семейной легенде считается, что поко-

Николай Семенович Мордвинов.
*Неизвестный художник
с оригинала А.Г. Варнека.
1810-е – нач. 1820-х гг.*

ления Львовых, идущие от Александра Николаевича и Натальи Николаевны Львовых, красотой обязаны Генриетте Александровне. Сохранилось несколько ее писем к дочери Наталье Николаевне,¹⁴⁰ раскрывающие образ этой удивительной женщины. Недаром Лафатер (1741 – 1801), владеющий искусством определять характер и душевные качества человека по его физиономии, увидав ее портрет, написал: «На этом лице изображены благородство, чистосердечие и целомудрие». Погребена Генриетта Александровна, по ее просьбе, на кладбище в Мартышкине, в одной версте от приморской дачи Мордвинова.

Генриетта Александровна Мордвинова.
Неизвестный художник. 1790-е гг.
Портрет в 1905 г. находился в
семье ее правнука А.Н. Львова
(176/149) в Будапеште.

Сестра Натальи Николаевны – Вера (1790 – 1834), была замужем за А.А. Столыпина (1777 – 1825). Аркадий Алексеевич – обер-прокурор Сената, писал рассказы, был другом М.М. Сперанского, поэта-декабриста К.Ф. Рыльева и А.С. Грибоедова. Был связан с декабристами, но не попал под арест, так как 7 мая 1825 года скончался. Он приходился родным братом Елизавете Алексеевне, в замужестве Арсеньевой (родилась 1773), бабушке Михаила Юрьевича Лермонтова. Сын Аркадия Алексеевича и Веры Николаевны – Алексей Аркадьевич Столыпин (1816 – 1858), прозванный в обществе Монго, первый красавец Петербурга, был близким приятелем М.Ю. Лермонтова с детства и служил с ним в лейб-гвардии гусарском полку. Присутствовал на дуэли поэта с Мартыновым. Лермонтов умер на руках Столыпина. Сестра Монго, Мария Аркадьевна (1819 – 1889), вторым

ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 12, 15. В фонде А.Н. Львова хранятся письма Г.А. Мордвиновой 1805 – 1807 гг., 1825 – 1832 гг.

браком была замужем за Павлом Петровичем Вяземским – сыном поэта. Брат Алексея Аркадьевича – Дмитрий Аркадьевич – лед реформатора Петра Аркадьевича Столыпина.

Когда Наталье Николаевне не было еще 18 лет, сватался к ней Николай Николаевич Муравьев (1794 – 1866), впоследствии прославившийся покорением Карса. В своих воспоминаниях Муравьев-Карский описал эту трогательную историю сватовства. Их свадьба не состоялась из-за молодости Натальи Николаевны и неспособности жениха обеспечить достойное содержание супруги в Петербурге. И хотя Николай Муравьев-Карский представлял, по утверждению его современников, «героя лучшей Рима», судьба уготовила Наталье Николаевне в мужья Александра Львова.

Н.Н. Муравьев-Карский вспоминал (1841): «В бытность мою в Москве я увиделся после 25 лет с Натальей Николаевной Мордвиновой, ныне за Львовым... все приемы ее, черты лица, все тут было и напоминало ее в образе молодых лет ее. В сих сотрясениях поверяется неизмеримость и мгновенность времени, таинственных наших душевных влечений. Я мало имел случаев с нею говорить, потому что муж ее не переставал занимать меня разговором. Оба были очень приветливы ко мне, а она в особенности, просила меня навещать их всегда, когда случай мне на то предстанет. Оба они оставили во мне приятное впечатление по искренности их обхождения, составляющее отличительную черту в поступках и жизни их.

Приятны для меня были часы, проведенные в обществе их, я с удовольствием слушал суждения их о деревенской жизни и благосостоянии крестьян, коим они посвятили многие годы жизни. Нелюбимость Львова, как заметно, следствие слишком горячего сердца его, не соответствовавшего равнодушию и беспечности людей, с коими он встречался и был в сношениях. Речи его льются свободно, когда он выражает красоты природы, прельщающие его, или когда предметом их бывает нищета и скудность человеческого рода, коему он пламенно желает пособить. Оба одушевлены простою и чистою верою и не заблудились в бесполезных мудрствованиях. Словом, люди хорошие и заслуживающие всякого уважения и любви».

Из воспоминаний внучки, В.Н. Бобринской: «Бабушка моя, Наталья

Николаевна, была маленькая, очень маленькая старушка. Она ослепла 62-х лет, и я ее знала только совсем слепой. Она была прелестна. Мать бабушки была англичанка, и у бабушки были некоторые черты этой нации: женская стыдливость, которую она сохранила до самой своей смерти 87 лет; у нее часто были холодные ноги, ходила она в кожаных туфлях без каблуков; сидя у ее ног, я снимала эти туфли и отогревала ноги в своих руках, но если в комнату входил кто-нибудь из моих братьев-мальчиков 12 – 14 лет, бабушка требовала, чтобы я немедленно надевала ей туфли. Бабушка до смерти носила корсет; ходила она всегда в шелковом поплиновом платье и на плечах носила черную же душегрейку. Бабушка была очень кроткая, мягкая, нежная, спокойная и по природе не горячая, очень верующая и религиозная, но все же чувствовалось, что православная обрядность не была ей свойственна с детства; по своей сути она была скорее типа протестантки, но православие было ей передано моим дедом – страстным, пылким церковником. Приученная всей своей замужней жизнью к строгому исполнению церковных требований, бабушка соблюдала посты; перед всеми большими праздниками, а часто и просто по субботам, были домашние всенощные, на первой неделе поста и на страстной неделе службы были ежедневно. Бабушка много раздавала денег бедным, у нее были постоянные пенсионеры и случайные, приходили они обыкновенно каждое первое число, и бабушка принимала их в гостиную».¹⁴¹

Наталья Николаевна Львова,
урожд. Мордвинова.
Фото 1880-х гг., Москва

ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1. Воспоминания Бобринской В.Н. «Хроника моей жизни» (1864 – 1930). Машинописный текст.

Погребена на кладбище Ново-Девичьего монастыря в Москве.

110/94. Елизавета Николаевна (02.09.1788 – 28.12.1864)

Старшая из дочерей Львовых, родилась в Петербурге.¹⁴²

С ранних лет Елизавета отличалась умом, своенравностью, имела независимый характер. После смерти родителей она с братьями и сестрами переехала в дом Державиных: Гаврилы Романовича и родной тётки Дарьи Алексеевны. Хотя Елизавета и жила в доме опекунов, однако имела немалое состояние¹⁴³ и чувствовала себя совершенно самостоятельной: занимала отдельное помещение, держала свой экипаж, свой стол и выезжала со старушкой француженкой куда и когда хотела. Каждое утро она поднималась наверх здороваться с дядей и тёткой, а два раза в неделю принимала их у себя к обеду. В доме Державина часто устраивались литературные вечера, на которых с живым интересом всегда присутствовала Лиза. Вскоре, казалось, балованная девушка стала личным секретарем Гавриила Романовича. Известны два стихотворения Державина, посвященные любимой племяннице: «Лизе. Похвала Розе» (1802) и «Оковы» (1809). Первое написано для четырнадцатилетней Лизы. Поэт сравнивает ее с молодым цветком розы.

Я воспел весну прекрасну,
 Ныне розу я пою;
 Всех цветов пою изящну
 Я красавицу мою.
 Лиза! Друг мой милой, юной!
 Розе глас свой посвящай
 На гитаре тихострунной
 Песнь мою сопровождай...¹⁴⁴

¹⁴² Основные сведения о жизни Е.Н. Львовой: Ваганова Е. Из хроники семейства Львовых / Русская старина. 1898. № 12. С. 539 – 549.

¹⁴³ По акту раздела недвижимого имущества после смерти родителей она получила, взамен следующих ей 200 душ, 50 тыс. рублей и 10 тыс. рублей за проданную Саратовскую землю (ГАТО, ф. 645, оп. 1, ед. хр. 2370, л. 227 об.). По данным Санкт-Петербургских Сенатских объявлений о запрещениях на недвижимое имущество (1832 г., ст. 6766), за Елизаветой Николаевной числилось 28 деревень с 732 душами муж. пола в Псковской губ.

¹⁴⁴ Сочинения Державина. Т. 2. СПб., 1865. С. 630.

Очаровательная Лиза постоянно находилась в окружении поклонников. Об одном из них она упоминает в своем рукописном журнале. Прусский король, гостивший в то время при дворе, оказывал ей особое внимание, и однажды, во время бала в Эрмитаже, когда она проходила через Зимний сад, он бросился перед ней на колени, прося на память хотя бы одну розу из её волос. Как не вспомнить тут Державина:

Розы лучшее убранство
И приятностей младых;
Розы красоте в подданство
Клонят и владык земных...

Девушка сознавала свое очарование и часто «бесчеловечно поступала со своими поклонниками, когда дома, ради шалости, с распущенными волосами носилась по комнатам, прыгала по мебели... в эти минуты она не щадила ничего, в особенности страдали от неё влюблённые драгоценные братья. ... Один из них, Ярцов, спасаясь от её преследования, выскочил в палисадник и сломал себе ключицу».¹⁴⁵

Казалось, Лиза и не думала о замужестве, не испытывала никаких сердечных увлечений, что серьёзно беспокоило тётушку Дарью Алексеевну.

Но судьба распорядилась по-своему: Елизавета вышла замуж за своего двоюродного дядюшку-вдовца Федора Петровича Львова (100/90). Поэт, писатель, страстный любитель музыки, по воспоминаниям современников, Федор Петрович – человек ума и способностей необыкновенных. Его первая супруга Надежда, которая приходилась Елизавете двоюродной сестрой, умерла после рождения дочери, оставив Федора Петровича, которому тогда было уже за сорок, с десятью детьми. Федор Петрович знал Лизу с детства. Двдцатилетняя девушка, отказавшись от всех достойных, по мнению опекунов, партий, предпочла Львова. Узнав об этом, Державины разразились негодованием. Характер Дарьи Алексеевны всегда был твердый, даже сухой, и она «беспощадно клеймила Елизавету Николаевну неблагодарностью», а Фёдору Петровичу запретила посещать их дом. Державины делали всё возможное, чтобы отвлечь племянницу. Елизавете

---

¹⁴⁵ Там же. С. 630.

та постоянно отвечала, что она сердцем несвободна и ни за кого замуж не выйдет. Предстоял очередной бал, и по приказу Дарьи Алексеевны для Елизаветы был приготовлен прелестный туалет. Когда всё было готово к отъезду на бал, отчаянная девушка перочинным ножом так глубоко разрезала себе пятку, что обуться оказалось совершенно невыполнимым.

Проходило время, и на неоднократные просьбы племянницы разрешить ей вступить в брак следовал тот же резкий и твёрдый отказ. Тогда девушка приняла решение: в сопровождении старших братьев Леонида и Александра Елизавета вечером уехала из дома и тайно обвенчалась с Федором Петровичем в церкви при селе Ульяновка, на Петергофской дороге. Повторилась история ее родителей. Не желая разрывать свои отношения с опекунами, Елизавета Николаевна возвратилась в их дом одна, а муж её уехал к себе. Через нескольких дней со стороны Державиных последовало вынужденное прошение, и счастливая Елизавета переехала в дом своего мужа, где её ожидала огромная семья.

В своем дневнике она писала: «Я замужем; замужем за Фёдором, которого боготворю, у меня десять человек детей...»¹⁴⁶ Елизавета Николаевна стала верной женой и прекрасной матерью приёмным детям. Один из сыновей Федора Петровича, Алексей, позже вспоминал о мачехе в своих «Записках»: «На десятом году моего возраста матушка скончалась; но Бог не оставил нас: он дал нам мать другую, составляющую и поныне связь и счастье всей семьи».¹⁴⁷ С младшими Елизавета занималась сама: учила их русскому и французскому языкам, музыке, пению и рукоделиям. Когда стали подрастать её собственные дети, а было их шестеро, старшие пришли на помощь в воспитании младших. В доме устраивались музыкальные вечера: сыновья виртуозно играли на разных музыкальных инструментах, дочери имели прекрасные голоса, ставились домашние спектакли, душой которых всегда была Елизавета Николаевна.

---

¹⁴⁶ Елизавета Николаевна оказалась в двойном родстве со своими приемными детьми, которые доводились ей троюродными братьями и сестрами (по отцу) и двоюродными племянниками (по матери): первая жена А.Ф. Львова – Надежда Ильинична, урожденная Березина – ее двоюродная сестра (по матери).

¹⁴⁷ Записки А.Ф. Львова // Русский архив. 1884.

Елизавета Николаевна и Фёдор Петрович Львовы.
Неизвестный художник. 1830-е гг.

Забываясь о нравственном воспитании детей, «развивая их ум и сердце, она возила их с собою по бедным, которым дети раздавали ими же сшитое бельё и платье».

Первое глубокое горе, поразившее семью, была смерть Фёдора Петровича. Умирая, он поручил Елизавету Николаевну попечению сына Алексея, в дом которого она и переехала.

Алексей Фёдорович стал известен в то время как автор первого русского гимна «Боже, Царя храни!». Свидетельницей первоначального исполнения гимна была Елизавета Николаевна. Она вспоминала, что «по требованию Николая I гимн был исполнен четырежды, после чего царь обнял, поцеловал Львова и сказал: «Спасибо, спасибо, прелестно, ты совершенно понял меня».¹⁴⁸ Елизавета Николаевна находилась тогда в зале, «и вы можете вообразить, – писала она, – как сердце у меня радовалось, видя, как А.Ф. Львов своим талантом угодил царю».

Благодаря разностороннему образованию, воспитанию, многие дети

¹⁴⁸ Из записок Е.Н. Львовой // Русская старина. 1880. Т. 27. № 3 – 4. С. 644. См. также приложение к настоящему изданию: «Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е.Н. Львовой».

этой удивительной семьи получили известность как деятели русской культуры.¹⁴⁹

Как рассказывает семейная хроника Львовых, «24 декабря 1864 г. Елизавета Николаевна соборовалась ещё сидя и так молилась, что видеть её без слёз было невозможно. Так как вся жизнь этой замечательной женщины прошла в заботах о других, то, умирая, она осталась себе верна: прощаясь с детьми, она просила их, чтобы они не простудились на похоронах её, чтоб Алексей не забыл надеть тёплые калоши»...

Скончалась Елизавета Николаевна в возрасте 76 лет, «горячо ошлакиваемая детьми, внуками, правнуками, друзьями, прислугой и той массой бедных, которым всю жизнь свою она находила и время и возможность приходить на помощь».

Муж (с 1810): Федор Петрович Львов (100/90).

111/94. Вера Николаевна (август 1792 – 27.05.1873)¹⁵⁰

Родилась в Москве. «Веринька», как ее называли в семье, была четвертым ребенком. После смерти родителей вместе с сестрами воспитывалась в доме Державина. С ранних лет приобщалась к искусствам, играла на фортепиано, цела, принимала участие в домашних спектаклях. Известно, что сохранился альбом, куда юная Вера переписывала вокальные и фортепианные пьесы.¹⁵¹ Воспитательницей девочек была госпожа Леблер-Лебеф, «французская эмигрантка хорошей фамилии и прекрасно образованная».¹⁵²

За кротость чувств, робость, и вместе с тем пламенный взгляд карих глаз («взор Веры ... черн, как скромна ночь с звездами...» – писал Державин) она была окружена любовью и вниманием опекунов. «Прекрасной Вере» Державин посвятил небольшое изящное стихотворение – «Вере за кошелек» (1809).

В доме Державина она встретилась со своим будущим мужем – Алексеем Воейковым, флигель-адъютантом императора, правителем военной канцелярии Барклая-де-Толли. В феврале 1812 года они обру-

¹⁴⁹ Подробнее о детях см.: 114/100 – 129/100.

¹⁵⁰ Материал 111/94 – 112/94 подготовлен Е.В. Ефремовой.

¹⁵¹ М.Я. Айзенштадт, В.Б. Айзенштадт. Музыкальные традиции дома Державина // Державинские чтения. Выпуск I. СПб., 1997. С. 23.

¹⁵² Сочинения Державина. Т. 6. СПб., 1871. С. 695.

чились.¹⁵³ Воейков прошел всю военную кампанию 1812 – 1815 годов. Весной 1813 года, когда Алексей приехал ненадолго в Петербург из Вильны, состоялось их венчание. На протяжении четырех лет они переписывались.

В сентябре 1816 г. Вера вслед за мужем, вышедшим в отставку, уехала в глушь Тамбовской губернии, в купленное им имение Ольшанка (Богородицкое Борисоглебского уезда). Занялись его благоустройством, но только девять лет прожили вместе: в 1825 г. Алексей Васильевич скончался. Вера осталась с тремя детьми: Марией, Леонидом и трехлетним Алексеем.

Она посвятила себя воспитанию детей. Сыновья получили образование в Императорском Царскосельском Лицее, вышли на военную службу. Дочь Мария, в замужестве Поленова, стала известна как художница и писательница.

Среди воспитанниц Веры Николаевны были осиротевшие племянницы – Елена Бороздина и Надежда Свечина,¹⁵⁴ впоследствии известная русская писательница. Ей принадлежат воспоминания о В.Н. Воейковой, «об одной из последних барынь прошлого века», раскрывающие образ этой незаурядной, удивительной женщины.¹⁵⁵ Воспоминания Н.И. Мердер стали интересным источником сведений об

Вера Николаевна Воейкова,
урожд. Львова. В.Д. Поленов. 1867 г.
*Хранится в музее-заповеднике
В.Д. Поленова. Благодарим
сотрудников музея за
предоставленную копию
портрета.*

¹⁵³ По воспоминаниям Веры Николаевны, жена М.В. Баркляя-де-Толли хотела женить Воейкова на одной из своих племянниц. См.: Воспоминания В.Н. Воейковой // Старина и Новизна. 1904. Кн. 7.

¹⁵⁴ Елена Бороздина – см. 112/94; Надежда – дочь двоюродного брата, Ивана Васильевича Свечина (см. 93/88).

¹⁵⁵ См. приложение к настоящему изданию: Н.И. Мердер. Из далекого прошлого (Тетушка Вера Николаевна Воейкова).

огромном хозяйстве, созданном Верой Николаевной в имении, о быте семьи, ее духовном складе, интересах и людях, входивших в круг общения. Среди них – Полторацкие Александр Александрович (1792 – 1855) и Екатерина Павловна, урожденная Бакунина (1795 – 1869), владельцы Рассказова в Тамбовской губернии,¹⁵⁶ графиня Анна Алексеевна Орлова, дочь А.Г. Орлова-Чесменского, «одна из любимейших и ближайших приятельниц» Веры Николаевны.¹⁵⁷

Вероятно, в 1860 году Вера Николаевна вместе с внучкой Ольгой поселилась в семье дочери Марии. Н.В. Поленова писала: «Блестящего французского воспитания начала столетия, бабушка Воейкова, происходя из семьи с сильными литературными традициями, была поклонницей поэзии Державина и «Истории» Карамзина, которую она знала почти наизусть. Она стала учить внучек истории, и каково было это учение, видно из того, что она заставляла их рисовать генеалогические таблицы русских князей, причем имя хорошего, доброго князя раскрашивалось золотом, имя князя храброго – красной краской, а плохого – черной».¹⁵⁸

Вера Николаевна подметила художественные дарования внуков Василия и Елены и поощряла их конкурсными заданиями на сюжеты из русской истории и Библии.¹⁵⁹ На лето увозила детей в Ольшанку. Эти долгие путешествия в дорожной карете давали им массу поэтических впечатлений от русской природы, и главное, от рассказов бабушки. Она знала и любила русскую народную поэзию, прекрасно рассказывала сказки и былины.

В 1867 году Иван Крамской и Василий Поленов написали портреты В.Н. Воейковой (хранятся в музее-заповеднике В. Поленова). Портрет кисти Крамского Поленов считал лучшей работой художника. Умерла в Петербурге, погребена рядом с мужем, на кладбище Трегуб-

---

¹⁵⁶ Воейковы и Полторацкие были и в родственных отношениях: сестра А.А. Полторацкого, Агафокля Александровна, была замужем за Александром Васильевичем Воейковым, братом А.В. Воейкова.

¹⁵⁷ Мердер Н.И. Из далекого прошлого // Исторический вестник. 1909. № 12. С. 819.

¹⁵⁸ Поленова Е.Д. М., 1902. С. 2. Автор очерка – Наталья Васильевна Поленова, урожд. Якунчикова, жена художника В.Д. Поленова.

¹⁵⁹ См. там же.

ляевского Иоанно-Предтеченского мужского монастыря под Тамбовом.

Муж (с апреля 1813): **Алексей Васильевич Воейков** (09.12.1778 – 22.06.1825).

Принадлежал к старинному дворянскому роду.¹⁶⁰ Его имя значится в списке «известнейших благородных воспитанников» Московского университетского пансиона.¹⁶¹ В 1793 г. начал военную службу в лейб-гвардии Преображенском полку. Участвовал в швейцарском походе 1799 года и в кампании 1807 г., способствовал смелому переходу русского войска через Кваркен, был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

Очевидно, благодаря незаурядным способностям Алексей Воейков занимал высокое должностное положение: полковник, флигель-адъютант Александра I, правитель тайной военной канцелярии Барклая-де-Толли. Прекрасно знал военное дело, занимался составлением военного устава. Был другом и сотрудником М.М. Спе-

В.Н. Воейкова с внучками
Еленой Поленовой и Ольгой Бороздиной.

Фото 1861 г. Хранится в музее-заповеднике В.Д. Поленова.

Благодарим сотрудников музея за предоставленную копию фотографии.

¹⁶⁰ Род Воейковых происходил, по преданию, от Терновского владельца, приехавшего в Москву в 1384 г., Воейко Войтегова сына, в св. крещении Прокопия, имевшего двух сыновей: Михаила и Степана, бывших, как и отец, боярами при московском великом князе. В XVI – XVII вв. Воейковы были воеводами, думными дворянами, послами, стряпчими, стольниками. (Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. В 12 т. Т. 3. М., 1993. С. 433.)

¹⁶¹ Список бывших выпускников Московского университетского благородного пансиона // Русский архив. 1897. Кн. 2. С. 113.

Алексей Васильевич Воейков.

Д. Доу. 1820-е гг.

ранского (1772 – 1839), опала которого отразилась и на судьбе Воейкова: в марте 1812 г. Алексей был переведен в 27 дивизию Неверовского командовать бригадой. Эта перемена по службе стала предметом распространявшихся в обществе слухов, порочащих имя Воейкова. По воспоминаниям Веры Николаевны, встревоженным опекунам ее, Державиным, переданы были слова императора, что такая перемена есть награда, так как бригадой командуют лишь генералы.¹⁶² Алексей воспринял это как утрату доверия государя. По распоряжению императора он

принял командование егерской бригадой, прославившейся в боях под Красным, Смоленском и Бородином. Был произведен в генералы. Награжден орденами Св. Анны II ст., Св. Владимира IV ст., орденом Красного Орла и второй золотой шпагой с бриллиантами.¹⁶³

Для Военной галереи Зимнего дворца Д. Доу был написан портрет героя Отечественной войны.

Боевые подвиги не вернули Воейкову расположения императора. Он оставил государственную службу и поселился в имении Ольшанка в Тамбовской губернии.

Умер в Рассказове. Погребен на кладбище Трегуляевского Иоанно-Предтеченского мужского монастыря под Тамбовом.

В память о муже Вера Николаевна заложила в имении большой храм, освящен он был в 1860 г., в год 35-летия со дня его смерти. Текст храмовданной таблицы: «Воскресения Христа Спасителя построен в селе Ольшанке, иждивением помещицы Веры Николаевны Воейковой, урожденной Львовой, во исполнение обоюдного желания ея и

¹⁶² Об отношениях М.М. Сперанского и А.В. Воейкова, об опале последнего см.: Воспоминания В.Н. Воейковой // Старина и Новизна. 1904. Кн. 7.; Я. Грот. К истории ссылки Сперанского // Русский архив. 1871. Стб. 2073 – 2121.

¹⁶³ Кученкова В.А. Тамбовские городские некрополи. Тамбов, 2001. С. 35.

покойного ее мужа генерал-майора Алексея Васильевича Воейкова, по плану академика К.А. Молдавского, по фасаду профессора Р.И. Кузьмина. Заложен в 1843, окончен в 1860 году». ¹⁶⁴

Могилы Воейковых не сохранились. ¹⁶⁵ Некогда прекрасно обустроенное имение Ольшанка разделило судьбу большинства «дворянских гнезд»: все усадебные постройки утрачены, сохранился лишь храм, требующий реставрации. ¹⁶⁶

Дети: **Мария** (1816 – 24.12.1895) Художница-портретистка брюлловской школы (уроки живописи ей давал К.А. Молдавский). Ею написаны портреты братьев Леонида и

Алексея. Известны также два пейзажа с Воскресенским храмом, несколько крестьянских портретов, созданные в Ольшанке (наследницей которой она стала). Мария известна и как детская писательница: ее книга «Лето в Царском Селе» неоднократно переиздавалась. ¹⁶⁷

В 1843 г. Мария вышла замуж за Дмитрия Поленова, дипломата, археолога и страстного поклонника искусства. В их доме бывали известные художники – Ф. Бруни, А. Иванов, К. Молдавский. П. Чистяков давал уроки рисования детям Поленовых. Сын Василий (1844 – 1927), впоследствии известный художник-живописец, говорил: «От матери

Мария Алексеевна Поленова,
урожд. Воейкова.
К.А. Молдавский. 1842 г.

¹⁶⁴ Таблица хранится в краеведческом музее г. Уварово (Тамбовская обл.). Благодарим сотрудников Тамбовского областного краеведческого музея за предоставленные сведения.

¹⁶⁵ По сведениям, полученным из ТОКМ, храмы, монастырские постройки и некрополь Трегуляевского монастыря были разрушены в 1918 году. В настоящее время на его территории находится военная часть.

¹⁶⁶ О судьбе Ольшанки, попытках ее реставрации см.: Э. Сокольский. Прощание со Старой Ольшанкой // Подъем. 2002. № 9.

¹⁶⁷ Пятое издание (СПб., 1896) вышло под названием «Слушать не наслушаться».

Мария Алексеевна Поленова.

В.Д. Поленов. 1885 г.

я унаследовал страстную любовь к живописи». ¹⁶⁸ Он одновременно окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и Академию художеств. Преподавал в МУЖВЗ, профессор АХ, академик. В 1926 г. был удостоен звания народного художника республики. Известен как театральный деятель, декоратор, режиссер, ему принадлежат несколько музыкальных произведений (опера «Эллада», «Трио для фортепиано, скрипки и виолончели», романсы).

Младшая дочь Марии Алексеевны, Елена (1850 – 1898), училась в рисовальной школе Общества поощрения художеств, у И. Крамского в Петербурге и в мастерской Ш. Шаплена в Париже, известна как живописец, график, иллюстратор русских народных сказок.

Елене перешло по наследству имение Ольшанка, по ее желанию оно было поделено между братьями, а затем продано. ¹⁶⁹

Художник Л. Пастернак писал о Марии Алексеевне: «Стоило хоть раз побывать в гостеприимном доме Поленова в Кривоколенном переулке и, помимо общей атмосферы и стиля окружающей обстановки, ...хоть раз увидеть старушку мать его, сидевшую всегда за рукоделием и принимавшую всегда живое участие в оживленных беседах за вечерним чаем после наших рисовальных вечеров, чтобы безошибочно представить себе дух и направление, какое должна была дать эта среда творчеству Поленова.

...Эту благородную, еще бодрую старушку в седилах, с пробором посредине, с черной тюлевой наколкой, всегда очень опрятно и с

¹⁶⁸ Сведения о детях Поленовых взяты из кн.: В.Д. Поленов, Е.Д. Поленова. Хроника семьи художников / Сост. Е.В. Сахарова. М., 1964.

¹⁶⁹ Сведения Тамбовского областного краеведческого музея (ВИЭМ, архив краеведческого отдела, № 130).

достоинством одетую, надо отнести к категории того русского передового дворянства, которое отдало из среды своей и декабристов и которое в лучших своих представителях непрерывно в течение столетия давало людей, не страшившихся ни эшафота, ни ссылки на каторгу, отдававших силы свои и жизнь свою на служение русскому народу...»¹⁷⁰

Погребена на кладбище Ново-Девичьего монастыря в Москве, рядом с мужем.

Муж Марии Алексеевны: Дмитрий Васильевич Поленов (1806 – 1878). Его дед, Алексей Яковлевич

Поленов (1738 – 1816) – «первый русский юрист-законовед с высшим образованием» (один из первых русских студентов, посланных при Ломоносове в европейские университеты), историк и просветитель. Отец – Василий Алексеевич (1776 – 1851) – литератор, директор государственных архивов, был женат на Елене Матвеевне Бороздиной (1790 – 1856),¹⁷¹ сестре К.М. Бороздина (112/94).

Дмитрий Васильевич известен как археолог и библиограф. По образованию юрист, в 1830-е гг. служил секретарем «Русской миссии» в Афинах, где под влиянием архитектора Р.И. Кузьмина увлекся раскопками, собрал коллекцию греческой керамики (хранится в музее-заповеднике В.Д. Поленова). Был лично знаком с К.Брюлловым. Секретарь Русского археологического общества, автор научных трудов по русской истории, древним летописям, с 1861 г. – член-корреспондент Академии наук. Погребен на кладбище Ново-Девичьего монастыря.

Василий Дмитриевич Поленов.
И.Е. Репин. 1877 г.

¹⁷⁰ Цит. по: В.Д. Поленов, Е.Д. Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964. С. 775.

¹⁷¹ Майоров М.В. Русская родословная мозаика. М., 2002. С. 161.

¹⁷² Кученкова В.А. Тамбовские городские некрополи. Тамбов, 2001. С. 21.

Леонид Воейков.

М.А. Воейкова. 1840-е гг.

Леонид (03.04.1818 – 10.12.1886)

Родился в Рассказове (имении Полторацких в Тамбовской губернии), там же был крещен.¹⁷² Образование получил в Императорском Царскомельском Лицее (курс IX, выпуск 1838 года). Женился на Варваре Константиновне Бороздиной, двоюродной сестре, в 1850 г. родилась дочь Ольга. После смерти жены поселился с трехлетней дочерью в Ольшанке, имении матери. Занимался его благоустройством, служил в земстве: был членом земского собрания, выборным гласным от Борисоглебского и Тамбовского уездов. Проводил статистические исследования, составил «Сборник материалов для описания Тамбовской губернии» (СПб., 1872). Известен как исследователь местной истории, член Тамбовской Ученой Архивной Комиссии, библиофил, коллекционер.

Л.А. Воейкову принадлежала одна из крупнейших в России коллекция гравюр, им же систематизированная и аннотированная. Кроме того, он составил каталог гравированных портретов императрицы Екатерины II, который вошел во второй том «Подробного словаря русских гравированных портретов» (СПб., 1887). Издатель его, Д.А. Ровинский (1824 – 1895), известный историк искусства, был хорошо знаком с Воейковым, признавал в нем авторитетного исследователя.¹⁷³ После смерти Леонида Алексеевича коллекция гравюр (более полутора тысяч листов) была подарена его вдовой, С.В. Вышеславцевой, Нарышкинской Особой библиотеке (Тамбов). В нее поступили и книжные собрания Л.А. Воейкова (были переданы Василием Поленовым вместе с библиотекой его отца, Д.В. Поленова).

¹⁷³ См.: Е.В. Романенко. Рукописный каталог Л.А. Воейкова «Гравированные портреты императрицы Екатерины Великой» // Научные труды ТОКМ. Вып. 1. Тамбов, 2001. С. 62 – 74.

Погребен на кладбище Казанского Богородичного монастыря в Тамбове, могила не сохранилась.¹⁷⁴

Жена: 1) Варвара Константиновна Бороздина, двоюродная сестра, фрейлина; дочь: Ольга (1850 – 1875), воспитывалась у В.Н. Воейковой;

2) София Владимировна Выше-славцева. Ее брат, А.В. Вышеславцев (1831 – 1888) – действительный член АХ, автор трудов по искусству Итальянского Возрождения, коллекционер.

Алексей (1821 – 1881). По воспоминаниям Н.И. Мердер, «вследствие несчастного случая в детстве остался на всю жизнь хромым».¹⁷⁵ Окончил курс в Императорском Царскосельском Лицее,

в чине коллежского секретаря, служил в Военном министерстве и в «Русской миссии» в Берлине, проживал за границей. Вышел в отставку в чине надворного советника и генерал-майора, поселился на родине, в Тамбове.

Погребен рядом с родителями на кладбище Трегуляевского Иоанно-Предтеченского мужского монастыря (Тамбов), могила не сохранилась.¹⁷⁶

112/94. **Прасковья Николаевна** (28.10.1793 – 03.02.1839)

Младшая дочь Николая Александровича и Марии Алексеевны Льво-

Алексей Воейков.
М.А. Воейкова. 1840-е гг.

¹⁷⁴ Кученкова В.А. Тамбовские городские некрополи. Тамбов, 2001. С. 21.

¹⁷⁵ Н.И. Мердер. Из далекого прошлого // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 404.

¹⁷⁶ Кученкова В.А. Тамбовские городские некрополи. Тамбов, 2001. С. 35.

вых. После смерти отца в 1803 г. воспитывалась в доме Державина. В стихотворении, посвященном племянницам – «Три грации» (1806) – Державин писал о Прасковье: «Илняет третья огнём своих очей: от ангелов стрела неизбежна...» Она обладала красотой и талантами, прекрасно музицировала (играла на арфе, фортепиано), пела, участвовала в домашних спектаклях. Владимир Иванович Панаев, поэт, вспоминая балы в доме Державиных, отмечал «очаровательную грациозность в танцах меньшей племянницы».¹⁷⁷ София Васильевна Скалон (урожденная Капнист) отзывалась о двоюродной сестре: «Кузина наша ... была очень мила, хорошенькая брюнетка, удивительно как привлекательна и скромна».¹⁷⁸

Под влиянием наставницы своей, Леблер-Лебёф, Прасковья вела записки на французском языке, описывала жизнь в Званке, путешествия с опекунами в Новгород, Псков, в Малороссию к Капнистам летом 1813 г. После отъезда гостей Василий Васильевич Капнист писал Державиным: «Не поверите, какую пустоту вы поселили в Обуховке: все хочется идти в ваш домик, все кажется, вы из него выйдете». И далее к Прасковье: «Целую тебя, милая Параша. Помни, любил нас, а мы любим тебя, как душу. Всем грустно без тебя. Поцелуй от меня сестер твоих – помни Обуховку».¹⁷⁹

Прасковья Николаевна подробно описала последние дни Гавриила Романовича, из воспитанниц она одна была рядом с ним, на ее руках он умер: «Как описать отчаяние всех, меня окружавших, и собственное горе мое при мысли, что я более не увижу того, кто заменял мне отца, кого я не покидала целых тринадцать лет, кто любил меня, как родную дочь».¹⁸⁰ Записки Прасковьи Николаевны стали ценным источником сведений о последних годах жизни Державина и были использованы Я. Гротом при подготовке труда «Жизнь Державина», вошедшего в девятитомное собрание сочинений поэта.

¹⁷⁷ Сочинения Державина. Т. 8. СПб., 1880. С. 963.

¹⁷⁸ Воспоминания С.В. Скалон // Исторический вестник. 1891, май. С. 361.

¹⁷⁹ От В.В. Капниста. Обуховка, 18 августа 1813 г. // Сочинения Державина. Т. 6. СПб., 1871. Письмо № 1063.

¹⁸⁰ Цит. по: Сочинения Державина. Т. 8. СПб., 1880. С. 999.

Замуж вышла в 1819 г. за Константина Матвеевича Бороздина, историка и археолога.

Графиня А.Д. Блудова в воспоминаниях за 1831 год писала: «Бороздин ... был женат на Львовой, милой, доброй, даровитой, как все Львовы, в родстве с Державиным, который был дядей моего отца, как что выходило род свойства между нами».¹⁸¹

Самая младшая среди братьев и сестер, Прасковья Николаевна раньше них ушла из жизни – в 1839 году. Погребена в Вишере Новгородской губернии.

Муж (с 13.05.1819): **Константин Матвеевич Бороздин** (13.05.1781, СПб. – 10.05.1848, СПб.). Принадлежал к старинному дворянскому роду.¹⁸²

«Образование получил домашнее и в молодости числился в Преображенском полку. В 1816 г. определился на службу в Польше при сенаторе Н.И. Новосильцеве, потом был причислен к гвардии; с 4 августа 1826 г. по 30 апреля 1832 г. состоял попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, а с 1833 г. – сенатором и в этом звании скончался, в чине тайного советника. Литературная его деятельность началась с 1805 года, когда он напечатал свое (без имени) «Начертание жизни князя Якова Федоровича Долгорукова». В 1809 году, по Высочайшему повелению, он предпринял ученое путешествие по России в сопровождении назначенных к нему А.И. Ермолова и художника Иванова. ... Плодом путешествия было собрание великолепнейших акварельных рисунков, составивших 4 огромных альбома, хранящихся в Императорской Публичной библиотеке. К рисункам приложены и небольшие описания. ... Кроме того, Бороздин привез несколько ру-

¹⁸¹ Воспоминания графини А.Д. Блудовой // Русский архив. 1873. Ч. 2. Стб. 2053.

¹⁸² Бороздины – старинный русский дворянский род, произошедший от Юрия Лозыныча, выехавшего в 1327 г. из Вольнской земли к тверскому князю Александру Михайловичу. Правнук его Иван Васильевич имел прозвище Борозда, от которого его сыновья и внуки стали зваться Бороздинами. Сын Ивана Васильевича – Сергей, в иночестве Савва, умерший в 1461 г., причислен к лику святых (Савва Вишерский). В XV в. Бороздины были боярами Тверского княжества, а потом и Московского. В XVII в. воеводствовали в незначительных городах. ... Род Бороздиных записан в VI часть родословной книги СПб.-ой и Московской губерний. (Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. В 12 т. Т. 3. М., 1992. С. 445.)

Варвара Константиновна
Бороздина, в замужестве Воейкова.
Неизвестный художник.
Кон. 1840-х гг.

кописных сборников и древних актов; между прочим ему удалось спасти от пламени опальный синодик Иоанна Грозного, напечатанный впоследствии Устряловым в сказаниях князя Курбского. В самих описаниях к альбомам он поместил немало исторических и генеалогических замечаний. ...

Им было напечатано «Краткое описание жизни гр. Якова Федоровича Остермана». В 30-х годах он принимал деятельное участие в Энциклопедическом Словаре Плюшара. В 1841 году Бороздин начал печатать родословия дворянских фамилий и издал девять книжек, поместив в каждой по одной фамилии. Таким образом, изданы родословия: Нашокиных, Измайловых, Апраксиных, Бенкен-

дорфов, Ефимовских, Матюшкиных, Скворонских, Дивовых и Арсеньевых. Каждая книжка носила заглавие: «Опыт исторического родословия...» и напечатана также без имени автора. Эти опыты были последними его историческими и генеалогическими трудами. От него осталась прекрасная библиотека, перешедшая потом в Румянцевский музей. Между рукописями особенно драгоценна корреспонденция, которую он вел с митрополитом Евгением, с академиком Лербергом, с А.Н. Олениным, с Д.И. Языковым, А.И. Ермолаевым, поэтом Капнистом и др.»¹⁸³

Погребен в Вишере Новгородской губернии.

Дети: Варвара (умерла не позже 1854), фрейлина великой княжны Ольги Николаевны; муж: Леонид Алексеевич Воейков, двоюродный брат (см. о нем 111/94), дочь: Ольга (1850 – 1875);

Елена (1837 – 1922) воспитывалась в семье Поленовых (см. 111/94); уна-

¹⁸³ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. В 12 т. Т. 3. М., 1992. С. 444. Ст. печатается в сокращении.

следовала от отца часть рукописей Державина, которые впоследствии были переданы Я. Гроту.¹⁸⁴ Проживала в Париже; муж: Владимир Семенович Корсаков (о его родственниках см. 148/109); Андрей(?).

113/99. Алексей Дмитриевич

Капитан корпуса жандармов (1835).

114/100. Петр Федорович (родился в 1796)

Инженер путей сообщения; подполковник в Корпусе путей сообщения (1832). Генерал-лейтенант, начальник корпуса жандармов в Казани. В Новоторжском уезде за ним числились: в с. Арпачеве – 51 душа, в д. Челядино – 10 душ, в д. Вишенье – 18 душ¹⁸⁵.

Жена: 1) ...; дочь: Елизавета;

2) с октября 1831 г.: Анна Александровна Фуллон¹⁸⁶; без потомства.

115/100. Илья Федорович (1797 – 10.04.1841, СПб.)

Ротный командир Измайловского полка. В 1825 году был арестован по делу декабристов, представлен в следственную комиссию, бумаги его были опечатаны. Через месяц его объявили невиновным (он был оговорен злоумышленниками), в чем и выдали аттестат. Полковник лейб-гвардии Павловского полка.

Похоронен в Санкт-Петербурге.

Жена: Елена Васильевна Безродная (умерла после 1864 г.), дочь сенатора Василия Кирилловича Безродного.¹⁸⁷

116/100. Алексей Федорович (25.05.1798 – 16.12.1870)

Из его записок¹⁸⁸:

Занимался музыкой с детства с отцом и дядей Андреем Самсоновичем Козляиновым.

1814 – поступил на службу в Институт Путей Сообщения.

---

¹⁸⁴ Сочинения Державина. Т. 9. СПб., 1883. С. 623.

¹⁸⁵ Санкт-Петербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимое имущество. 1832 г. Ст. 5835, 5836.

¹⁸⁶ См. также приложение к настоящему изданию: С.Д. Дзюбанов. О родственном окружении Львовых.

¹⁸⁷ См. там же.

¹⁸⁸ Львов А.Ф. Записки // Русский архив. 1884. № 4. С. 225 – 260; № 5. С. 65 – 114.

1818 – выпущен первым воспитанником из этого заведения.

Командирован по высочайшему повелению для производства работ на военные поселения Новгородской губернии под начальство графа Аракчеева. Служил по 1825 год.

1826 – капитан Корпуса жандармов с назначением ст. адъютантом при шефе Бенкендорфе.

1827 – переведен в гвардейский жандармский полуэскадрон тем же чином капитана.

1828 – война с турками, участие в сражениях при крепости Шумле, затем послан в отряд генерала Симановского для открытия неприятельских партий. За эту кампанию получил бант на Владимирский крест и Анну на шею.

1833 – флигель-адъютант свиты Его Величества, сопутствовал Государю во всех его поездках по России и за границей.

1833 – по поручению Государя написал музыку гимна «Боже, царя храни». Награжден табакеркою с бриллиантами.

30 августа 1833 – сооружен мост в имении графа Бенкендорфа Фаль близ Ревеля. Государь сказал: «Это Львов перекинул свой смычок».

1834 – флигель-адъютант в чине ротмистра.

10 марта 1834 – день первого домашнего концерта в Зимнем дворце, для чего был составлен первый домашний оркестр из членов императорской семьи.

1833 – 1834 – получил Шведский орден меча за посланные наследному принцу костюмы горского полуэскадрона, орден Св. Иоанна Иерусалимского и Австрийского Св. Леопольда, командорские кресты.

1 января 1836 – произведен в полковники.

Орден прусского Красного Орла IV степени; командорские кресты: Баварского Михаила, Виртембергского Короны Веймарского Белого Сокола и к Шведскому мечу бриллиантовые украшения.

2 января 1837 – назначен директором Придворной певческой капеллы (утвержден в 1849).

7 февраля 1837 – получил орден Св. Владимира III степени.

10 октября 1843 – произведен в генерал-майоры с оставлением в свите.

Опера «Варвара» для Надежды Самойловой.

1 января 1847 – пожалован орден Станислава I степени.

22 января 1847 – «получил я извещение герольдии о высочайшем утверждении герба нашего с девизом «Боже, царя храни». И именно так, как я просил, то есть надпись пожалована роду дорогого друга моего батюшки, которому я всем обязан, и самым музыкальным талантом, без которого и гимн этот существовать не мог, поэтому я имел удовольствие доставить всем братьям право на отличительную эту надпись».

20 февраля 1849 – утвержден директором Придворной певческой капеллы.

5 декабря 1849 – произведен в тайные

советники со званием гофмейстера и директора Придворной певческой капеллы.

1859 – пожалован в обер-гофмейстеры с оставлением в должности сенатора.

Из Русского биографического словаря: «Директор Придворной певческой капеллы, автор музыки русского народного гимна, род. в Петербурге 25 мая 1798 г. Отец его, Федор Петрович Львов, был большим любителем музыки и с 1826 г. состоял директором Придворной капеллы. Алексей Федорович с 7 лет учился игре на скрипке и знакомился с музыкальной библиотекой отца, состоявшей из старинных сочинений; в 1814 г. он поступил в Институт инженеров путей сообщения, по окончании которого в 1818 г. произведен был в офицеры и командирован для производства работ в военных поселениях, управляемых тогда гр. Аракчеевым. В феврале 1825 г. Львов вышел в отставку, а в ноябре того же года поступил адъютантом к шефу корпуса жандармов Бенкендорфу, исполняя при нем обязанности секретаря. Государь, соглашаясь на определение Львова на эту должность, сказал Бенкендорфу: «Возьми его, он хороший офицер, сумел восемь лет прослужить у Аракчеева». В 1828 г. Львов с главной квар-

Алексей Фёдорович Львов
С литографии 1840-х гг.

тирой отправился, по случаю войны с Турпией, за Дунай в качестве заведовавшего делами главной квартиры и находящегося в свите государя для производства дел, до вояжей относящихся. В 1833 г. по возвращении из заграничного путешествия с государем Львов получил поручение государя написать русский народный гимн. В России до тех пор употреблялась музыка английского национального гимна на слова В.А. Жуковского: «Боже, Царя храни, славному долги дни дай на земли». В своих записках Львов говорит по этому поводу: «Задача показалась мне весьма трудною. Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа от ученого до невежды». К написанной им музыке Львов просил Жуковского написать слова. Это были слова употребляемого до настоящего времени гимна, первоначально называвшегося «Молитва русского народа». По докладу гр. Бенкендорфа о гимне Львова государь Николай Павлович с императрицей и в. кн. Михаилом Павловичем 23 ноября 1833 г. приехали слушать гимн в певческий корпус, и здесь хор придворной капеллы и два оркестра военной музыки впервые исполнили новое сочинение. Прослушав несколько раз гимн, государь сказал: «Спасибо, прелестно, ты совершенно понял меня». С 25 дек. 1833 г. гимн «Боже, Царя храни» с музыкою Львова стал употребляться в качестве русского народного гимна. В следующем году Львов был назначен флигель-адъютантом, и продолжал сопутствовать государю в его поездках по России за границей.

14 дек. 1836 г. скончался отец Алексея Федоровича, и директором придворной певческой капеллы 2 янв. 1837 г. был назначен он сам, как лично известный государю большой знаток музыки и артист-скрипач. С этого времени музыкальные интересы заполняют всю жизнь Алексея Федоровича; в ближайшие годы он выступил за границей в качестве скрипача-виртуоза и пользовался необыкновенным успехом, засвидетельствованным в словах восторженного отзыва Роберта Шумана, который писал: «если в России играют на скрипке так, как играет г. Львов, то нам надлежит ехать туда не их учить, а учиться». В Петербург!

У Алексея Федоровича часто бывали музыкальные вечера, на которых участвовали лучшие музыкальные силы столицы и приезжали из-за границы знаменитости. Вечера были удаваемы также и Высочайшего посещения. Львов устроил постоянный квартет при участии В. Маурера, Вильде и гр. М. Виельгорского. По инициативе Львова в 1840 г. было основано в Петербурге Симфоническое Общество с целью пропагандировать в то глухое в России для музыки время произведения западноевропейских классиков.

Известен Львов и в качестве композитора. Ему принадлежат: 24 этюда для скрипки, драматический скрипичный концерт, «Le Duel для скрипки и виолончели», «Увертюра C-dur», «Фантазия для скрипки с мужским хором» и др. Оперы: 1) «Bianca e Gualtiero», поставленная в 1844 г. в Дрездене и в 1845 г. в Петербурге; 2) «Ундина», на текст Жуковского, поставленная в 1849 г. также в Петербурге и возобновленная в 60-х годах; 3) «Староста Борис, или Русский мужичок и французские мародеры в 1812 г.», поставленная в сезон 1854-55 гг. и 4) оперетта «Барвара».

Все эти произведения написаны, для своего времени, с большим знанием дела, с применением вполне современной музыкальной техники, нередко с творческим подъемом, рельефно выступающим в вокальных частях и хорах последних названных сочинений.

Занимая в течение двадцати четырех лет должность директора придворной певческой капеллы, Львов своими трудами составил себе большое имя в области церковного пения. Деятельность его в этом отношении обширна и обнимает собою стороны современной ему церковно-певческой жизни. Сюда, прежде всего, относится издание придворной капеллой образцовых книг церковных напевов, получившее название «Придворного Обихода». То, что понимается теперь в смысле хорового обихода, совершенно не существовало до Львова. Единственным предшествующим обиходу изданием обычных напевов служило напечатанное в 1835 г. «Пение божественной литургии» на два голоса. Оно не могло удовлетворить потребностям даже самой капеллы при отправлении ею церковных служб при Высочайшем Дворе: как не обнимавшее круга церковного года, оно было очень неполно и, будучи далеко не совершенным, в гармоническом

отношении, допускало возможность уклонений от правильного движения в остальных голосах. В 1846 г. Львов предпринял труд положения на ноты всех духовно-музыкальных сочинений, которые поются в придворных церквах во весь круг года. ... Труды Львова представляли серьезную ценность. Уже самая мысль о надобности гармонизовать полный церковный круг древних напевов для сороковых годов 19-го столетия была замечательной; она с большою пользою отвлекала внимание хоров от распространившегося в то время пристрастия к творениям провинциальных самоучек-композиторов и имела целью дать прямо на клирос, в руки певцам, в музыкальном отношении правильно, а нередко и красиво сделанные переложения древних напевов. Несмотря на многочисленные препятствия начатому делу и обширность самого труда, Львов в 1859 г. напечатал и издал: Утреню греческого распева, Воскресные утренние антифоны, Воскресные и праздничные ирмосы – того же распева, Октоих и Сокращенный Ирмологий знаменного распева. ...

От Львова мы имеем до 40 оригинальных духовных композиций, между которыми 4 концерта. ...

За время управления Львовым придворной капеллой значение этого учреждения возросло в сильной степени. Он довел пение капеллы до высокого совершенства и именно к капелле его времени относятся восторженные похвалы Берлиоза, который, между прочим, сказал: «сравнить хоровое исполнение Сикстинской капеллы в Риме с этими дивными певцами – то же, что сравнивать несчастную маленькую труппу пилил третьестепенного итальянского театра с оркестром Парижской консерватории». За время Львова капелла начинает впервые выступать в духовных концертах, которые не могли не иметь воспитательного и художественного значения для русского хорового пения.

Одновременно Львов заботился о надлежащем обеспечении певцов капеллы, учредив в 1851 г. так называемый вспомогательный капитал для вдов и сирот придворных певчих, а также и о судьбе малолетних певцов, устроив для них возможность по спадении с голоса получить музыкальное образование в инструментальном классе при капелле. В заботах о распространении упорядоченного после издания придворного обихода церковного пения по всем церквам России, Львов

неминуемо должен был взять на себя и труд необходимой подготовки опытных руководителей пения, регентов, для чего учредил при придворной капелле регентский класс. При тогдашнем совершенном отсутствии музыкально-педагогических учреждений это отвечало насущной потребности, и Св. Синод, видя надобность образования регентов, издал, по инициативе Львова, в 1849 г. указ, по которому обучение хоров должно быть непременно поручаемо только лицам, получившим аттестаты от придворной капеллы. Другая цель такого образования состояла в том, чтобы «воздержать, как говорит указ Св. Синода в 1847 г., от пения в церквах нотной музыки, и в особенности концертов, исполнение которых весьма затруднительно и требует для обучения оным регентов с большими познаниями, что весьма редко встречается». Епархиальные и полковые регенты, певчие, желавшие обучать пению, стали призываться в капеллу, учились здесь и возвращались в свои хоры полноправными руководителями...

В 1861 г. здоровье Львова было уже подорвано выпавшими на его долю многочисленными заботами и трудами; к общему нездоровью присоединилась еще глухота, и 22 ноября 1861 г. он, согласно прошению, был уволен от должности директора придворной капеллы и последние годы до самой смерти провел вне отношений к музыкальному миру. Скончался Львов 16 дек. 1870 г. в имении Романи, близ Ковно. Погребен в ближайшем к имению Пожайском монастыре.

Сохранилась надгробная плита с надписью: «Действительный Тайный Советник Алексей Федорович Львов композитор народного гимна «Боже Царя храни». Родился 25 мая 1798 года, скончался 16 декабря 1870 года».¹⁸⁹ Жена (с 16.11.1838): **Прасковья Аггеевна Абаза** (1817 – 28.06.1883); погребена в Пожайском монастыре. Сохранилась надгробная плита.

Отец ее – Аггей Васильевич (1782 – 1852) – действительный статский советник, отец многочисленного семейства. Крупный помещик Орловской губернии, имел в Петербурге прекрасный дом с садом. Его

¹⁸⁹ Преображенский А.В. Львов Алексей Федорович // Русский биографический словарь. Т. -Лабзина – Ляшенко-. М., 1996. С. 765 – 769. Ст. печатается в сокращении.

сын Александр (1821 – 1895) был министром финансов при Александре и членом Гос. Совета.

Как вспоминал Ф.А. Оом, «сестры Прасковьи Аггеевны Львовой, Вера и Мария (впоследствии вышла замуж за известного Н.А. Милютина), имели множество поклонников между молодыми людьми, моими товарищами».¹⁹⁰

Братья – Эраст и Александр – служили в лейб-гвардии гусарском полку, расквартированном в Царском Селе. Прекрасно владели гитарой, были поклонниками модного тогда цыганского пения, некоторые из цыганских романсов так и подписаны: «Музыка братьев Абаза». В их доме проводились музыкальные вечера с участием Рубинштейна, К. Давыдова. Еще до театральной премьеры «Евгения

Онегина» братья устроили у себя концертное исполнение оперы. Эраст является автором известного романса на стихи И. Тургенева «Утро туманное...». С началом крымской войны Эраст, чтобы попасть на фронт, перевелся из гвардейского полка в пехотный армейский и погиб при защите Севастополя в июне 1855 г.

117/100. Владимир Федорович (03.07.1799 – 15.05.1874)

Капитан, действительный статский советник, директор Псковской службы землевладения. В 1863 г. за ним числились: имение в с. Троицком, дер. Воронино, Шика, Малая Новинка с землями в Псковском уезде.¹⁹¹ Погребен в Ораниенбауме.

Варвара Николаевна Львова,
урожд. Козлянинова.

*Неизвестный художник. 1840-е гг.
Акварель, гуашь. Хранится в
Псковской картинной галерее.*

¹⁹⁰ Русский архив. 1896. Кн. 2. Федор Адольфович Оом (1826 – 1898) – секретарь императрицы Марии Федоровны, воспитатель в. кн. Николая Александровича.

¹⁹¹ Санкт-Петербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимое имущество. 1863. Ст. 12053.

Жена: 1) Варвара Николаевна Козляинова (1795 – 09.07.1844),¹⁹² погребена в Козловичах Псковской губернии;
2) Дарья Алексеевна Бартоломей (1817 – 28.05.1911).¹⁹³

118/100. Анна Федоровна (30.06.1800 – 11.01.1880)

Муж: Александр Антонович Скалон (1796 – 1851), полковник гвардейского Генерального штаба (1832).

119/100. Николай Федорович (11.06.1801 – 05.02.1871)

Окончил институт в Корпусе путей сообщения, занимался строительством мостов в Петербурге, Риге. Инженер, подполковник (1832), действительный статский советник. В 1841 году был определен управляющим Оренбургской палатой госимуществ, а затем Пермской казенной палатой. Участвовал в строительстве железнодорожных мостов от Петербурга до Твери. Был директором кондукторской школы.

Жена: Маргарита Васильевна Куломзина (умерла 24.03.1866).

120/100. Прасковья Федоровна (родилась 1805)

Муж: Улаинов.

121/100. Дарья Федоровна (родилась 1807)

Муж: Алексей Васильевич Семенов, сенатор, действительный статский советник. В 1825 году был арестован, но впоследствии освобожден по заверению его друга Пушкина о непричастности к декабристам.

Дети: Надежда, в замужестве Неведомская-Динар, известная оперная певица;

Елизавета, пианистка, ученица Н.Г. Рубинштейна; муж: А.И. Дмитриев-Мамонов, вице-губернатор Томска, историк.

122/100. Александра Федоровна (родилась 1809)

Муж: Александр Федорович Фуллон (15.11.1796 – 22.05.1847, СПб.), инженер, генерал-майор.

123/100. Василий Федорович (родился 1803)

Служил в лейб-гвардии Измайловском полку, коллежский ассессор в

¹⁹² Сестра Е.Н. Козляиновой (см. 108/94).

¹⁹³ Владела 13 деревнями в Опочкинском уезде Псковской губ. (Санкт-Петербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимое имущество. 1862. Ст. 11434).

Санкт-Петербургской таможене. Владелец сц. Курчина Боровского уезда Калужской губ. (1832).¹⁹⁴

124/100. Леонид Федорович (23.02.1813 – 1890)

Крещен в Морском Богоявленском Никольском соборе, воспитанниками были Г.Р. Державин и Прасковья Николаевна Львова (112/94). Учился на юридическом факультете Императорского университета, но полный курс не окончил. В службу вступил в 1832 году (в департамент разных податей и сборов).

В 1837 г. был командирован в Виленскую губернию для ревизии конфискованных после мятежа имений и государственного имущества, в 1839 г. – в Восточную Сибирь для ревизии поселений декабристов и золотых приисков «в отношении отводимых для приисков участков и поселения декабристов, освобожденных тогда от каторжных работ».¹⁹⁵

В 1844 г. по резолюции императора Леонид Федорович был направлен Министерством Государственных имуществ в Астраханскую и Оренбургскую губернии, чтобы «подробно обозреть и описать орду как по отношению к существующим платежам и дани киргизов своему хану и султану, так и внутренней их расправы, а также определить степень власти хана и степень подчинения киргизов меньшим властям орды».

Управляющий Санкт-Петербургской палатой государственных имуществ (1851), коллежский советник (1853), по состоянию на 1855 г. за ним числилось благоприобретенное имение Богородицкое в Спасском уезде Казанской губернии (360 душ).

Действительный статский советник, камер-юнкер, секретарь императора Николая I, управляющий Императорскими Московскими театрами (1861 – 1864).

Любопытные сведения о Леониде Федоровиче содержат воспоминания Аркадия Осиповича Россет: «...Он премилый малый, музыкант, как все Львовы, и имеет еще талант вроде Сашки Карамзина – делать разные увеселительные фарсы: гримасами он представляет колокольчик, дождь,

¹⁹⁴ Санкт-Петербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимое имущество. 1832. Ст. 5833.

¹⁹⁵ См. воспоминания Л.Ф. Львова в приложении к настоящему изданию.

грозу, портфель и прочее. И не в обиду Сашке, его поискуснее, у него нет только смелости Карамзина, он стыдится и не может форсить». ¹⁹⁶
Жена (с 10.02.1843, Казань): Мария Евгеньевна Колтовская (родилась 1827). Венчание проходило в Покровской церкви. Владела каменным домом в Казани и имением в Казанской губернии.

125/100. Мария Федоровна

Известна как талантливая певица, детская писательница. Издавала журнал «Семейные вечера».

Муж: Ростовский.

126/100. Надежда Федоровна (1817 – 22.01.1895)

«Надежда» – любимая сестра Алексея Федоровича Львова (116/100). Певица, ученица Полины Виардо, автор романсов. В Петербурге Надежда Федоровна вращалась в блестящем обществе поэтов, композиторов, великосветских интеллектуалов. О ней и ее окружении писал в романе «Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова» популярный беллетрист начала XX века К.А. Бولшаков.

Погребена в Переславле-Залесском.

Муж: **Евгений Петрович Самсонов** (16.12.1812 – 11.02.1891). В 1822 году девяти лет Евгений Петрович был определен в Царско-сельский лицейский пансион, где пробыл шесть лет. В 1828 г. переведен в школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров и записан в лейб-гвардии Московский полк, участник русско-турецкой войны 1877 – 1878, генерал-майор.

Познакомился с Надеждой Федоровной на балу в доме Федора Петровича Львова, и через полгода она стала его женой.

В своих воспоминаниях Евгений Петрович пишет: «...С этого времени и жизнь моя, и служба приняли совершенно другой оборот. Семейство молодой жены моей, будучи в близких дружественных отношениях с шефом жандармов, командующим императорскою главною квартирою, графом Бенкендорфом, не желая видеть меня изо дня в день таскающимся по караулам, дежурствам и учениям,

---

¹⁹⁶ Русский Архив. 1896. № 1.

Евгений Петрович и Надежда Фёдоровна Самсоновы.

И.К. Макаров. 1870-е гг. Хранятся в Переславль-Залесском Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике.

предложило графу взять меня к себе в генеральские адъютанты, на что он охотно согласился, и вот я облекся в адъютантский мундир, продолжая, впрочем, числиться в лейб-гвардии Преображенском полку и совершенно забыл сказать, что все эти важные для меня <события> совершились в 1837 году, когда брат жены моей, флигель-адъютант, полковник А.Ф. Львов (сочинитель нашего русского народного гимна) состоял при графе Бенкендорфе и заведовал делами собственного Е.И.В. конвоя. Прослужив 12 лет в должности ст. адъютанта, мне скоро предстояло производство в полковники. Но внезапно жена моя заболела, и доктора советовали нам переселиться из Петербурга.¹⁹⁷

Самсоновы переехали в имение мужа Бектышево в Переславском уезде. Оказавшись в провинциальной глуши, чета Самсоновых занялась обустройством усадьбы, но находила время и для творческого

¹⁹⁷ Русский Архив. 1884. № 1. С. 423 – 464.

досуга. Належала Федоровна сочиняла стихи, романсы и пьесы для детей, музицировала. Евгений Петрович и его брат, тоже генерал в отставке, Гавриил Петрович, оказались неплохими мемуаристами. Их воспоминания о военной и придворной службе были опубликованы в столице. На свои средства Самсоновы открыли в Бектышеве бесплатную школу для крестьянских детей, Надежда Федоровна преподавала в ней русскую словесность. В барском доме нередко устраивались благотворительные вечера и новогодние елки. В середине – второй половине XIX в. имение Бектышево стало одним из культурных центров Переславского уезда.¹⁹⁸

Погребен Е.И. Самсонов в Переславле-Залесском.

127/100. Федор Федорович (20.08.1819, Петербург – 31.03.1895)

Согласно формулярному списку от 11 ноября 1846 года¹⁹⁹ поручик лейб-гвардии конно-пионерного дивизиона с февраля 1845 года участвовал в экспедиции против горцев. Владел немецким и французским языками, инженерной и артиллерийской науками.

Действительный статский советник, художник, секретарь Академии художеств, вице-директор Лесного департамента, директор Строгановского училища.

Чтобы представить многогранную деятельность Федора Федоровича, считаем уместным привести речь, произнесенную у его гроба преподавателем Строгановского училища П.П. Пашковым.²⁰⁰

«Русское искусство и тесный кружок его служителей и поклонников понес незаменимую утрату в лице Федора Федоровича Львова, директора Строгановского училища технического рисования (в Москве на Рождественке). Он скончался в прошлую Великую пятницу, 31 марта, в масгитой и бодрой старости. ... Федор Федорович получил образование в Главном Инженерном училище, где преподавателями были французы. Начав службу в коннопионерах, он пять лет провел на Кавказе (1845 – 1850), где участвовал в боях. Он составил целый сборник акварельных кавказских видов, за что в 1847 г. Акаде-

¹⁹⁸ См.: Переславль-Залесский: альбом. М., 2002. С. 138 – 139.

¹⁹⁹ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2370. Л. 236, 236 об.

²⁰⁰ Русский Архив. 1895. Кн. 2. С. 123.

мия художеств назначила его своим почетным вольным общником. Затем он служил в почетном ведомстве под начальством известного любителя русской живописи Ф.И. Прянишникова. Общество поощрения художников избрало его своим секретарем. С 1 июня 1859 года по май 1865 года Ф.Ф. Львов был конференц-секретарем Академии художеств во время президентства великой княгини Марии Николаевны. В 1860 году он ездил в чужие края и осматривал тамошние художественные академии и музеи. Позднее видим его вице-директором Лесного департамента, а весной 1875 года он устраивал во Владимирской губернии село Успенское для пребывания в нем великого князя Николая Константиновича. Получив в свое управление Строгановское училище в Москве, Федор Федорович отдался ему всею своею душою и всею многоопытностью. И училище, и музей его при нем доведены до возможного совершенства. Без всякой казенщины и выставочности умел он собрать вокруг себя усердных сотрудников и умножить число учеников и учениц. Все как-то особенно ладилось в этой последней его деятельности. Про него можно сказать словами поэта, что «соразмерностей прекрасных в душе носил он идеал».

Жена (с 15.07.1862): **Анфиса Петровна Балавенская** (24.06.1822 – 19.11.1891)

Родилась в г. Порхове Псковской губ.

В первом браке – за В.Н. Креницыным, корнетом, помещиком Псковской губернии. После развода с ним в 1862 г. – второй брак с Ф.Ф. Львовым. Под этим именем она стала известна как писательница. Дебютировала как драматург в 1859 г. с пьесами «Честность» и «Богатая невеста». Популярны были ее романы «Ненастье», «Старый дом», «Разоренье», «Княгиня Маруся», «Сумерки».

Ее брат – Александр Петрович Балавенский, майор, служил во Владимирском уланском полку. Был женат на Татьяне Петровне Олениной (внучке А.Н. Оленина, президента АХ). Оставив военную службу, Балавенский жил в Торжке, служил в земстве.

128/100. Константин Федорович (родился 1826)

129/100. Любовь Федоровна (1829 – 1852)

Ее портрет работы неизвестного художника с надписью «Любовь»

Ф. Гасфорд, сестра Над. Ф. рожденная Львова» находится в Переславль-Залесском историко-художественном музее, поступил из Бектышева, имения ее сестры, Н.Ф. Самсоновой.

Муж: **Густав Христианович Гасфорд** (01.04.1794 – 05.05.1874) – генерал от инфантерии (с 1853). «Из иностранных дворян лютеранского исповедания; в российском подданстве состоял с 1833. Родился близ г. Белостока. Образование получил в институте Корпуса инженеров путей сообщения, по окончании которого в июле 1811 произведен в прапорщики, а в июле 1812 – в подпоручики.

Во время Отечественной войны 1812 в составе инженеров 1-й Западной армии участвовал в укреплении Дрисского лагеря, находился в сражениях под Смоленском и Дорогобужем, строил укрепления на Бородинском поле, а затем принял участие в Бородинском сражении (август; за отличия в котором произведен в поручики), затем занимался устройством дорог, переправ, мостов и укрепленных позиций, находился в сражениях при Малоярославце, Вязьме и Красном. За отличия в кампании 1812 награжден орденом Святой Анны IV степени. Участник заграничных походов русской армии 1813 – 14: участвовал в военно-инженерных работах, в сражениях при Бауцене (май 1813) и Лейпциге (октябрь 1813), был контужен ядром в левую ногу и за оказанную храбрость награжден орденом Святой Анны II степени. Во время сражений на территории Франции в начале 1814 был взят в плен французами, но вскоре освобожден кирасирами Новгородского полка, за отличие при взятии Парижа в марте 1814 произведен в капитаны и в ноябре того же года переведен в свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части.

Любовь Федоровна Гасфорд,
урожд. Львова.

Неизвестный художник.

Кон. 1840-х – нач. 1850-х гг.

После окончания военных действий участвовал в топографической съемке русско-австрийской границы. В марте 1817 назначен старшим адъютантом Главного штаба 1-й армии и начальником 2-го отделения квартирмейстерской части. В 1818 произведен в подполковники, а в 1822 – в полковники. В 1825 – 28 командовал 3-м Егерским полком. В 1828 переведен в Генеральный штаб и назначен начальником штаба 1-го армейского корпуса. В 1829 временно исполнял обязанности начальника штаба корпуса, действовавшего на Кавказе. В августе 1830 произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба 4-го корпуса. Состоял с декабря 1830 по май 1831 начальником штаба 2-го пехотного корпуса, а с мая 1831 начальником штаба 6-го пехотного корпуса, участвовал в военных действиях в Польше. В 1833 находился в походе в Молдавию и Валахию. В мае 1835 назначен начальником штаба 5-го пехотного корпуса, а в 1840 – начальником 15-й пехотной дивизии, во главе которой участвовал в боевых действиях против горцев на восточном побережье Черного моря. В декабре 1840 получил чин генерал-лейтенанта. В 1844 – 45, командуя левым флангом Кавказской линии, успешно действовал против горцев. Отличился в ходе Венгерской кампании 1849, за что удостоен золотой шпаги, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость», а также ордена Святого Георгия 3-й степени (ноябрь 1849). В 1849 командовал войсками, оставленными в Трансильвании, а в апреле 1850 – январе 1851 – войсками, расположенными в Молдавии и Валахии.

С января 1851 по 1861 – генерал-губернатор Западной Сибири и командующий Отдельным Сибирским корпусом. За время управления Западной Сибирью Гасфорд провел ряд административных реформ, присоединил к Империи важные плодородные местности (в том числе Заилийскую долину, верховье реки Чу и др.), образовав из них Алатавский округ, в котором были возведены укрепления, образованы казачьи станицы и т. д.; созданы новый военный Березовский округ, две новые области (Сибирских киргизов и Семипалатинская). В 1858 – 59 был снаряжен торговый караван, под прикрытием военного отряда, в Кашгар для ознакомления с торговым и военно-политическим значением этого важного пункта Центральной Азии; в 1859 – 61

было преобразовано Сибирское казачье войско. В апреле 1853 Гасфорд получил чин генерала от инфантерии.

В 1861 назначен членом Государственного совета, однако в связи с потерей зрения он в последние годы службы испросил увольнения от присутствия в Совете. Состоял также почетным членом Петербургской АН, Императорского Вольного экономического общества, Императорского Русского географического общества. С 1859 носил звание почетного президента парижского общества «Уничтожения невольничества и торга неграми в Африке». Кавалер ряда высших российских орденов: Св. Анны I ст. (1831), Св. Владимира II ст. (1832), Белого Орла (1843), Св. Александра Невского с алмазными знаками (1854), Св. Владимира I ст. с мечами (1860). Скончался в Санкт-Петербурге в возрасте 80 лет; похоронен на Волковском лютеранском кладбище.²⁰¹

130/103. Екатерина Васильевна

Муж: Михаил Иванович Килевский, действительный статский советник.

131/105. Петр Петрович (1804 – до 1869)

От первого брака отца. Мачеха, его воспитавшая, Вера Петровна Лазарева – сестра известного адмирала Лазарева.

Офицер Генерального штаба, адъютант Дюбича в турецкую войну, губернатор в Витебске.

Жена: Мария Федоровна Ладыженская.

132/105. Александр Петрович (1814 – 25.01.1876)

От второго брака отца. Подполковник.

133/105. Прасковья Петровна (родилась 1816)

134/105. Вера Петровна (родилась дек. 1817)

Муж: Николай Сергеевич Дурново, надворный советник (1852), вице-губернатор г. Вильно.

135/105. Михаил Петрович (1818 – 1869)

Закончил морское училище.

---

²⁰¹ Из кн.: Федорченко В. Императорский дом. Выдающиеся сановники. Т. 1. Красноярск, М., 2003. См. также приложение к настоящему изданию: С.Д. Дзюбанов. О родственном окружении Львовых.

136/105. Анна Петровна (умерла до 1869)

137/105. Варвара Петровна (1820 – 26.10.1871)

Муж: Петр Матвеевич Алымов (28.02.1806 – 28.02.1862), капитан артиллерии (1842), титулярный советник (1845).

138/105. Любовь Петровна (родилась 09.07.1823)

139/105. Софья Петровна (родилась 08.09.1824)

Муж: Ипполит Михайлович Потулов, титулярный советник.

140/105. Надежда Петровна (родилась 21.07.1826)

141/105. Алексей Петрович (09.10.1827 – 28.03.1855)

Выпускник морского училища (1847), лейтенант, погиб в крымскую войну в Севастополе.

XX

142/108. Мария Леонидовна (24.05.1818 – 18.02.1828)

Погребена в родовой усыпальнице Львовых в Никольском.

143/108. Елизавета Леонидовна (родилась 1821)

Погребена в родовой усыпальнице Львовых в Никольском.

144/108. Александра Леонидовна (16.11.1819 – 01.01.1820)

Погребена в родовой усыпальнице Львовых в Никольском.

145/108. Николай Леонидович (29.06.1824 – 03.12.1825)

Погребен в родовой усыпальнице Львовых в Никольском.

146/108. Леонид Леонидович (30.06.1830 – 03.02.1875)

Леонид оказался единственным наследником Леонида Николаевича. Известно, что «окончив воспитание в Санкт-Петербургском университете, в службу вступил 23 мая 1850 г. фейсерверкером батареи Гвардии конной артиллерии».²⁰² В этом же году умерла его мать, Елена Николаевна, двадцатилетний Леонид стал владельцем родовой усадьбы Никольское-Черенчицы.

²⁰² ГАТО. Ф.160. Оп. 11. Ед. хр. 2395. Л. 6 – 8. Формулярный список службы чиновника для особых поручений Министерства Финансов титулярного советника Леонида Леонидовича Львова. 1863 г. Далее: Формулярный список...

Владимир Полторацкий, родственник и друг детства Львова, вспоминал, что летом 1850 г. «...заехал по дороге к Леониду в Никольское». Таким увидел он дом: «Картины на стенах, мебель у камина, мольберт в углу, а особенно под стеклом восковые фигуры, артистической работы, талантливой художницы, Елены Николаевны, – все, все до малейшей вещицы в большом и своеобразном доме переносило меня в тот отраднейший период детства, когда мы, в курточках, бегали, шумели и возились здесь с Леонидом».²⁰³

Церковь Воскресения в Никольском.
В.Д. Поленов. 1860 г.

Ф.А. Оом вспоминал: «из бесчисленных Львовых более всех симпатичен мне был Леонид Леонидович, мать которого, рожденная Козлянинова, была женщина в высшей степени образованная и любезная».²⁰⁴ Из послужного списка Леонида Леонидовича: «14 февраля 1852 г. переведен в Лейб-Гвардии гусарский полк. С 22 августа того же года произведен в корнеты. Причислен в 4 резервный дивизионный полк, произведен в поручики. В крымскую войну охранял Прибалтику и Санкт-Петербург, за что был отмечен светлой бронзовой медалью в Память о войне 1853 – 56 гг. на Андреевской ленте. ... Уволен по

²⁰³ В.А. Полторацкий. Воспоминания // Исторический вестник. 1893. Т. II. С. 750. Владимир Алексеевич Полторацкий (1828 – 1889) – сын тверского губернского предводителя дворянства Алексея Марковича, окончил Пажеский корпус, служил на Кавказе, в 1861 – 1866 гг. – предводитель дворянства Новоторжского уезда, генерал-майор.

²⁰⁴ Русский архив. 1896. Кн. 2. С. 235.

воинскому ведомству по домашним обстоятельствам с чином штабс-ротмистра 3 дек. 1860 года».²⁰⁵

Женился на Юлии Павловне Скрыпицыной, «фрейлине Их Императорского Высочества». Жили в Санкт-Петербурге, но лето семья проводила в Никольском.

В 1859 г., когда по решению Академии наук Я. Грот стал готовить полное собрание сочинений Г.Державина, обратились к Леониду Леонидовичу, который унаследовал от отца рукописи сочинений поэта, и он «изъявил полную готовность содействовать». Я. Грот писал: «Побывав лично в селе Л.Л. Львова Никольском (близ Торжка), я возвратился оттуда с большим собранием рукописей, представленных владельцем в пользование академии, а вскоре после того и Д.В. Поленов, с согласия Елены Константиновны, ныне Корсаковой, стал доставлять мне мало-помалу целые книги и ящики Державина».²⁰⁶

В июне 1860 г. у Львова гостил племянник – юный Василий Поленов. Известны его рисунки церкви-мавзолея Воскресения и усадебного дома с надписью: «Дом Леонида Леонидовича в Никольском».

Первенца – сына Эммануила – крестили в Исаакиевском соборе, воспитателями были «лично Его Императорского Высочества Государь цесаревич и Великий князь Николай Александрович и Кавалерская статс-дама ордена Св. Екатерины Вера Николаевна Скрыпицына».²⁰⁷

Через год, в ноябре 1861 г., в Исаакиевском соборе крестили второго сына, Георгия, среди восприемников значатся тетюшка Елизавета Николаевна Львова и лично присутствовавший на церемонии «Его Императорского Высочества Великий князь Алексей Александрович».²⁰⁸

8 апреля 1862 г. Львов был определен чиновником для особых поручений Министерства финансов.

Как родовые за ним числились «земли, населенные крестьянами, в

---

²⁰⁵ Формулярный список... Л. 6.

²⁰⁶ Сочинения Державина. Т. 1. СПб., 1864.

²⁰⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 11. Ед. хр. 2395. Л. 16.

²⁰⁸ Там же. Л. 4.

Тверской губернии и стеклянный завод». ²⁰⁹ Известно, что в 1860 г. он продал права на владение половиной мельницы и 10,5 дес. земли на реке Осуге купцу Цвылеву. ²¹⁰

У Л.Л. Львова хранился уникальный семейный архив XVIII – нач. XIX вв., он задумал написать книгу «Три деда» о Н.А. Львове, Г.Р. Державине и В.В. Капнисте, но «...к сожалению, несчастные домашние обстоятельства и ранняя смерть его помешали исполнению этой мысли». ²¹¹ Леонид Николаевич умер в возрасте 45 лет, похоронен, вероятно, в родовой усыпальнице в с. Никольском.

Жена: Юлия Павловна Скрипицына (умерла после 1886). После смерти мужа осталась с двумя несовершеннолетними сыновьями. Она подолгу жила в Никольском. Здесь, на кладбище, похоронила свою сестру Екатерину. ²¹²

147/109. Мария Александровна (17.05.1826, СПб. – 17.11.1901, СПб.)

Из воспоминаний племянника, Николая Николаевича Львова: «Княгине тете Мане, как мы ее звали, минуло сорок лет. Она походила

Княгиня Мария Александровна
Голицына-Прозоровская,
урожд. Львова. Фото 1870-х гг.

²⁰⁹ В 1865 г. Леонид являлся владельцем деревень: Челябино, Головорезово, Якимово, Удальцово, Заполье, Насывкино, Коробово, Никольское-Черенчицы (ГАТО, ф. 160, оп.15, ед. хр. 53, л. 233).

²¹⁰ Санкт-Петербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимое имущество. 1860. Ст. 14511.

²¹¹ Сочинения Державина. Т. 9. СПб., 1883. С. 161.

²¹² ВИЭМ. КОФ 994/29. Л. 66 об. - 67. Запись о смерти в метрической книге Воскресенской церкви за 1881 г.: «Скрипицына Екатерина Павловна фрейлина Двора Их Императорских Величества. 20 ноября умерла от воспаления легких в возрасте 52 лет».

своими красивыми прямыми чертами лица на брата своего, нашего отца,²¹³ ее портил несколько высокий мужской лоб, сдавленный в висках, и выражение глаз, уверенное и немного холодное, вместо необыкновенно мягкого и задумчивого взгляда таких же темно-синих глаз папа. Высокая ростом, она держалась всегда прямо, похолка у нее была твердая, и когда она садилась в кресло, то высоко закладывала ногу на другую и слегка покачивала ее так, что ясно выделялись из складок ее платья очертания ее ноги. Тетя курила, но никогда – в присутствии бабушки, желтые пахиточки, придерживая их особыми длинными золотыми щипчиками. Говорила она всегда решительно и прямо».²¹⁴

В некрологе, опубликованном в «Русском архиве», сказано: «Эта достопамятная женщина была украшением русского образованного общества в течение четырех последних царствований... Жизнь ее была развитием и применением унаследованных ею по рождению качеств. Но кроме того, что изящные искусства и науки были ей сродни, она владела искусством здоровой благотворительности, о чем свидетельствуют и село Раменское, и прекрасная тамбовская Зубриловка. От ее попечений о бедном люде жилось ему лучше и в отношении нравственном. Русский Архив обязан княжне Марии Александровне сообщением многих исторических бумаг».²¹⁵

Погребена в имении Раменское Московского уезда.

Муж (с 14.01.1848, Москва): князь **Александр Федорович Голицын-Прозоровский** (20.01.1810, СПб. – 07.04.1897), генерал-лейтенант. Погребен в имении Раменское.

Дед его – Сергей Федорович Голицын (1746 – 1810), известный военачальник екатерининской эпохи, был женат на фрейлине императрицы – Варваре Васильевне Энгельгардт, любимой племяннице князя Г.А. Потемкина. В конце 1770-х гг. он занялся строительством усадьбы Зубриловка в Тамбовской губернии. Близкими друзьями семейства Голицыных были Г.Р. Державин и И.С. Крылов.

²¹³ Николая Александровича Львова (149/109).

²¹⁴ Львов Н.Н. Былые годы // Русская мысль. Кн. III – V. Прага – Берлин, 1923. С. 80.

²¹⁵ Бартенев П.И. Некролог // Русский архив. 1902. Кн. 1. С. 192.

Призраки. В.Э. Борисов-Мусатов. 1903 г.

Осенью 1788 года Г.Р. Державин приезжал из Тамбова в Зубриловку, чтобы поддержать дух Варвары Васильевны, ибо муж ее и дядя (Г.А. Потемкин) находились под Очаковым. В Зубриловке поэт сочинил оду «Осень во время осады Очакова», в которой создал поэтические портреты супругов Голицыных и прославил фельдмаршала Потемкина. Варвара Васильевна известна как переводчица французской пьесы «Заблуждения от любви, или Письма Фанелии к Мильфорду» (была издана в 1788 и 1790 гг. в Тамбове).

Отец Александра Федоровича – Федор Сергеевич Голицын (1781 – 1826), егермейстер императорского двора, обладал легким характером и веселым нравом, славился непревзойденным талантом устраивать праздники. Мать Федора Сергеевича, княгиня Анна Александровна Прозоровская, принадлежала к роду, восходящему к Рюриковичам.

Со многими из «зубриловского» семейства был знаком А.С. Пушкин. По словам П.А. Вяземского, Сергей Григорьевич Голицын (1803 –

1868), «певец и картежник», подарил поэту сюжет «Пиковой дамы». Анна Александровна предоставляла Пушкину ценные документы из семейного архива князей Прозоровских.

В конце XIX века (при Марии Александровне) Зубриловка пережила последний этап своего расцвета. Главный дом был отремонтирован и дополнен симметричными двухэтажными боковыми пристройками. Перестраивались флигели, реконструировались оранжереи. В таком виде в начале 1900-х годов и запечатлел художник В.Э. Борисов-Мусатов «прекрасную Зубриловку» и ее обитателей.

Дети: Анна (1851 – 1921), в замужестве Горяинова, занималась живописью под влиянием троюродной сестры Елены Дмитриевны Поленовой, брала уроки акварели у П.П. Чистякова в доме Поленовых;

Ольга (1857 – 1879);

Мария;

Александр.

148/109. Наталья Александровна (16.05.1832 – 16.05.1859)

Умерла при первых родах, погребена на Никольском кладбище Александрово-Невской Лавры в Санкт-Петербурге.

Муж: **Александр Семенович Корсаков** (02.06.1831 – 13.04.1862), флигель-адъютант императора.

Александр Семенович и Наталья Александровна были троюродными братом и сестрой.

Корсаковых, Львовых и Мордвиновых связывало родство и дружба в нескольких поколениях²¹⁶.

Отец Александра Семеновича – Семен Николаевич Корсаков (1787 – 1853), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813 – 1814 гг. Позднее, в 1820-е гг., женившись на Софье Николаевне Мордвиновой, он поселился в деревне Тарусово Дмитровского уез-

²¹⁶ Прадел Александра Семеновича – Иван Герасимович Корсаков (умер 1770) – был женат на тетке жены адмирала Семена Ивановича Мордвинова (1701 – 1777). Матерью Александра Семеновича была Софья Николаевна, тоже Мордвинова (1797 – 1877), но другой ветви. Брат Александра Семеновича Корсакова – Владимир, был женат на Елене Константиновне Бороздиной – дочери Прасковьи Николаевны, урожденной Львовой (112/94). Таким образом, Александр и Владимир Корсаковы были женаты на двоюродных сестрах Наталье Львовой и Елене Бороздиной.

да Московской губернии и продолжал состоять на службе при Министерстве внутренних дел, являлся членом Русского географического общества. При обширных познаниях в математике, он так же занимался разными опытами и изобретениями по части электричества, гальванопластики, фотографии. Занимался и хозяйством: разбил прекрасный парк, построил деревянный двухэтажный дом, в верхнем этаже которого была оборудована обсерватория, собрал великолепную библиотеку. Вместе с тем, он особенно пристрастился к гомеопатии, тогда еще новой и малоизвестной в

России, лечил приходящих к нему больных и часто с большим успехом. Вел переписку с С. Ганеманом, «отцом гомеопатии». В вопросах гомеопатии был единомышленником Александра Николаевича Львова (109/94): они обменивались рецептами по составлению гомеопатических лекарств и опытом лечения. Семен Николаевич обращался к Александру Николаевичу как к «просветителю в гомеопатии» и «виновнику его гомеопатизма». Во время эпидемии холеры Семен Николаевич, как и Александр Николаевич, оставался в своем имении и лечил крестьян.

В.С. Норов (1793 – 1853), чье имение было недалеко от Тарусова и который был дружен с его хозяином, писал: «Я смотрю на Тарусово, как на светоч среди полного мрака, как на прекрасный оазис среди дикой пустыни».

Все дети С.Н. Корсакова, а было их восемь человек, получили блестящее образование. Один из сыновей, Михаил (1826 – 1871), был генерал-лейтенантом, членом Государственного совета, генерал-губер-

Наталья Александровна
и Александр Семёнович Корсаковы.
Фото 1830-х гг.

натором Восточной Сибири. Его именем назван город-порт на Сахалине, два мыса и острова.

Дочь Семена Николаевича – Наталья Семеновна Корсакова (1827 – 1915), была замужем за троюродным братом, Павлом Александровичем Бакуниным (1820 – 1900). Именно Наталья Семеновна привела в порядок огромный семейный архив Бакуниных, ею была составлена «Прямухинская летопись». Она взяла на себя хлопоты по отправке в Лондон к Михаилу Бакунину его жены Антонины Ксавьерьевны, опекала посаженных в Петропавловскую крепость (1862) братьев мужа – Николая и Алексея. Наталья Семеновна была художницей, сохранились альбомы ее рисунков с видами Прямухина и его обитателей.

149/109. Николай Александрович (21.05.1834 – 27.03.1887)

Родился в Москве. Согласно записи в метрической книге Пречистенского сорока Спасо-Преображенской церкви, «...в мае месяце двадцать первого числа у прихожанина, живущего в собственном доме Двора Его Императорского Величества камергера коллежского советника и кавалера Александра Николаевича Львова и законной его жены Натальи Николаевны, оба лица первым браком, родился сын Николай. Молитвами имя нарек и крещение совершил священник Василий Иванов Нагибин...»²¹⁷

Свидетельствует о рождении Николая и граф М.В. Толстой: «Однажды случайно пришел к Александру Николаевичу в то время, когда супруга его только что разрешилась от бремени сыном Николаем».²¹⁸ Детство Николая прошло в доме отца, купленном в начале 1830-х гг. у князей Вяземских и перешедшем ему, как старшему сыну, по наследству. По описанию дочери В.Н. Бобринской (177/149), «дом был одноэтажный, с мезонином, деревянный, на каменном фундаменте, с колоннами. Дом стоял во дворе, в большом саду. Дворовые ворота, деревянные, выкрашенное в белое, закрывались деревянными засовами; по другую сторону ворот, лицом тоже на улицу, был флигель, в котором находи-

²¹⁷ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2.

²¹⁸ Толстой М.В. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 80. Михаил Владимирович Толстой (1812 – 1896) – граф, религиозный писатель, мемуарист.

лись кухня и квартира прислуги. За садом еще находился большой флигель с экипажным сараем и квартирой для прислуги. На Спасо-Песковской площади, налево от дома, была церковь Спаса-на-Песках, а по ту сторону шли опять все деревянные дома такого же типа, со ставнями. Вход был со двора – несколько деревянных ступенек. Прихожая, круглая комната, была оклеена обоями с двумя фальшивыми дверями и одной дверью, которая вела в переднюю. В передней стояли две большие скамейки (лари) с ящиками под сиденьем. Потом шла вторая передняя, загражденная ширмами со стеклами; между дверями стояли большие часы; конечно, меблировку дополняли вешалки. Из второй передней шла одностворчатая дверь в буфет и двустворчатая – в залу. Зала была оклеена светлыми обоями, а рисунки на потолке изображены желтой краской, посредине – большая люстра папьемаше, золоченая, со стеклом. Между окнами, выходящими во двор, стоял большой орган, заводящийся, с ручкой, который играл оперы, главным образом, из «Лючии» и из «Ля Мюэтт». Мебель, как в этой комнате, так и в гостиной и во всем доме, была красного дерева без бронзы. Вдоль стены между дверьми в коридор и в гостиную стоял большой диван красного дерева, обитый набивным бархатом кирпичного цвета, и над диваном висели два громадных портрета Державина Г.Р. и его жены Дарьи Алексеевны. Портрет Г.Р. Державина кисти Тончи (в снегу) был завещан Дарьей Алексеевной (1767 – 1842) своему племяннику Александру Николаевичу Львову. Портрет Дарьи Алексеевны – кисти Боровиковского. В гостиной, тоже очень большой комнате в четыре окна, с той же мебелью красного дерева кирпичного цвета, на стенах висели портрет Николая Александровича Львова и два портрета Марии Алексеевны Львовой кисти Левицкого; затем была прекрасная копия «Богоматери» Леонардо да Винчи, несколько видов Щедрина, марины А.Н. Мордвинова (сына адмирала), портрет графа А.С. Мордвинова кисти Доу и два портрета Александра Николаевича Львова кисти К. Брюллова и В. Тропинина.²¹⁹

---

²¹⁹ ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Ед. экз. 5. Бобринская В.Н. Хроника моей жизни (1864 – 1930).
Машинописный текст.

Николай, вероятно, получил домашнее образование. Косвенные свидетельства позволяют предположить, что он обучался в Рязанском военном училище.²²⁰ Николай Александрович был офицером кавалергардского полка.

По воспоминаниям В.Н. Бобринской, «Николай Александрович был в высшей степени мягкий человек, скромный и даже робкий, но внутренне горел неугасимым огнем».

В 1859 году, в возрасте 27 лет, умерла при родах его любимая сестра Наталья. Николай никогда не мог примириться с этим и, вероятно, поэтому увлекся модным тогда спиритизмом, искал доказательств ее загробного существования и свиданий с ней. Для этого приглашал знаменитых медиумов, ездил за границу. На спиритических сеансах в доме Львовых на Смоленском бульваре²²¹ несколько раз присутствовал Л.Н. Толстой, на которого Николай Александрович старался повлиять. Результатом этих посещений стала пьеса «Плоды просвещения», где Толстой изобразил виденное в очень едкой сатирической форме.

В 1862 году Н.А. Львов женился на Марии Михайловне Челищевой (1843 – 1917), происходившей из старинного дворянского рода.

Примерно в 1865 году Николай Александрович оставил кавалергардский полк. Семья поселилась в имении Чернятин под Каменец-Подольском.

Из воспоминаний В.Н. Бобринской: «В 1860-х гг. было восстание в Польше, и конфискованные польские имения были пущены в продажу. Отец мой купил имение в Каменец-Подольской губернии. Имение принадлежало пану Витославскому, и, как все поляки, зараженные мечтой быть польскими королями, усадьба его была построена с этой мыслью. Дом готический, из резного камня, с готическими цветными окнами, с громадной каменной лестницей, сбоку – соеди-

---

²²⁰ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4. Метрическое свидетельство, выданное на случай отдачи в казенное учебное заведение; письмо отца, А.Н. Львова, директору Рязанского училища от 13 октября 1842 г. об отправке денег за доставленные знак и устав.

²²¹ Дом сохранился, современный адрес: Смоленский бульвар, 11/2.

ненная галереей башенка. Парк на 30 десятин, чудный, распланированный английским садовником, группировавшим деревья так, чтобы светлая зелень была перемешана с темной. Дом-замок стоял на возвышенности, у подножия был заросший пруд.

Дом этот имел замечательные двери деревянной мозаики. В гостиной посреди был изображен меч, и когда мой отец вскоре после покупки случайно наступил на рукоятку меча, целая часть пола поднялась и оказался там склад оружия. Рядом, в верхней и нижней гостиных, которые были полукруглые, были стенные шкафы,

если же два раза повернуть ключ, весь шкаф отходил и появлялась потаенная лестница и подземный ход, идущий за пять верст в следующее имение Мальковцы, того же пана Витославского.

Потолки были покрыты белыми фигурами, в комнате с готическими окнами и двумя остроконечными шпиками-башнями на потолке было изображение всех гербов всех губерний польских. Печки не изразцовые, а окрашенные, белые, не соприкасались со стенами; таким образом, сзади оставался маленький коридорчик, достаточный для того, чтобы мы, дети, там прятались.

Соединенный потайным ходом с замком, маленький домик в Мальковцах (он стоял посреди села) был чисто польской архитектуры: белый, двухэтажный, круглый, с отверстиями для ружей, через которые стреляли во время восстаний.

Купив Чернятин, отец мой перевез туда всю семью, и пять лет безвыездно мы прожили там».

Тогда Николай Александрович активно включился в проведение крестьянских реформ, стал мировым посредником, занимался благо-

Николай Александрович Львов.

Фото 1870-х гг.

Николай Александрович с сыновьями Александром и Николаем
Фото 1870-х гг., Москва

творительностью. В усадьбе была построена каменная церковь, прекрасно обставленная иконами и утварью, школа, имевшая все необходимые (новейшие) пособия для обучения, в которой преподавали учителя с высшим образованием, были устроены фельдшерский пункт, ясли. Николай Александрович оплачивал обучение фельдшеров, учителей, агрономов, певчих.

Дети, а их было девять, подрастая, вовлекались в благотворительную деятельность родителей.

С 1870-х гг. семья на зиму стала покидать имение и приезжать в Москву, чтобы дети могли получать гимназическое образование.

Николай Александрович Львов неоднократно избирался депутатом дворянства Московского уезда, являлся почетным мировым судьей, действительным членом «Общества распространения полезных знаний».²²²

²²² Адрес-календарь города Москвы. М., 1887.

В 1871 г. Николай Александрович испросил разрешение у городских властей устроить перел своим домом на Спасо-Песковской площади скверик в честь А.С. Пушкина и содержать его на свои средства. Скверик этот по замыслу должен был стать чем-то вроде живого памятника гению. Он находится как бы в центре многочисленных арбатских адресов поэта, здесь присутствовала особая атмосфера связи Пушкина с близкими ему современниками. Николаю Александровичу, конечно, было известно, что в доме, который теперь ему принадлежал, в 1821 – 1822 гг. жил очень близкий Пушкину человек – князь Петр Андреевич Вяземский. К тому же дед Николая Александровича по матери – адмирал Н.С. Мордвинов – был высоко ценим Пушкиным как человек передовых общественных взглядов. Пушкин писал Вяземскому в 1824 г.: «Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию». В 1832 г. Мордвинов подал свой голос за избрание Пушкина членом Российской Академии. Все это, конечно, не мог не знать устроитель сквера. Сквер стал любимым местом прогулок старшего сына Пушкина, генерала Александра Александровича, рядом жила и дочь Пушкина – Мария Александровна Гартунг.²²³ Николай Александрович умер в 1887 году. Погребен в семейном склепе Львовых, на кладбище Ново-Девичьего монастыря в Москве. Могила не сохранилась.

По завещанию мужа, Мария Михайловна передала Румянцевскому музею семейную коллекцию живописи из нескольких десятков наименований, с одним только условием, чтобы картины не были разъединены по разным музеям. Коллекция так и выставлялась до 1917 года. В настоящее время часть картин находится в Третьяковской галерее, часть в Русском музее, портрет Н.С. Мордвинова кисти Д. Доу – в московском музее А.С. Пушкина, судьба многих картин неизвестна.

Жена (с 29.04.1856): **Мария Михайловна Челищева** (17.06.1843 – сентябрь 1917).

²²³ Скверик сохранился до настоящего времени, решением московских властей ему возвращено первоначальное название - «Общественный Пушкинский сквер» - и установлен бюст поэта.

Мария Михайловна Львова,
урожд. Челишева.
Фото 1880-х гг.

Происходила из древнейшего дворянского рода.²²⁴ По словам Александра I, «Челищевы – честь и украшение своего сословия, блеск и опора престола». Прабабушка ее была из рода Огаревых.²²⁵

Мария Михайловна была в родстве с Пушкиными и Хомяковыми. Александр Александрович Челищев (1797 – 1891), брат ее деда, член Союза Благоденствия, был женат на Наталье Алексеевне Пушкиной, отец которой, А.М. Пушкин (1769 – 1825, генерал-майор, поэт, актер, вольтерьянец), приходился четвекордным братом и большим приятелем Василию Львовичу Пушкину, дядюшке А.С. Пушкина.

Матушка Марии Михайловны – Екатерина Алексеевна, урожденная Хомякова

²²⁴ Родословный сборник русских дворянских фамилий» В.В. Румеля и В.В. Голубцова (Т. II, 1887) сообщает, что родоначальник Челищевых – Вильгельм Люнебургский, «муж честен», из поколения короля Оттона IV (король Германии, император римский Оттон из рода Вельфов, из дома Брауншвейг-Люнебургских, царствовавших с 1198 по 1218 гг.) выехал из Германии в Литву, а оттуда к великому князю Александру Ярославичу на Невскую битву. По выезде Вильгельм крестился в Новгороде, получил имя Леонтий (восприемником его был князь Ярослав Ярославич, брат в. кн. Александра); дан ему в кормление город Торопец и в вотчину село Курьж Новгородского уезда; был у великого князя Александра Невского боярином (по родословию Вильгельм-Леонтий является правнуком курфюрста Антония Люнебургского). Сын Вильгельм-Карл (в святом крещении Андрей Леонтьевич) получил прозвище Челищ, откуда, по одной из версий, идет фамилия Челищевых. Потомок в пятом колене – Михаил Андреевич Бренок – ближний боярин и любимец великого князя Дмитрия Ивановича Донского, на Куликовском поле был облачен в великокняжеские одежды, поставлен под черным великокняжеским стягом и погиб, пораженный в чело (отсюда другая версия происхождения фамилии Челищевых).

²²⁵ Родоначальник Мурза-Кутлу-Мамежа, прозванный Огар, выехал из Золотой Орды к великому князю Александру Невскому (1252 – 1263), крестился именем Пантелеймона и пожалован был вотчинами в Шацке, Касимове, Старице, Медыни, Юрьево-Польском и Костроме.

(родилась 1820). Брат Марии Михайловны – Сергей – был женат на Ольге Степановне Хомяковой, сестре поэта Алексея Хомякова.

Из воспоминаний дочери Варвары Николаевны Бобринской: «Мария Михайловна вышла замуж очень рано. ... Очень одаренная от природы, с воображением горячим, богатым, порывистая и очень восторженная, благодаря своему родству и большой дружбе с Хомяковыми сразу вошла в среду славянофилов и попала всецело под их влияние. Тогда в Москве крупными общественными фигурами были Ю.Ф. Самарин, князь А.А. Щербатов, И.С. Аксаков и А.И. Кошелев».²²⁶

Мария Михайловна разделяла взгляды своего мужа: занималась благотворительностью, в Москве была попечительницей городской школы. За 25 лет супружества она родила одиннадцать детей (двое умерли в младенчестве).

Скончалась в Кисловодске, где находилась на лечении, погребена рядом с мужем, на кладбище Ново-Девичьего монастыря в Москве.

150/115. Федор Ильич (умер 28.01.1868)

Крестник императора Александра II. Выпускник Александровского (бывшего Царскосельского) лицея 1853 года, коллежский ассессор.

Служил в Твери при вице-губернаторе М.Е. Салтыкове-Щедрине, был дружен с ним. Ф. Львовым был написан очерк «Сон-город» о Твери. Владелец д. Толецкая и Ерошино в Вышневолоцком уезде Тверской губ.²²⁷ С 1865 г. – вице-губернатор г. Ковно, в 1867 г. назначен губернатором г. Вильно.

Застрелился.

Жена (с 1860): **Аглаида Николаевна Толстая** (19.04.1837 – 1916).

Ее отец – Николай Николаевич Толстой – участник Семеновского бунта, друг декабристов М.И. Муравьева-Апостола и Ф.Н. Глинки.

В первом браке было пятеро детей.

Второй муж: Владимир Дмитриевич Рокотов, театральный деятель, создатель первого русского народного театра в Киеве. Погребен на

²²⁶ ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Ед. хр. 5. Воспоминания Бобринской В.Н. Хроника моей жизни (1864 – 1930). Машинописный текст.

²²⁷ Санкт-Петербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимос имущество. 1861. Ст. 26485.

Федор Ильич Львов.
 Фото 1863 г., СПб.
 Из семейного архива
 С.Д. Дзюбанова.

Волковском кладбище (некрополь мастеров литературы).

Друзьями семьи Рокотовых были художник Александр Агин – первый иллюстратор «Мертвых душ» Гоголя, выдающийся трагик Иванов-Козельский, артисты Киселевский, Комиссаржевский, Ляров, Правдин. В их семье часто гостила воспетая Пушкиным А.П. Керн. Погребена Аглаида Николаевна на Большеохтинском кладбище в Петербурге.

Дочь от второго брака – Маргарита (1872 – 1959), в замужестве Ямщикова – известная писательница. Печаталась под псевдонимом Ал. Алтаев (Александр Алтаев, герой произведения Я.П. Полонского «Рассказ вдовы», очень понравился семнадцатилетней девушке,

и она избрала его имя своим псевдонимом). Ее сочинения: книги для юношества, исторические романы, жизнеописания деятелей литературы и искусства, воспоминания («Памятные вечера», «Письма из провинции») – составили 16 томов (М., 1928).

151/115. Алексей Ильич

152/115. Василий Ильич

153/115. Анастасия Ильинична

154/116. Федор Алексеевич (26.10.1842 – 13.07.1899, Ессентуки)

Восприимчиком его значился Николай I, но так как император находился в отъезде, при обряде крещения присутствовал граф Бенкендорф. Церемония проходила чрезвычайно торжественно, бабушке новорожденного, Елизавете Николаевне Львовой (110/94), был прислан дорогой подарок – фермуар в 6 тысяч рублей ассигнациями.

Судьба Федора сложилась весьма своеобразно. Дослужившись до

капитана кавалергардского полка, он вынужден был оставить конногвардейский полк. Большой любитель театра и особенно балета (был известен как «балетоман Львов») женился на талантливой балерине Канцыревой, бывшей крепостной. Федор был лишен права наследования родового имения: ему выделили маленькую деревеньку в Саратовской губернии (Андреевка Балашовского уезда), а «все причитавшиеся бриллианты были заменены стразами».

Жена: Клавдия Ивановна Канцырева, балерина Мариинского театра.

155/116. Прасковья Алексеевна (родилась 28.01.1844)

Унаследовала родовое имение мужа Романи близ гКовно (Литва).

Муж: **Александр Львович Ваксель** (10.03.1839 – 20.09.1907, Романи).

Потомок шведского морехода Свена Вакселя, сподвижника Витуса Беринга, исследователя Камчатки (организации этой экспедиции содействовал картограф, гидрограф и навигатор Ф.И. Соймонов – родственник Н.А. Львова).

Занимал пост директора Николаевского сиротского дома в Петербурге. Отец Александра Львовича – Лев Николаевич Ваксель – известный в свое время рисовальщик, близко знал Тургенева и Толстого, оставил их прекрасные портреты. Л.Н. Ваксель был женат на Софье Карловне фон Пирх, дочери барона Карла фон Пирха и Софьи Платоновны Платоновой, незаконной дочери Платона Александровича Зубова, с которым был близко знаком Федор Петрович Зубов.

Аглаида Николаевна Львова, урожд. Толстая, с дочерью Екатериной.
*Фото 1870-х гг., Москва.
Из семейного архива
С.Д. Дзюбанова.*

Брат Александра Львовича – Платон Львович Ваксель – известный музыковед, собиратель музыкальных рукописей (в Национальной российской библиотеке хранится его фонд, известный под названием Фонд Вакселя-Юргенсона), почетный член Академии художеств, певец. По воспоминаниям Юлии Федоровны Львовой, сын Александра Львовича и Прасковьи Алексеевны, Александр Александрович, унаследовал семейные способности к рисованию, музыкальный слух, обладал прекрасным тенором, хотя не знал нот. Он очень скверно учился в Пажемском корпусе и по его окончании попал в армию, благодаря связям его перевели в кавалергардский полк. Служба в конногвардейском полку для офицера обходилась очень дорого, одна только покупка рослых лошадей породы «гунтер» уже была разорительна. Выйдя в отставку, он стал местным предводителем дворянства в Ковенской губернии, где основным его занятием были охота и кутежи. Имение было заложено, состояние расстроено, а претензии к родным были очень велики. Из четырех сестер Александра Александровича вышли замуж только две, у двух других не было приданого, и в семье мечтали женить Александра Александровича на какой-нибудь богатой наследнице. Женился он на Юлии Федоровне Львовой,²²⁸ у которой вообще не было приданого. Музыка давала Юлии Федоровне возможность подрабатывать и даже оплачивать долги, которые делал ее супруг, человек очень доброй души, бескорыстный, увлекающийся и слабохарактерный. После развода у Юлии Федоровны сохранились с ним прекрасные дружеские отношения, у Марии Матиссен, его второй жены, на письменном столе всегда стояла фотография Юлии Федоровны. В третий раз А.А. Ваксель был женат на баронессе Рокоссовской, застрелил из пистолета какого-то соперника, был осужден, но благодаря хлопотам родных, в которых принимала участие и Юлия Федоровна, вскоре амнистирован, вернулся в армию в начале I мировой войны, после ее окончания поселился в сохранившихся остатках своего имения в Литве. Зимой 1925 – 1926 гг., переезжая в санях через Неман по льду, попал в полынью и утонул, оставив вдову с малыми детьми.

---

²²⁸ Во втором браке – за Алексеем Федоровичем Львовым (193/154).

Его дочь от брака с Юлией Федоровной, Ольга Александровна Ваксель (1903 – 1932), восприняла лучшие черты культурных традиций семьи Львовых, впитала многое из того, что давало творческое окружение ее матери Юлии Федоровны, но отличалась от нее замкнутым характером, была впечатлительна и ранима. Играла на рояле и скрипке, прекрасно рисовала, пробовала себя в пластике, была очень начитанна, оставила живо написанные воспоминания и поэтическое наследие. Она рано ушла из жизни – в 29 лет – и не смогла реализовать свои богатые способности в трудные послереволюционные годы.²²⁹

Александр Александрович Ваксель
с дочерью Ольгой.

Фото 1903 г., Паневеж

Сын Ольги Александровны от первого брака со Смольевским А.Ф. (1884 – 1967), Арсений Арсеньевич (1923 – 2003), воспитывался бабушкой Юлией Федоровной.

А.А. Смольевский писал о себе: «Музыка меня увлекла с раннего детства. Я любил подолгу смотреть, как бабушка ставит на нотной бумаге аккуратненькие «черные кляксы», а потом, когда мне купили самоучитель игры на фортепьяно, много времени проводил за изучением таблицы соотношения нот и клавиш.

В музыкальных занятиях я был очень ленив, а во время блокады Ленинграда, когда, ослабев от голода, я лежал в стационаре и госпиталях, надолго разлученный с роялем, свои музыкальные занятия я сконцентрировал на изучении гармонии, контрапункта и сборников народных песен. Результаты голодания и замерзания в блокадном

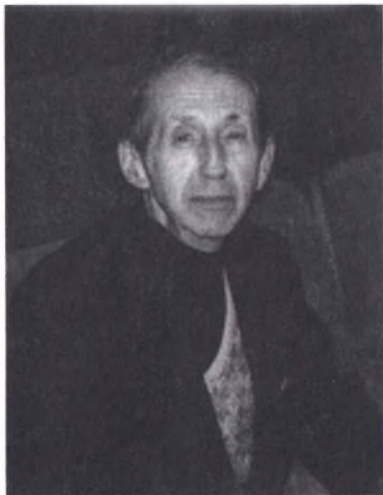
²²⁹ См. о ней в приложении к настоящему изданию: Смольевский А.А. Ольга Александровна Ваксель.

городе сказались таким образом, что я практически утратил способность заучивать новые виртуозные пьесы и исполнять упражнения для беглости пальцев. После войны, к сожалению, это восстановилось лишь частично.

С того времени, когда я начал сочинять музыку, я сочетал это занятие с изучением музыкального фольклора разных народов мира. Еще в старших классах средней школы я совмещал учебу с изучением музыкальной теории, гармонии и контрапункта в Семинаре при Ленинградском отделении Союза композиторов, пробовал свои силы в области записи и обработки музыкального фольклора народов СССР. И впоследствии мне от записи народных песен было не трудно перейти к изучению речевой интонации и того, что называется «актуальным членением предложения», к занятиям экспериментальной фонетикой и психологией речи. ...

Позже меня увлек процесс сочинения музыки на тему произведений живописи. Так возник цикл фортепьянных пьес на темы картин Борисова-Мусатова и Рериха, и как всегда, основной мотив составляли национальные сюжеты, например, к картине «Огни на Ганге» музыка создана на основе соответствующей ночной индийской раги.

В начале Великой Отечественной войны я учился на немецком факультете Первого Ленинградского педагогического института иностранных языков – до эвакуации института в марте 1942 года; в апреле того же года был принят в группу композиторов-стажеров. С осени 1941 года у меня начало развиваться сильное истощение, поэтому в августе 1942 года меня и мою бабушку Юлию Федоровну поместили в госпиталь-стационар для лечения от дистрофии, затем из госпиталя нас перевели в больницу хроников, откуда в

Арсений Арсеньевич Смольевский.
Фото 2001 г., СПб.

середине февраля 1943 года эвакуировали в Молотовскую область (ныне Пермская). Там я продолжал заниматься сочинением музыки, собиранием местного песенного фольклора – от местных носителей, от людей, которые были эвакуированы, и, частично, от представителей народов, переселенных в ходе репрессивной политики советских органов той поры.

По возвращении в Ленинград, летом 1945 года, я поступил в тот же Первый пединститут иностранных языков, но на факультет французского языка, который окончил в 1949 году. Преподаванием языка занимался не долго, сдал в Ленинградском государственном университете кандидатский минимум по специальности «Фонетика французского языка». Кандидатскую диссертацию готовил при лаборатории «Экспериментальной фонетики и психологии речи» Первого Московского пединститута иностранных языков имени М. Тореца; защитил ее в июне 1962 года. Тема диссертации: «Интонация повествовательной фразы во французском языке, сравнительно с русским».

Со временем круг исследуемых языков расширился за счет изучения лингфонных записей текстов на диалектах ретороманского языка Швейцарии, Северной Италии и др. Во время подготовки диссертации работал в качестве корректора в Ленинградском отделении издательства «Наука», после чего перешел на работу в отдел комплектования иностранной литературы библиотеки Академии наук СССР; публиковал статьи по библиотековедению и библиографии, продолжая заниматься сочинением музыки в творческом Семинаре при Доме композиторов. Значительный опыт в области записи музыкального фольклора на слух и расшифровки фонограмм позволил мне с большой точностью фиксировать речевую интонацию также с помощью нотных знаков».

Проживал в Петербурге; жена: Наталья Стефановна Зенченко (1903 – 2002).

156/116. Александра Алексеевна (родилась 29.07.1846)

157/117. Федор Владимирович (1822 – 1870(?))

Воспитывался в Благородном пансионе Псковской губернской гимназии. Служил чиновником особых поручений при атамане Сибирс-

кого казачьего войска в Тобольске. Затем, в чине подполковника, служил в лейб-гвардии Московском драгунском полку, участвовал в подавлении Польского восстания (1863 – 1864). Последние годы в чине полковника был начальником Россиенского уезда Ковенской губ. Дочь: Александра (16.07.1855 – 29.01.1881)

158/117. Николай Владимирович

159/117. Владимир Владимирович

160/117. Алексей Владимирович

Лейтенант (1875).

161/117. Александра Владимировна (12.06.1824 – 17.02.1898)

Погребена в имении Козловичи Псковской губернии.

Муж: Кожевников.

162/117. Елизавета Владимировна

Муж: Владимир Гаврилович Назимов (родился 14.01.1834), коллежский секретарь.

163/119. Николай Николаевич (1833 – 30.04.1890, Москва)

Жена (с 1878): княжна Александра Александровна Долгорукова (09.11.1831 – 01.02.1915), фрейлина императорского двора.

Сын: Ростислав (1882 – 1942). Окончил кадетский корпус, высшее Михайловское артиллерийское училище. Участник русско-японской, первой мировой, гражданской войн. Служил в армии Деникина и Врангеля в чине полковника. В 1920 г. эмигрировал, жил в Константинополе, Париже. В 1924 г. приехал в Литву, в свое имение. В 1941 оказался в лагере, где и

Владимир Олегович Львов
у могилы А.Ф. Львова.
Фото 2003 г., Литва

погиб в 1942 г. Членов его семьи выслали в г. Славгород Алтайского края. Жена: Екатерина Владимировна Пабо (1896 – 1979), родилась в Петербурге, окончила Бестужевские курсы, учительница. Сын – Олег Ростиславович (1924 – 2003), его жена: Елена Антоновна Якобайте (родилась 1923) проживает в Литве. Внук – Владимир Олегович (родился 1950), проживает в Барнауле.

164/119. Василий Николаевич (06.08.1835 – 01.05.1916)

Генерал-майор.

Жена: 1) Елизавета Адольфовна Сильвергейм;

2) Мария Александровна Войнова (умерла 29.12.1897)

165/119. Леонид Николаевич (умер 23.05.1892)

Генерал-майор.

166/119. Надежда Николаевна

Муж: Густав Христианович Гасфорд (1794 – 1874), генерал от инфантерии, член Государственного Совета.²³⁰

167/119. Елизавета Николаевна (умерла 17.04.1885, Москва)

Муж: Петр Абрамович Хвостинский (умер 22.10.1823), предводитель дворянства Звенигорода.

168/119. Мария Николаевна

169/124. Елизавета Леонидовна (родилась 17.02.1844)

Муж: Верещагин.

170/124. Федор Леонидович (родился 06.09.1849)

Родился в Санкт-Петербурге, крещен 24 сентября в приходской Адмиралтейской церкви, о чем сделана запись в метрической книге Исаакиевского собора под номером 124, восприемниками были действительный статский советник Николай Федорович Львов (119/100) и супруга генерал-майора А.Ф. Львова Прасковья Аггеевна (116/100).²³¹ Вольноопределяющийся 2 лейб-гвардии гусарского полка, унтер-офицер.

---

²³⁰ См. о нем 129/100, также в приложении к настоящему изданию: С.Д. Дзюбанов. О родственном окружении Львовых.

²³¹ Сведения предоставлены С.Д. Дзюбановым.

Анна Николаевна Львова,
урожд. Загряжская.
Фото 1870-х гг., Дрезден

Жена (с 06.02.1870): 1) Анна Николаевна Загряжская (09.12.1843 – 1877), дочь новоторжского предводителя дворянства Николая Алексеевича Загряжского, владельца имения Селихово; в первом браке Полторацкая, вдова. Умерла в Торжке, погребена рядом с первым мужем, Алексеем Алексеевичем Полторацким, на Рождественском кладбище. Без потомства.

2) ...

171/124. Любовь Леонидовна
(родилась 06.12.1853)

172/124. Ольга Леонидовна
(родилась 02.03.1854)

XXI

173/146. Эммануил (Мануил) Леонидович (родился 04.01.1860, СПб.)

Крещен в Исаакиевском соборе. Запись от 23 ноября 1860 г. сообщает, что восприемниками были «лично Его императорского Высочества Государь цесаревич и Великий князь Николай Александрович и Кавалерская статс-дама ордена Св. Екатерины Вера Николаевна Скрыпицына».

Императорский паж, поручик Гвардейской артиллерии (1886),²³² статский советник. Совладелец с братом Георгием родового имения Никольское, бывал там редко, так как служил управляющим императорским имением Ливадия в Крыму.

174/146. Георгий (Юрий) Леонидович (родился 05.11.1861)
Крестили 5 ноября 1861 г. в Исаакиевском соборе, восприемниками

²³² ВИЭМ. КОФ 994/49. Л. 75. В метрической книге Воскресенской церкви с. Никольское-Черенчицы за 1886 год значится как восприемник: «Львов Мануил Леонидович, поручик Гвардейской артиллерии».

были лично присутствовавшие на церемонии «Его Императорского Высочества Великий князь Алексей Александрович, отставной штаб-ротмистр Николай Павлович Скрыпичин, вдова посольского секретаря Анна Ивановна Еремеева и жена тайного советника Елизавета Николаевна Львова».²³³

Служил в Новоторжском земстве, был начальником 2 участка в Торжке.²³⁴ Сведений о его жизни очень мало. М.П. Гортынская в письме упоминает Ю.Л. Львова: «Жена Николая Александровича Балавенского, Прасковья Владимировна (урожд. Штюрмер), была классной дамой в Смольном и приезжала летом к своей сестре Ольге Владимировне, жившей тогда в Митине на правах дальней родственницы. Ее муж Юрий Леонидович Львов был земским начальником, в какой-то степени родства он был с митинскими бабушками».²³⁵ По совокупности совпадений: Георгий Львов в эти годы служил земским начальником, состоял в дальнем родстве с Балавенскими и митинскими Львовыми,²³⁶ в метрических книгах встречается под именем Юрий Леонидович,²³⁷ – можно считать, что М.П. Гортынская пишет о Георгии Леонидовиче. Это единственный известный нам источник и о его семейном положении: жена – Ольга Владимировна, урожденная Штюрмер, сестра известного своей реакционной деятельностью Б.В. Штюрмера.²³⁸ Ее сестра Прасковья Владимировна, став женой

---

²³³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 11. Ед. хр. 2395. Л. 4.

²³⁴ Вся Россия: Торгово-промышленный справочник. СПб., 1897. С. 2276.

²³⁵ ВИЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 194. Л. 19. Письмо М.П. Гортынской (1883 – 1971) А.А. Суслыов (1889 – 1979). «Митинские бабушки» – сестры Аграфена Сергеевна Романова, урожд. Львова (умерла 1903), и Татьяна Сергеевна Львова (1822 – 1903).

²³⁶ Александр Петрович Балавенский (1827 – 1906), майор. После отставки, с 1900 г. – председатель Новоторжской уездной управы, где служили и его сыновья Николай и Петр. Сестра Александра Петровича, Анфиса Петровна, была замужем за Ф.Ф. Львовым (127/100), а его сын, Петр Александрович, был женат на Прасковье Федоровне Львовой (192/154).

²³⁷ ВИЭМ. КОФ 994/53. Л. 292. Метрическая книга Воскресенской церкви с. Никольское-Черенчицы за 1887 год. Львов Юрий Леонидович, помещик с. Никольского, был воспитанником сына священника М.И. Казанского.

²³⁸ Борис Владимирович Штюрмер (1848 – 1917) служил в Твери при губернаторе Святополке-Мирском; в 1916 г. он председатель Совета Министров и министр внутренних дел России (ставленник Г. Распутина), после февральской революции 1917 г. был заключен в Петропавловскую крепость, где и умер.

Н.А. Балавенского, переехала в Торжок, была назначена начальницей Новоторжской женской гимназии.

Георгий Леонидович был последним владельцем знаменитого когда-то Никольского.

По воспоминаниям художника И.М. Митрофанова (тогда студента училища живописи), «в 1916 г. уездный предводитель дворянства Балавенский решил издать отдельную книгу о Никольском. Для иллюстраций надо было сделать 4 – 5 красочных воспроизведений и 10 – 12 карандашных зарисовок».²³⁹

Митрофанов приехал в имение, где его поселили в комнате управляющего. Он дал несколько наивное, но, вероятно, последнее описание львовского дома: «В портретной чинно висели изображения генералов и их жен. Тут же я видел портрет Николая Александровича и его фаворитки, поразительный по исполнению. ... Позже я узнал, что это копия, а подлинник давно увезен в Петербург. ... В кабинете висело несколько рисунков Николая Александровича из путешествия по Италии, а также зарисовки быта местных крестьян. Обстановка ампириная, перемешана с работами крепостных столяров и резчиков, удивительно художественно сделанными. ... Имение уже разрушалось. Садовая беседка уже не существовала. И пришлось ехать в Борок к родственникам Львова, чтобы восполнить этот пробел. Полуразрушенная беседка в парке была построена по проекту Н.А. Львова и тождественна Никольской».²⁴⁰ И.М. Митрофанов вновь посетил Никольское в 1918 г. и «не узнал его»: «точно передо мной был какой-то двойник, отдаленно напоминавший минувшее время. Все было разгромлено, и прежде всего и артистичнее – мавзоль, в котором находился фамильный склеп Львовых с гробами. Даже камни разворочены. Тут же валялись туфли покойников. ... Изорваны 22 иконы кисти Боровиковского в церкви, изломан в куски великолепный ико-

²³⁹ ВИЭМ. Архив краеведческого отдела. № 35. Л. 7 – 8. Митрофанов М.И. Минувшее (Из дневника художника). Машинописный текст. Митрофанов Иван Михайлович (1898 – 1985) – уроженец д. Баранья Гора Новоторжского уезда.

²⁴⁰ Борок – имение «митинских» Львовых в Новоторжском уезде, владелец – Иван Дмитриевич Львов (1846 – 1901), после его смерти имение перешло детям: Александру, Павлу, Михаилу, Марии.

В имени Чернятин. Александр Николаевич Львов
с женой Анной Николаевной и сыном Александром.

Фото 1906 г.

ностас. ... Все разрушено и поругано. В доме тоже свалка, беспорядочно разбросаны бумаги, книги, письма. ... Нашел старую учительницу, и она рассказала, как жгли иконы и прочие церковные вещи. У нее удалось купить настольную лампу из рабочей комнаты Львова с драконами. Хозяин звал ее лампой Алладина. ... Позднее удалось достать икону Боровиковского, писанную на доске, с автографом. Икона была подарена Н. Львову в день тезоименитства. Ею заинтересовался К.Ф. Юон, и мы отправили образ в Государственный музей иконописи».²⁴¹

175/146. Мария Леонидовна

²⁴¹ ВИЭМ. Архив краеведческого отдела. № 35. Л. 8. Митрофанов М.И. Минувшее (Из дневника художника).

176/149. Александр Николаевич (30.03.1863, Москва – 07.11.1914, Москва)

Камергер, действительный тайный советник, секретарь посольства в Мюнхене; генеральный консул России в Будапеште.

Жена: княжна Анна Николаевна Салтыкова (родилась 1872, СПб.).

177/149. Варвара Николаевна (30.04.1864, Москва – 1940, Бельгия)

Родилась 30 апреля 1864 г. в Москве, в доме на Спасо-Песковской площади, который был куплен ее дедом и в котором родился ее отец. Получив домашнее образование, остальное постигала, скорее всего, самостоятельно. Сведения о жизни и деятельности этой замечательной женщины взяты из ее воспоминаний.²⁴²

В день своего 25-летия (30.04.1889) она обвенчалась с графом Алексеем Алексеевичем Бобринским. Его отец – Алексей Павлович Бобринский – «один из ... столпов придворных бесед», флигель-адъютант Александра II, министр путей сообщения.²⁴³

После рождения сына-первенца в 1890 году семья переехала в Богородицк Тульской губернии, в имение отца мужа. Молодой семье был отведен флигель.

Варвара Николаевна увлеклась социально-просветительской деятельностью. Сначала в селе, а потом и во всем уезде проводились чтения с «волшебным фонарем», повторные уроки, была заведена подвижная библиотека, устроены ясли для детей. Позже была организована постоянная библиотека, где каждый месяц, когда сельские учителя приезжали за жалованием, устраивались клубные собрания, читались литературные новинки и велись просветительные беседы. Ког-

---

²⁴² ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Ед. хр. 5. Бобринская В.Н. Хроника моей жизни (1864 – 1930).

Машинописный текст. Воспоминания вместе с другими документами (всего 17 ед. хр.) были переданы ею в 1930-е гг. в Пражский архив, который во время второй мировой войны оказался в России («Русский заграничный исторический архив» в фондах ГАРФа).

²⁴³ Алексей Павлович Бобринский (1826 – 1894) – внук Алексея Григорьевича Бобринского (1762 – 1813), тайного сына Екатерины II и ее фаворита Григория Григорьевича Орлова. В 1763 году Екатерина II купила на свое имя Бобриковскую волость Тульской губернии и, присоединив к ней дворцовую Богородицкую волость, создала «собственное Ее Императорского Величества имение». Оно и было предназначено Алексею Григорьевичу Бобринскому. Алексей Павлович в середине XIX века стал владельцем начавшего приходиться в запустение родового гнезда и взялся за его возрождение.

да в 1899 году стали уезжать на зиму в Москву, то при библиотеке были оставлены два волшебных фонаря и свыше 300 картин к ним; кроме того, Варвара Николаевна регулярно присылала для библиотеки книги и пособия.

Муж Варвары Николаевны, будучи попечителем местной тюрьмы, устроил для арестантов мастерскую по переплету книг.

Во время голода в 1892 году Варвара Николаевна всецело отдалась общественной работе по организации помощи голодающим: организовывала прием и распределение помощи из Америки, устраивала общественные столовые и отдельные столовые для детей, снабжала бельем лазареты для больных тифом. Добилась встречи с отцом Иоанном Кронштадтским, чтобы убедить его объехать пораженные голодом деревни для поднятия общего духа.

В этом же году произошла встреча В.Н. Бобринской со Львом Николаевичем Толстым, который, объезжая голодающих Тульской губернии, заехал в имение, будучи хорошо знаком со свекром Алексеем Павловичем Бобринским, и пробыл там несколько дней. Варвара Николаевна вспоминает: «Вели мы с Л.Н. Толстым разговоры, и я возмущалась, когда он все извинял человеческой слабостью. Он говорил то, что в одном из последних его произведений было потом напечатано, а именно, что человек подобен страннику, идущему в темноте с фонарем, свет от которого освещает только ту часть дороги, на которую он падает. Говоря о слабости человеческой, он обратился ко мне, сказав: «Всякий знает, что нужно защищать свое Отечество, а между тем во время войны вы едва ли пустили бы своих сыновей в бой, а удержали бы их дома». Меня эти фразы глубоко возмущали, и я спорила с ним...»

Великий писатель ошибся. Старший сын Варвары Николаевны – Александр – погиб в I мировую, а младший – Гавриил – в гражданскую войну. Графиня Бобринская вспоминает еще об одном столкновении с Л.Н. Толстым, в 1901 году. Варваре Николаевне нужно было видеть Софью Андреевну, и она поехала к ней в Хамовники. В гостиную встретила Толстого. Начался общий разговор по поводу иконы Васнецова во Владимирском соборе в Киеве. Толстой стал «совсем невозможно, по грубости выражения» говорить о Богородице. Варвара

Николаевна, ничего не сказав, вернулась домой и написала Льву Николаевичу письмо, содержание которого было таково: «Почему, зачем нанес он боль и оскорбление, неужели чувствительные струны в душах других людей он не стесняется уязвлять?» В ответ на это письмо пришел Толстой (жили они недалеко друг от друга). Варвара Николаевна не приняла его. Тогда пришла Софья Андреевна, умоляя принять мужа. Варвара Николаевна вспоминает: «Толстой пришел. Я была слишком глубоко затронута, чтобы щадить его, и на его доводы о всепрощении и любви я напомнила ему, как Христос выгнал из храма торгующих. ... Мы расстались не убедив друг друга. Потом рассказывали, что он говорил, что свидание со мной было, как рой пчел из улья, облетевший его голову».

В 1899 году, проведя в деревне десять лет почти безвыездно, семья переселилась в Москву на зимнее пребывание. Детей было уже пятеро. Старших сыновей определили учиться в гимназию Поливанова. Свою просветительскую работу в Москве Варвара Николаевна начала в качестве председательницы «Общества попечения о молодых девицах» – деревенских работницах фабрик. Первый клуб для них был открыт у Пресненской заставы, в нем преподавали грамоту, азы математики, обучали шитью на машинке, организовывали чтения вслух, хоровое пение, устраивали дешевые ужины. Были открыты общежития на тридцать человек каждое.

Особое внимание было уделено Варварой Николаевной организации специального попечительства о бедных Хитрова рынка в Москве. В середине декабря 1902 года она утвердила Совет попечительства, состав которого не менялся до 1917 года, и стала бессменной председательницей его. Добилась от Министерства внутренних дел выделения 900 тысяч рублей на постройку и содержание Попечительством ночлежных помещений для рабочего населения Москвы и при них биржи труда – первой в России. Были построены пять ночлежных домов, в которых разместились до семи тысяч человек. Для детей и подростков устроили ночлежные помещения в отдаленной от Хитрова рынка части города. В 1910 году Варвара Николаевна организовала «Общество попечения о детях».

Все перемены в жизни Хитрова рынка она запечатлела на фотогра-

фиях, которых скопилось несколько альбомов. Отношение к Варваре Николаевне населения Хитрова рынка было, как она пишет, «благожелательное, но ироническое». За все годы причастности ее к Хитрову рынку эти бродяги останавливали друг друга от грубых выражений при ее приближении. Графиня, которой в ту пору было 35 лет, могла пройти во все часы дня и ночи в любые помещения, даже в те, в которые не смела войти полиция.

В 1904 – 1906 гг. В.Н. Бобринская оказалась в центре политической жизни: исполняла роль посредника между партиями, предоставляла

свой дом для собраний. «Гостиная моя стала политической гостиной и дом мой – политическим домом», – писала Варвара Николаевна. В ее доме прошел Первый съезд крестьян, зародились Народно-социалистическая партия и «Крестьянский союз». Предоставляя свой дом для собраний, она лично не принимала в них участия и никогда не скрывала у себя лиц, разыскиваемых полицией. Так, она отказалась скрыть у себя убийцу Шувалова и других террористов. «По своему характеру я не выношу ничего скрытного, мне это претит, я все делаю совершенно открыто, подполье для меня не существует...», – говорила она. Репутация Бобринской и ее дома была известна, и она получила прозвище «товарищ Варвара». Прозвище было дано в насмешку и порицание одним аристократическим лицом, но привилось как политическое.

Варвара Николаевна приняла участие в I Государственной Думе, но потом совершенно отошла от политики и занималась только общественной работой. Учитывая пожелания своих крестьян, из четырехсот десятин земли триста десятин она передала им в личную собственность.

Варвара Николаевна Бобринская.
Фото нач. 1900-х гг., Москва

В 1909 – 1914 гг. она организовывала для учителей поездки по Европе с целью ознакомления их с мировой культурой, отправляя за границу ежегодно по 1200 человек. Учредила Совет, обращалась к влиятельным людям, добиваясь удешевления поездок. Экскурсии для учителей были организованы и по культурным центрам России.²⁴⁴

В 1909 г. при московском Обществе народных университетов открылась Секция содействия устройству фабричных и деревенских театров, возглавила которую В.Н. Бобринская. «Благодаря первой нашей председательнице, – писал В.Д. Поленов, – дело пошло успешно».²⁴⁵ В первый же год было организовано 50 театральных постановок по деревням.

1914 год. Варвара Николаевна пишет: «Подъем, который охватил молодежь, горение, порыв на подвиг невыразимой красотой окружали меня, и молодые мужчины, и молодые девушки стремились на фронт». Два ее сына – Николай и Александр, только что окончившие университет, отправились на фронт. Старший, Николай, записался вольноопределяющимся в Изюминский полк. Александр после курса в Александровском училище был направлен в Преображенский полк. Обе дочери – Наталья, двадцати лет, и восемнадцатилетняя Мария – уехали на фронт с золовкой, графиней Софьей Алексеевной Бобринской, в качестве сестер милосердия. Младший – пятнадцатилетний Гавриил – тоже рвался на фронт, пришлось отпустить его в морской корпус.

К августу 1914 года из пятерых детей рядом с Варварой Николаевной не осталось никого. Она взялась за устройство на московских вокзалах пунктов кормления для прибывающих раненых, оказывала помощь беженцам.

В октябре ездила на фронт к детям.

Весной 1915 года привезли с фронта заболевшую брюшным тифом

---

²⁴⁴ За пять лет за границей побывало семь тысяч учителей, экскурсии по России совершили пять тысяч.

²⁴⁵ В.Д. Поленов – К.А. Коровину. 6 марта 1913 года, Москва // В.Д. Поленов, Е.Д. Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964. В.Д. Поленов, троюродный брат В.Н. Бобринской, был членом Секции, лично выполнил 32 декорации, а в 1913 году сменил Варвару Николаевну на должности председателя. В 1915 г. Поленов купил участок земли и составил проект, по которому был построен театральный дом с мастерскими, костюмерными и небольшим театральным залом, куда переехала Секция, получившая название Дома театра академика Поленова.

младшую дочь. Выходить ее удалось, но врачи запретили ей возвращаться на фронт. Летом был ранен в живот Николай, его привезли в Москву. В июле 1916 года вернулась с фронта дочь Наталья, совершенно обессиленная; как пишет Варвара Николаевна, «в комнату вошла худенькая, шатающаяся от слабости старушка». 3 сентября 1916 года был убит на Германском фронте сын Александр.

После февральской революции, в мае 1917 года, В.Н. Бобринская неожиданно для себя получила предложение от Советов солдатских и рабочих депутатов вести просветительскую работу среди солдат, проходящих через Москву на фронт. До 18 августа, ежедневно, после восьми часов вечера, она отправлялась на Ходынское поле, проводила чтения, устроила библиотеку, перевезла передвижной музей. В ноябре 1917 года, после прихода к власти большевиков, из Москвы выехало на Кавказ более восьмидесяти семей. Уехала и Варвара Николаевна. С ней был только младший сын Гавриил и дети ее брата Николая. Остановились в Ессентуках, куда позже приехала и дочь Наталья.

Слева направо: Николай, Гавриил и Александр Бобринские.
Фото 1914 – 1915 гг.

В октябре 1918 года Гавриил был арестован большевиками и зарублен. Варвара Николаевна отыскала тело своего сына среди 84 убитых и похоронила его в отдельной могиле, в Кисловодске.²⁴⁶

Несмотря на горестные личные потери, эта мужественная женщина, являясь членом Городской управы в Пятигорске, заведовала Общественным призрением, организовывала приюты для детей, устроила дешевую столовую на городской площади. Ей удалось восстановить работу ночлежного дома и богадельни. Средства присылало тогдашнее правительство из Ростова.

В конце 1918 года она заболела тифом, а 10 января, едва встав с постели, уехала с дочерью в Екатеринодар, затем в Новороссийск, откуда судьба забросила ее на один из Принцевых островов, а оттуда в Константинополь. Там она обратилась в русское посольство с предложением взять на себя организацию справочного бюро, так как среди беженцев, которые были в ведении англичан, царила неразбериха. «...Для меня было самое важное – достоинство дела, флаг которого я высоко держала, – писала Варвара Николаевна. – Это чувство понудило меня взять на себя дело по распределению беженцев, ...и не мы, русские, будем в пренебрежении, а англичане мною будут поставлены в угол». Через неделю в справочном бюро содержались данные о двадцати тысячах беженцев; были открыты общежитие и ночлежный дом.

Желая сохранить для истории весь материал справочного бюро, Варвара Николаевна хотела переправить его в Белград и обратилась за помощью, так как для этого потребовалась бы половина товарного вагона. Но получила распоряжение все сжечь, чтобы бумаги не попали в руки большевиков. Большая часть действительно была сожжена.

Американский миллиардер, м-р Крейн («железный король», поставивший в 1880-е гг. в Россию тормоза) приезжал к Варваре Николаевне, чтобы познакомиться с этой графиней и «товарищем Варварой».

---

²⁴⁶ См. об этом в приложении к настоящему изданию: Дневник В.Н. Бобринской. Там же: Протокол разрытия второй могилы убитых большевиками в г. Пятигорске в октябре 1918 г. заложников.

Узнав о ее бедственном положении в Константинополе, он помог ей в 1923 году перебраться в Прагу, а затем в Париж, назначил пожизненное содержание, которое исправно выплачивал.

И в Праге, и в Париже Варвара Николаевна продолжала свою деятельность: организовывала бесплатные детские библиотеки для русских беженцев, составляла наглядные пособия по русской и Священной истории.

В последние годы жизни просветительскую деятельность Варвара Николаевна связывала с православием: «Самое богатое культурное значение и то, что больше всего сохраняет русскую национальность – это, конечно, церковь. Где каких-нибудь 50 – 60 русских, там уже возникает русская церковь, сохраняя в недрах своих все самое русское, национальное, родное. Она способна своим <влиянием> передать дух русский всем соприкасающимся с ней... Все это незримо питает преемственное от прошлого. Поддержать эту связь, чтоб явилось одно цельное, одно главное, хотя уже и совсем другое – это и должно быть целью всякой просветительской работы среди молодого русского поколения».

Скончалась Варвара Николаевна Бобринская в 1940 году, в г. Турне (Бельгия), в пансионате для престарелых.

Муж (с 30.04.1889): **Алексей Алексеевич Бобринский** (06.05.1864 – 14.06.1909), граф. Погребен на кладбище Ново-Девичьего монастыря в Москве, могила не сохранилась.

О его родителях писала в воспоминаниях Варвара Николаевна: «Свекор мой, Алексей Павлович Бобринский, был, конечно, человек недюжинный. Очень одаренный, очень умный и с бешеным характером, сердце же у него было отходчивое и доброе. Очень энергичный, подвижный, работоспособный замечательно до самой старости. Сохраняя свои министерские привычки, он собирал у себя всех управляющих и устраивал заседания до поздней ночи. Управляющие изнемогали, свекор же мой был свеж, как будто только что начал работать. В своих вкусах и привычках он был очень прост, но окружал большой роскошью все, что касалось дома и особенно жены. Свекровь моя, очень кроткая с мужем, совсем не имела своей жизни и весь день проводила в ожидании, что он может прийти к ней. Она была

моложе моего свекра на 20 лет, но мужа она обожала. Несмотря на взбалмошность своего характера, он был очень стоек в своих принципах и, несмотря на настояния управляющих, никогда не соглашался завести винокуренный завод и как завещание передал это своим сыновьям. В 70-х годах он и моя свекровь поддались влиянию приехавшего в Россию лорда Редстока и в своих религиозных воззрениях отошли от православия и подошли к протестантизму. Это была одна из причин, почему пришлось им уехать из России, и дети их воспитывались в Англии. В России они жили только по летам».

178/149. Николай Николаевич (06.05.1865, Москва – 24.10.1940, Ницца)

«Из дворян, землевладелец (на 1912 г. – ок. 5000 дес., по др. сведениям – 28000 дес. земли в Саратовской губ.). Учился в Швейцарии, затем в 1891 окончил юридический факультет Московского университета. С 1891 предводитель дворянства Балашовского уезда Саратовской губ., с 1899 председатель губернской земской управы. Участвовал в создании либерального «Союза освобождения». С октября 1905 в кадетской

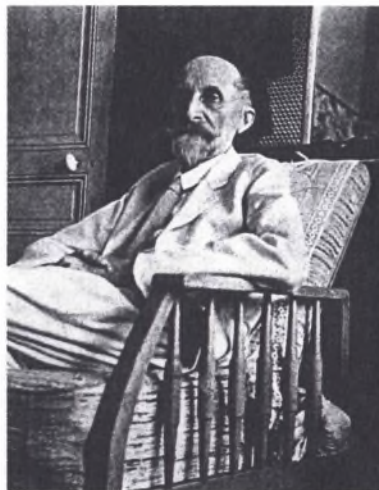
партии, вошел в состав ее ЦК. Избранный в I Думу от Саратовской губ., занял в ней особую позицию, отказываясь поддержать радикальные требования своей партии, и вышел из ее думской фракции. Приехав после роспуска Думы в Выборг, в кулуарах заседания членов разогнанной Думы пытался удержать их от разрыва с властью. В июле 1906 стал одним из основателей партии мирного обновления, участвовал в переговорах со Столыпиным о создании кабинета с участием общественных деятелей. Депутат III и IV Дум от Саратовской губ. В 1912 был одним из создателей партии прогрессистов, вошел в ее фракцию в Думе. В IV Думе в де-

Николай Николаевич Львов.

Фото 1910-х гг.

кабре 1912 – июне 1913 старший товарищ секретаря, с 1 июня по 15 ноября 1913 товарищ председателя Думы; входил в думскую группу «Союза 17 октября». 2 марта 1917 назначен комиссаром Временного комитета Государственной Думы над Дирекцией императорских театров. В 1918 – 1920 участник белого движения, с 1920 в эмиграции».²⁴⁷ Из воспоминаний сестры Варвары Николаевны Бобринской: «Многие считали его Дон-Кихотом совершенно неверно. Это был до невероятной степени выраженный тип Гамлета; очень одаренный и умный от природы,

Николай Николаевич Львов.
Фото 1930-х гг., Франция

всю свою жизнь он <был> в сомнениях. Что бы он ни начал, сейчас же сомнения начинают подрывать его намерения. Он был обречен, в силу своего характера, на страдания и переживал все страшно глубоко и мучительно. Даже мальчиком он весь был колебание и сомнение. Помню, что в его тетрадке (ему было едва 14 лет) писал он: «Чем выше человек, тем более он одинок». Его вечные сомнения и страдания обрекли его на одиночество, несмотря на то, что он был женат и имел шесть человек детей. Его участие в Ледяном походе будет достоянием истории. Трех сыновей потерял он. Одного на Великой войне, двух на гражданской, почти мальчиками. Он горел таким подъемом, что это передавалось его детям, и сыновья его встречали смерть почти с восторгом».²⁴⁸ Жена: Анна Степановна Григорьева.

179/149. Алексей Николаевич (родился сент. 1866)

Полковник лейб-гвардии гусарского полка, предводитель дворянства

²⁴⁷ Б.М. Виттенберг. Биографический словарь // Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906 – 1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 344.

²⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 23.

Владимир (слева) и Константин Львовы.
Фото 1875 г.

de Litine (Podolie). Пропал без вести после событий 1917 года.

180/149. Дмитрий Николаевич

Умер в детском возрасте.

181/149. Константин Николаевич Львов большой

Умер в детском возрасте.

182/149. Константин Николаевич Львов меньшей

(10.08.1870, Москва – 23.12.1937, Issy-les Moulinaux, Франция), младший лейтенант кавалергардского полка.

Жена (с 1895, Москва): княжна Софья Владимировна Голицына (18.12.1875, Москва – 04.04.1952, Париж).

183/149. Владимир Николаевич (02.04.1872 – сентябрь 1930)

В биографических справочниках некоторых изданий по политической истории

России имя В.Н. Львова представлено несколькими строчками: октябрист, депутат III и IV Государственной Думы, член Временного правительства, обер-прокурор Святейшего Синода. Участвовал в конфликте Корнилова и Керенского. В 1920 году эмигрировал, в 1922 вернулся в СССР. В 1927 г. арестован, сослан на три года в Томск.

В биографических справочниках дата смерти В.Н. Львова или не указана, или указана неправильно – 1934 год. Документы свидетельствуют, что Владимир Николаевич Львов умер в 1930 году в тюремной больнице г. Томска, в возрасте 58 лет.

Владимир получил хорошее домашнее образование. Он отличался живостью ума, эмоциональностью, хорошо музицировал, рисовал, писал стихи. Его отдали в частную мужскую гимназию, директором которой в то время был Лев Иванович Поливанов – историк, литературовед. В

гимназии Владимир особенно увлекался историей, теологией. Это определило его выбор – он поступил на исторический факультет МГУ. Находясь под духовным влиянием известного тогда в России праведного старца Троице-Сергиевой Лавры Варнавы,²⁴⁹ Владимир хотел передать свое состояние церкви и уйти в монахи. Но отец Варнава не благословил его на монашество. Он нашел ему невесту – Марию Алексеевну Толстую, в 1900 году обвенчал их и, как рассказывает семейное предание, благословив молодых, дал наказ не разлучаться ни при каких обстоятельствах.

Владимир Николаевич Львов.

Фото 1900-х гг.

У Владимира Николаевича и Марии Алексеевны было много общего: оба сочиняли музыку, писали стихи.

Владимир Николаевич получил по наследству дом на Покровском бульваре, но в основном семья жила в имении жены Кротково Бугурусланского уезда Самарской губернии, доставшемся ей от деда по материнской линии. Мария Алексеевна передала ценз на управление землей мужу, а себя посвятила воспитанию детей, которых со временем в семье стало пятеро.

В.Н. Львов в те годы много внимания уделял ведению хозяйства и земской деятельности, неоднократно избирался уездным и губернским гласным по Самарской губернии. Он написал слова и музыку гимна самарского дворянства – «Мы шпагу носим за царя».

После революции 1905 года, всколыхнувшей, политизировавшей всю

²⁴⁹ О. Варнава (1831 – 1906) – иеромонах Черниговско-Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры. Собеседник императора Николая Александровича и императрицы Александры Федоровны. Ныне канонизирован. См.: Н.И. Толстая. Комментарии // Толстой С.Н. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. М., 1998. С. 570.

Россию, Львов стал «октябристом» – членом партии «Союз 17 октября». От Союза землевладельцев Самарской губернии в 1907 году Владимир Николаевич был избран депутатом III Государственной Думы. Известна одна его работа периода депутатской деятельности – «Доклад о деятельности Крестьянского поземельного банка по Самарской губернии», в котором он анализирует деятельность этого банка. Возникший как посредник, представляющий интересы крестьян при продаже помещичьей земли, Крестьянский банк превратился в коммерческий. Так, земля, оцененная как выгон и купленная у Львова по 27 рублей 50 копеек за десятину, продана была крестьянам как земля пахотная по цене 125 рублей 50 копеек за десятину. Львова особенно волновало сохранение культуры земледелия: «... что делает Крестьянский банк с теми именьями, которые он купил? Мне бросились в глаза печальные явления уничтожения культуры в тех именьях, которые вели культурное хозяйство, не говоря уже о том, что усадьбы уничтожаются». Он рекомендовал объединить деятельность Крестьянского банка с землеустроительной комиссией и проводить ее под руководством губернатора.

На выборах в IV Государственную Думу 1912 года Львов вновь был избран депутатом от землевладельцев Самарской губернии. Если проанализировать данные его депутатских анкет, то можно увидеть, что за пять лет он стал крупнейшим землевладельцем, увеличив свои земли более чем в десять раз (с 360 до 4608 десятин). Меняются и его политические пристрастия: из партии октябристов он переходит в националисты, но не надолго: в 1914 году он стал членом партии «Центр», а в 1916 году, уже будучи одним из ее лидеров, вошел в образовавшийся «Прогрессивный блок».

С юношеских лет Владимир Николаевич был глубоко религиозен и, как человек истинно верующий, знаток церковных вопросов, стал представителем комиссии по церковным делам в IV Думе. Часто выступал с критикой злоупотреблений в деятельности Церковного совета, подчеркивая необходимость реформ.

После Февральской революции 1917 года В.Н. Львов, как представитель партии «Центр», был избран в состав Временного правительства и получил пост обер-прокурора Святейшего Синода.

Деятельность Львова на посту обер-прокурора Синода продолжалась около пяти месяцев, о ней известно не много. В этот период были отстранены от службы в Синоде все ставленники Распутина, в церковных службах слово «царь» заменили на «Временное правительство», вынесли из Синода царский трон. Львов входил и в состав первого коалиционного правительства. После июльских событий он подал в отставку и «прикнул к московской группе интеллектуалов-консерваторов, озабоченных спасением России».²⁵⁰

Управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков в своих воспоминаниях дает современникам очень колкие, подчас желчные характеристики; далеко не в восторге он и от деятельности обер-прокурора Синода, но при этом пишет: «Несомненно, В.Н. Львов имел не одну положительную черту: он не был политическим интриганом, он всею душою отдавался той задаче, которую себе поставил: оздоровление церковного управления».²⁵¹

С 8 (21) июля Временное правительство возглавлял А.Ф. Керенский. В это время Владимир Николаевич оказался в центре политических событий, которые стали одной из трагических страниц его жизни. Современники и историки неоднозначно оценивают роль В.Н. Львова в конфликте «Корнилов – Керенский». Историк Р. Пайпс считает: «С июля, когда Керенский принял диктаторские полномочия, в стране не было настоящего кабинета. Как и Корнилов, Львов и его друзья считали, что Временное правительство необходимо укрепить представителями деловых кругов и армии. Ему было поручено сообщить об этой точке зрения Керенскому».²⁵²

26 августа в 7 часов вечера Львов был принят Керенским в Зимнем дворце как официальный парламентар Корнилова и письменно изложил его требования: «1. Генерал Корнилов предлагает объявить Петроград на военном положении. 2. Передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего. 3. Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача

---

²⁵⁰ Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. С. 124.

²⁵¹ Набоков В.Д. Временное правительство. М., 1991. С. 135.

²⁵² Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. С. 124.

временно управления министерствами товарищам министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим. В. Львов. Августа 26-го дня 1917 года».²⁵³ Почему для выполнения столь ответственного задания был избран Львов, которого после неудачи так называемые друзья обвинили во всех смертных грехах, называя «самозванным спасителем России»? Н.Н. Суханов считает, что «для такой функции могли бы найтись и более подходящие, более ловкие люди, ... а выбор Львова был определен потому, что подобно китайскому кули, был многовынослив и малотребователен и был подходящим для черной работы для других».²⁵⁴

Керенский объявил Львова арестованным, и его заключили в Петропавловскую крепость. Вскоре в сатирическом журнале появилась карикатура «Военные успехи России»: в клетке под охраной часовых сидит В.Н. Львов. Подпись гласила: «Взятие Львова».²⁵⁵

Владимир Николаевич находился уже под домашним арестом, когда власть взяли большевики, угроза более страшного ареста заставила Львовых пойти на хитрость. По семейным преданиям, Мария Алексеевна, воспользовавшись замешательством, обманным путем помогла бежать Владимиру Николаевичу. Ему пришлось изменить внешность (сбрить бороду и усы), и по поддельному паспорту они добрались до Бугурусланского уезда, где проживали нелегально у священника села Ганькина, а затем – в доме бывшего станового пристава в г. Бугуруслане. Выезжали в Оренбург, где власть какое-то время находилась в руках казачества и генерала Дутова. Летом 1918 г., с приходом Чехословацкого корпуса, Владимир Николаевич переехал в Самару, ставшую центром власти, возглавляемой «Комитетом членов Учредительного собрания». В это время семья окончательно решила эмигрировать в Америку. Но в сентябре 1918 г., в связи со стремительным наступлением Красной Армии, по рекомендации французского консула, семья спешно выехала в Сибирь. «Комитет членов Учредительного собрания» предоставил им отдельный вагон.

---

²⁵³ Суханов Н.Н. Записки о революции // Архив русской революции. Т. 3. М., 1993. С. 95.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Толстой С.Н. Осужденный жить. М., 1998. С. 273.

Готовясь к отъезду, закопали в имении все ценные вещи и семейные реликвии, среди которых был прадедовский мальтийский крест с бриллиантами. Мария Алексеевна не рассталась только с иконкой Божьей Матери, которой ее благословила бабушка на свадьбу.

По дороге, растянувшейся на месяцы, Мария Алексеевна заболела тифом. Пришлось сделать остановку в Томске у Колчака, где городская управа предоставила квартиру. Оставив семью, Владимир Николаевич выехал в ставку Колчака в Омск.

Не имея никаких средств к существованию, семья была обречена на голод. Мария Алексеевна начала давать уроки английского языка, но это приносило гроши. Спасла икона, которую Мария Алексеевна взяла с собой: она вынимала из оклада иконы бриллианты и меняла их на продукты.

В начале декабря 1919 г., в связи развернувшимся наступлением Красной Армии, Владимир Николаевич вернулся в Томск. Надо было снова эвакуироваться. К этому времени Мария Алексеевна и дочь Маша уже были служащими Американского Красного Креста, поэтому ее с детьми эвакуировали американцы в своем эшелоне, предоставив половину вагона. Владимира Николаевича, как политического деятеля, взять отказались, и он уехал с последним почтовым поездом во Владивосток. Вскоре, с установлением новой власти, он, спасаясь, переехал в Токио, где, по воспоминаниям сына, «погрузился в воспоминания и в течение семи месяцев написал три тома от 1906 до 1920 года».²⁵⁶ В начале 1920 г. переехал во Францию.

В Париже В.Н. Львов стал активным деятелем эмигрантской политической жизни.

В ноябре 1920 года на собрании эмигрантов он выступил с требованием прекращения материальной помощи армии Врангеля и предложил обратиться с заявлением к французскому правительству о незаконности его поддержки Врангеля. Он одним из первых дал анализ причин поражения Белой армии в гражданской войне, раскрыл двуличность, антирусскую направленность политики Антанты. В.Н. Львов первым выступил в заграничной прессе с требованием

²⁵⁶ Архиепископ Нафанаил. Беседы о Священном Писании и о вере. В 5 т. Т. 5. Нью-Йорк, 1995.

без всяких условий оказать помощь голодающим в Советской России. В 1921 году Львов стал одним из лидеров сменовеховцев.²⁵⁷ Сменовеховцы признали, что целостность России превыше идеологий, а поскольку большевики смогли сохранить Россию, значит, с их режимом придется мириться.

12 ноября 1921 года в Париже Владимиром Николаевичем Львовым впервые был прочитан доклад «Советская власть в борьбе за русскую государственность», а в 1922 году он был опубликован в Москве. В докладе Львов сумел выразить главные идеи сменовеховцев, проанализировал экономическую и политическую ситуацию в России и определил перспективы развития страны.

Львов как историк анализирует цели, задачи и результаты европейских социальных революций, сравнивая их с русской: «... чем грандиознее и универсальнее идея революции, чем отдаленнее она от практических результатов, тем катастрофичнее характер революции... Английская и французская революции, принципы, провозглашенные ими, были универсальны и потребовали для своего осуществления более ста лет... Русская революция по грандиозности замыслов, по той же универсальности идей и той же полной оторванности от непосредственных задач жизни похожа на французскую». Высокие идеи революции повлекли за собой катастрофу, потому как ещё не созрели социально-экономические и политические условия для их осуществления. «Против народной некультурности, архаичности, промышленной отсталости никакая идея не превозможет, если только не желают поравнять всех в полной нищете». Львов предлагает решение «великих идей» осуществлять поэтапно, пусть они будут «светить маяком будущим поколениям... её практическое применение необходимо сузить до пределов возможного достижения конкретных результатов» - в этом он видит задачу власти.

В.Н. Львов, хотя и сам являлся участником корниловского заговора, скоро понял, осознал, что «корниловское восстание не удалось, но оно сделало своё дело: оно провалило Временное правительство». Он уверен, что только «...Советская власть способна осуществить

---

²⁵⁷ Сменовеховство – общественно-политическое течение русских эмигрантов в 1920-е гг.

жизненные требования, она одна является носителем русской государственной идеи... ибо все остальные власти, претендовавшие на всероссийское значение, раздавлены колесом революции... и поздно создавать какую-то новую власть. Разве можно сочинять искусственные схемы для построения власти? Власть исходит из жизни».²⁵⁸ Львов, признавая власть Советов, деликатно, но настойчиво высказывался за ее перерождение, трансформацию в национальную государственную власть. Политолог В. Полонский по этому поводу писал: «Вытравливание коммунизма из Советской власти – это центральная

Владимир Николаевич Львов.

Фото 1927 г.

(Центральный архив ФСБ России)

точка всех усилий В.Н. Львова, ... подобно славному вождю кадетской партии в эпоху кронштадтского мятежа, В.Н. Львов хочет Советской власти, но без коммунизма». Владимир Николаевич считает, что в настоящее время основные вопросы, которые должна решать власть, диктуются жизненными требованиями: обеспечение за крестьянством владения землей в виде цельных единоличных участков, ... быстрое воссоздание промышленности и капитализация ее при соблюдении максимума прав рабочего класса, децентрализация власти на основе объединенных самоуправляющихся областей, свобода гражданских взаимоотношений.

Тысячи эмигрантов возвращались в Россию,²⁵⁹ среди них – лидеры сменовеховства: Устрялов, Ключников, Бобрисцев-Пушкин. Летом

²⁵⁸ В.Н. Львов. Советская власть в борьбе за русскую государственность. М., 1922. С. 5.

²⁵⁹ За 1921 год в Россию вернулись 121843 эмигранта. См.: Политическая история русской эмиграции. 1920 – 1940 годы. Документы и материалы. М., 1999. С. 175.

1922 года, по дипломатическому паспорту, выданному наркоминдел Крестинским в Берлине, вернулся в Россию и Владимир Николаевич. По рекомендации П.А. Красикова он занимал пост Управляющего делами Высшего церковного управления, но недолго, до сентября; затем до августа 1924 года заведовал приходскими делами и читал лекции в губернских городах по истории и об обновленчестве русской православной церкви. С осени того же года Львов, по неизвестным причинам, оказался не у дел: лишился работы, квартиры, точнее, комнаты, которую он занимал в Троицком подворье, однако до января 1926 года продолжал ездить по городам с лекциями.

В это сложное для Владимира Николаевича время В.В. Функе, его знакомый, предложил ему редактировать экономические статьи готовящегося к печати десятитомного издания «Возрождение и развитие промышленности, торговли и финансов СССР» на условиях оплаты по «60 рублей с листа» и проживания в своей квартире. Владимир Николаевич скоро понял, что издание «совершенно не удовлетворяет научному спросу на освещение экономических вопросов».²⁶⁰

3 февраля 1927 года его вместе с другими сотрудниками издательского кооператива «Искра» посадили в Бутырскую тюрьму, предъявив обвинение в экономической контрреволюции. Коридор 15, камера 66 – таким стал его адрес. В недоумении Владимир Николаевич писал ходатайства заместителю наркоминдел Красикову (прокурору Верховного суда СССР), прося защиты и доказывая свою лояльность к Советской власти.

Судебная коллегия ОГПУ постановила: «Львова Владимира Николаевича выслать через ШПОГПУ в Сибирь сроком на три года с оставлением в одном из губернских городов». Он снова оказался в Томске – в городе, где он прожил с семьей последний год, пусть тяжелый, но они были вместе, были надежды, было будущее. Здесь судьба их разлучила. Сбылось предсказание старца Варнавы – это был самый трагичный период в жизни Владимира Николаевича.

О его жизни в Томске сведений нет. По документам ОГПУ известно, что по амнистии срок был сокращен на одну четверть. И последняя

²⁶⁰ Центральный архив ФСБ России. Материалы следственного дела № 43241. Арх. № 3750.

справка в «Деле» КГБ: «22 ноября 1930 г. № 9862/015. Препровождая на распоряжение дело-формуляр на а/с Львова Владимира Николаевича, сообщаем, что таковой умер в Томской тюремной больнице. Основание: акт от 20.09.1930 г.». Реабилитирован посмертно.

Владимир Николаевич Львов, участник важнейших событий истории нашей страны первой трети XX века – человек незаурядный и не поддающийся однозначной оценке.

Жена: **Мария Алексеевна Толстая** (20.10.1873 – 1941 (1942), Харбин).²⁶¹

Ее дед – Николай Николаевич Толстой (1794 – 1872), камер-паж, штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка, статский советник, предводитель Тверского дворянства, а его брат – знаменитый Яков Николаевич Толстой (1791 – 1872), друг молодости Пушкина (которому поэт посвятил два стихотворения), поэт, литератор, сотрудник по особым поручениям при российском посольстве в Париже, тайный советник.

Бабушка Марии Алексеевны – Анна Николаевна Козлова, урожд. Кроткова, владела домом на Твер-

Мария Алексеевна Толстая,
в замужестве Львова.

Фото 1880-х гг., Москва

²⁶¹ Нетитулованная ветвь тверских Толстых, к которым принадлежала Мария Алексеевна, сравнительно мало известна, хотя она пересекалась с множеством известных дворянских фамилий: Кротковы, Загряжские, Лунины, Жеребцовы, Козловы, Матюнины. На протяжении столетий ее уважаемые представители были предводителями дворянства, сенаторами, имели генеральские чины и многочисленные награды. Ветвь начала формироваться самостоятельно во второй четверти XVIII века. В XVII в. Иван Петрович Толстой, стольник, получил большие земли в Осташковском уезде, на озере Селигер. Его сын Яков, тот самый, что «... во дворце удостоен был милости получить сию дулю <грушу> и гроздь из собственных ручек государыни нашей, ее величества Елизаветы Петровны», был женат на Екатерине Алексеевне Загряжской («три века трижды Толстые женились на Загряжских»).

ском бульваре, названным «Домом Герцена», который купил в 1834 г. ее отец Николай Николаевич Кротков (друг детства поэта Федоры Глинки). Часть дома арендовал Н.Д. Свербеев, и дом был знаменит «Свербеевскими пятницами», на которые собирался весь цвет литературной Москвы. В гостях у Анны Николаевны часто бывал О.И. Сенковский (известный барон Брамбеус), а Карл Брюллов рисовал здесь акварель «Сенковский в доме Козловой», она принимала у себя А.В. Дружинина, автора знаменитой «Полиньки Сакс», отсюда вела переписку со знаменитым астрономом Фламарионом, здесь Антон Рубинштейн «играл свои новые вещи». В этом доме гостили близкие друзья деда Н.Н. Толстого – декабристы И.И. Пущин, С.П. Трубецкой, Н.М. Муравьев, И.Д. Якушкин, Ф.Н. Глинка и другие.

В имении Новинки, принадлежавшем брату Марии Алексеевны, Николаю Алексеевичу Толстому (1856 – 1918), был богатейший архив, который во время событий 1917 года пытались спасти, упаковали в «шесть сундуков ..., таких, что в каждом из них, согнувшись, мог бы жить человек. Все они плотно набиты. Здесь столетняя переписка многих семейств. Документы и ценнейшие материалы о войне 1812 года, декабрьском бунте, подлинные и никому не известные. Дальше Севастополь, освобождение крестьян, Бакунин и Герцен, даже Карл Маркс в его связях с Россией. ... Письма Сенковского, Глинки, Листа и Рубинштейна... рисунки и письма Брюлловых, Боровиковского, Венецианова... Письма Волконских и Вяземских... Это ведь даже не наше, это общее, русское, прошлое, то, которым Россия и впредь будет жить...» – писал С.Н. Толстой в автобиографической повести «Осужденный жить».²⁶²

184/149. Федор Николаевич (13.12.1877 – 1920, Новороссийск)

Атташе посольства в Берне (Швейцария), помещик, землевладелец в Балашове.²⁶³

Жена (с 1901): Вера Николаевна Чихачева (май 1872 – 25.07.1953, Франция).

185/149. Наталья Николаевна (1879 – 22.01.1898, СПб.)

²⁶² Толстой С.Н. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. М., 1998. С. 237 – 238. Сергей Николаевич Толстой (1908 – 1977) – племянник М.А. Толстой.

²⁶³ См. о нем в приложении к настоящему изданию: Н.А. Карлинская. Дядя Федя Львов.

Семья Ф.Н. Львова. Слева направо: Вера Николаевна (жена), дочери, Александр Николаевич (брат), Федор Николаевич. *Фото 1907 г.*

Умерла при рождении дочери Марии. Похоронена на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры, могила сохранилась.
 Муж: граф Дмитрий Михайлович Граббе (08.08.1874, Blonitzу Полтавской губернии – 01.02.1927, Сен-Клу, Франция)

186/149. Анна Николаевна (21.02.1880, Москва – 14.05.1911, Канн, Франция)

Из воспоминаний дочери ее, княжны Натальи Григорьевны Гагариной: «...Я помню свою мать. Она была очень красива, правильные черты лица, шатенка с синими глазами. Она любила одеваться и заказывала платья у Worth, который был тогда в моде в Париже. Она была добрая и мягкая, и я ее обожала.

Моя мать часто ездила за границу и брала меня с собой. ... Однажды, когда мне было пять лет, моя мать отправилась на юг Франции без меня и там, в Канне, заболела корью. Когда стала поправляться, то приняла ванну, и тут ее схватил паралич, и она быстро и преждевре-

менно скончалась. Видимо, в те времена медицинская помощь была не на высоте. Ее тело привезли в Москву и похоронили в Ново-Девичьем монастыре. Я помню похороны, но ничего не понимала в этом возрасте и не сознавала, что больше не увижу свою мать...»²⁶⁴

Муж (с 09.05.1904, Раменское): князь **Григорий Григорьевич Гагарин** (04.12.1876, СПб. – 15.05.1905). Офицер, служил на Балтийском флоте, инженер-механик броненосца «Александр III». Погиб в Цусимском бою.

Из воспоминаний Н.Г. Гагариной: «...Семья моего отца происходила от Рюрика, затем князей Стародубских. Наш прапрадед был послом в Риме, и один из его сыновей стал известным художником и вице-президентом Академии художеств. Он был отцом моего деда и дяди Андрея. Дядя Андрей был премилый человек, он открыл первый Политехник в Петербурге и был директором Политехнического института. Также была их сестра тетя Мари, замужем за Раевским, потомком героя 1812 года.»²⁶⁵

Наталья Григорьевна, единственная дочь, о которой отец «может быть, и не знал», родилась в Москве в 1905 г. Жила с матерью в Петербурге. После ее смерти была взята на воспитание бабушкой и дедушкой со стороны отца. Летом жили в своем имении Карачарово, зимой – в Петербурге.

Первый язык Натальи был немецкий, так как с ней занимались немки-бонны. Сдала вступительный экзамен во второй класс гимназии Оболенских.

Опекуном Натальи был дядя, Владимир Николаевич Львов (183/149). В 21 год Наталья, по завещанию, должна была вступить в наследство и стать богатой невестой.

В 1918 г. начался трагический период в жизни семьи. Умер дедушка, арестовали и отправили в Москву трех его сыновей, туда же переехала бабушка с Натальей.

Жила с родственниками в Киеве, Крыму. Тяжело заболела дизенте-

²⁶⁴ Княжна Н.Г. Гагарина. Воспоминания // Дворянское собрание: историко-публицистический и литературно-художественный альманах. № 9. М., 1998. С. 199.

²⁶⁵ Там же. С. 203.

Анна Николаевна Львова.
Фото 1895 г.

Анна Николаевна Львова,
в замужестве кн. Гагарина.
Неизвестный художник. 1900-е гг.

рией, была отправлена к тетке, Варваре Николаевне Бобринской, в Константинополь, где ее поместили во французский госпиталь, а затем в санаторий Буюк-Дере на Босфоре.

Училась в русской гимназии Союза городов. Из-за отсутствия средств гимназию перевезли в Чехию (Моравская Тшебова), разместили в бывшем лагере для военнопленных. По окончании гимназии поступила на историко-филологический факультет университета в г. Карлови-Вари. Переехала в Париж, работала в студии художником по ткани. Потеряв работу, переехала в Англию, три года преподавала французский язык в частной школе в пригороде Лондона.

В 1940-е гг. пришлось работать и гувернанткой, и рисовальщицей текстильных рисунков в студии Mr Franc, пыталась работать самостоятельно: продавала свои рисунки. Уехала на юг Франции, но со временем вернулась в Англию, сдавала комнаты в своей квартире студентам университета, работала в той же художественной студии Mr. Franc. Путешествовала, писала картины.

Наталья Григорьевна Гагарина.
Фото 1960-х гг.

Дважды попадала в автомобильные аварии, долго лечилась и, как писала Наталья Григорьевна, «продолжала ... жить, и на старости лет живу совсем счастливо». Умерла в марте 1999 года.

187/150. Екатерина Федоровна (родилась 1861)

Закончила Донской институт благородных девиц в г. Новочеркасске.

Муж: Иван Степанович Аркадьев, коллежский ассессор, зубной врач. Семья проживала в Москве, занимала этаж дома на Знаменской улице (ныне пл. Восстания).

188/150. Елизавета Федоровна (родилась 14.06.1862)

Закончила Донской институт благородных девиц в г. Новочеркасске.

Муж (с 1880): Федор Гаврилович Кашменский (1860 – 1930), сын священника. Окончил Харьковский университет, репетиторствовал в семье Рокотовых, где и познакомился с будущей женой Елизаветой. Преподавал русский язык и русскую словесность в Институте благородных девиц в Новочеркасске; инспектор народных училищ. Автор пособия по изучению церковно-славянского языка.

Дети: Борис, по образованию ботаник, автор книги «Споровые растения», погиб в экспедиции;

Глеб (1891 – 1919) учился в Академии художеств, за отличные успехи был направлен на стажировку во Францию. Ученик К.С. Петрова-Водкина, участник выставки «Бубновый валет». Иллюстратор книги Алтаева «За свободу Родины». Ушел добровольцем на фронт, погиб в гражданскую войну;

Вадим (26.01.1892 – 1961);

Лидия; ее муж – Александр Исидорович Шаповалов (1871 – 1942), профессиональный большевик, узник Петропавловской крепости, в

Елизавета Федоровна
с мужем Федором Гавриловичем
Кашменским и дочерью Лидией.
Фото 1930-х гг., Каменск

Кашменские Вадим, Глеб, Елена,
Теофилия, Лидия с племянником
Анатолием (Борисовичем).
Фото 1904 г., Курск

Леонид Семенович Дзюбанов (слева).
Фото 1913 г., Харьков

Илья Федорович Львов.
Фото 1871 г., Новочеркасск

Фотографии из семейного архива С.Д. Дзюбанова.

1924 – 1925 гг. – член ЦК ВКП(б), автор воспоминаний «На пути к марксизму»;

Елена (1898 – 1988), муж – Леонид Семенович Дзюбанов (1890 – 1935) – военный врач, начальник госпиталя, в 1920 – 1930 гг. – главврач в Махачкале; сын: Дмитрий Леонидович (1923 – 2000), инженер связи, преподаватель; внук: Сергей Дмитриевич (родился 1958), математик, кандидат наук, проживает в Санкт-Петербурге.

189/150. Илья Федорович (28.12.1863 – 14.12.1905, СПб.)

Коллежский ассессор, банковский служащий. Погребен на Большеохтинском кладбище.

Жена (с 1889): Теофилина Петровна Лятошинская, из богатого польского рода.

190/150. Мария Федоровна (родилась 1864)

Муж: 1) Анатолий Иванович Семевский, ученый, племянник известных историков;

сын: Николай;

2) А.Н. Шустов.

191/150. Николай Федорович (родился 1867)

Жил в Москве, служил в банке.

Жена: Ефимова.

192/154. Федор Федорович

Мировой судья, служил крупным чиновником при таможене, имел дом в Москве.

Дети: Прасковья (1871 – 1916). Ее муж, Петр Александрович Балавенский (1873 – 1935), учился в кадетском корпусе, бывал в доме Львовых в Москве, где и познакомился с будущей женой. Жил с семьей в Торжке на Ямской улице, в доме матери.²⁶⁶ Служил в зем-

Николай Федорович Львов.

Фото 1920-х гг.

Из семейного архива

²⁶⁶ Дом сохранился, в настоящее время – музей А.С. Пушкина.

стве, был начальником 4-го участка Новоторжского уезда, в 1905 г. устранен от должности как политически неблагонадежный. Участник I мировой войны, был в немецком плену (19.04.1915 – 8.11.1918).²⁶⁷ В 1916 г. умерла от лейкемии жена. Петр Александрович был сослан в Архангельскую область. Судьба их шестерых детей трагична.²⁶⁸

Алексей, военный инженер-путеец. После событий 1917 года, по воспоминаниям П.А. Усовой, «уехал в Америку и неплохо там устроился – некоторое время писал письма и присылал посылки».²⁶⁹

Петр Александрович
и Прасковья Федоровна Балавенские.
Фото нач. 1900-х гг.

193/154. Алексей Федорович

Офицер железнодорожного полка, служил сначала в Гатчине, затем в Царском Селе. Принимал участие в строительстве Федоровского городка в Царском Селе и царского павильона (личного вокзала для императорской семьи), начальником которого он был назначен.

Алексей Федорович хранил реликвии семьи деда–композитора А.Ф. Львова (116/100): семейные портреты, пюпитр с гербом рода Львовых. Имел прекрасную библиотеку, изучал естественные науки, увлекался всемирной историей, историей религии, теософией, на-

²⁶⁷ ГАТО. Ф. 1439. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 289.

²⁶⁸ См.: П.А. Усова. Воспоминания о моих предках и родителях // Краеведческий альманах. № 3. Торжок – Тверь, 2003; Л.В. Тулинова. Балавенские – потомки старинного славного рода Олениных // Пушкин и Торжок. Сб. ст. Тверь, 2002.

²⁶⁹ П.А. Усова. Воспоминания о моих предках и родителях // Краеведческий альманах. № 3. Торжок – Тверь, 2003. С. 65.

Прасковья Федоровна Балавенская
с братом Алексеем Львовым.
Фото нач. 1890-х гг.

родоведением. Вместе с женой Юлией Федоровной и музыкантами А.В. Унковской и И.А. Лесманом он устраивал публичные лекции по истории религии – с волшебным фонарем и музыкальным сопровождением.

В 1918 г. Алексей Федорович эмигрировал в Америку, где вынужден был зарабатывать на жизнь малярным делом, продолжая интересоваться теософией. Юлия Федоровна осталась в России и до начала Великой Отечественной войны получала от него короткие весточки и даже продуктовые посылки.

Жена: **Юлия Федоровна Львова** (1873 – 1950)

Ее отец, Федор Николаевич Львов (1823 – 1885), окончил кадетский корпус с занесением имени на мрамор-

ную доску, слушал лекции в Петербургском университете. В 1846 г. был назначен репетитором по химии в Павловском кадетском корпусе. Входил в кружок М.В. Петрашевского, в числе пятнадцати его участников был приговорен к расстрелу, но, как известно, смертная казнь была заменена каторжными работами. После амнистии в 1856 г., будучи ссыльнопоселенцем, Федор Николаевич печатал статьи в сибирских газетах, был корреспондентом герценовского «Колокола». В начале 1860-х гг. был восстановлен в правах и служил чиновником в Министерстве финансов. Стал секретарем Русского технического общества и как представитель его неоднократно ездил за границу на международные промышленные выставки. Председателем Русского технического общества в те годы был Петр Аркадьевич Кочубей, ставший другом и покровителем семьи Ф.Н. Львова.

Мать ее – Елена Александровна Ротчева (1833 – 1908) – старшая дочь известного общественного деятеля, путешественника и публициста,

члена Русско-американской кампании, коменданта форта Росс в Калифорнии, Александра Гавриловича Ротчева (умер 1873) и княжны Елены Павловны Гагариной, известной деятельницы женского образования, детской писательницы, художницы, музыкантши, хозяйки общественно-литературного салона в Иркутске, который посещали ссыльные декабристы и петрашевцы.

Юлия Федоровна родилась в Париже. На развитие ее художественных вкусов, интересов оказал влияние отец и Петр Аркадьевич Кочубей, которые увлекались этнографией и коллекционированием предметов старинного русского декоративного убранства. В 1883 г. Федор Николаевич был парализован, тогда Кочубей взяли Юлию (ей было около десяти лет) к себе, следили за ее занятиями, оплачивали учителей, летом возили в свое имение близ Полтавы, и Юлия Федоровна до конца дней пронесла в памяти картины украинского народного быта и любовь к народным песням.

Обучаясь в консерватории, стала концертмейстером оперного класса профессора Сонки. Кроме музыкального, получила юридическое образование: была вольнослушательницей Петербургского университета.

У Юлии Федоровны были глубокие познания в области медицины (в годы I мировой войны она работала хирургической медсестрой в Царскосельском лазарете), психологии и психиатрии (сотрудничала с профессором В.М. Бехтеревым в Институте мозга по проблеме рефлексологии звука и музыкотерапии). Она владела знаниями по истории живописи, архитектуры и театра, романской филологии, всеобщей истории.

Первым ее мужем был А.А. Ваксель (1855/1916), внук композитора А.Ф. Львова. Но в семье Вакселей она не прижилась: на нее смотрели как на «дочь каторжанина». От этого брака у Юлии Федоровны была дочь **Ольга** (см. там же). Второй муж, Алексей Федорович, приходился двоюродным братом А.А. Вакселю. Друзья называли Юлию Федоровну Львову «la belle madame de-Lvoff» («дважды Львова»). Она стала преемницей традиций двух семей Львовых.

Ее бескорыстие, отзывчивость, живой характер, знания, тонкий вкус привлекали к ней много интересных и талантливых людей. Среди них художник Л.Ф. Лагорио, семья академика живописи П.П. Чистя-

Алексей Федорович Львов-младший,
Юлия Федоровна Львова,
ее дочь Ольга Ваксель.
Фото 1908 г., Гатчина

кова и его многочисленные ученики; юрист А.Ф. Кони²⁷⁰, поэты М. Волошин²⁷¹, Ю. Верховский, М. Кузьмин, писательница О. Форш; композиторы Н. Римский-Корсаков, МГнесин, Х. Кушнарев; драматические артисты и певцы. Юлия Федоровна оставила разнообразное музыкальное наследие – оригинальные вокальные и инструментальные произведения и много изящных обработок фольклорных материалов – русских, украинских, испанских, шотландских, турецких, индийских. Она вела большую общественную работу: до революции – в попечительстве тюрем, в 1930-е гг. – культурно-просветительскую (выступала в частях Красной Армии, в средних школах). При Ленинградском отделении Союза советских композиторов

организовала секцию научных работников, где читались лекции по теории и истории музыки. В фондах Пушкинского дома хранятся ее романсы на стихи А.С. Пушкина.²⁷²

В 1932 году в возрасте 29 лет умерла дочь Ольга. Юлия Федоровна воспитала внука Арсения Смольевского, которому постаралась передать историю рода и семейные традиции, привила интерес к раз-

²⁷⁰ С его отцом, Федором Алексеевичем, драматургом, мемуаристом, был дружен еще дед Юлии Федоровны, А.Г. Ротчев. В РО ИРЛИ в архиве А.Ф. Кони (ф. 134, оп. 2, 4, д. 118, 671) хранятся два фотопортрета А.Ф. Кони с дарственной надписью Ю.Ф. Львовой и семнадцать писем к ней.

²⁷¹ В РО ИРЛИ в архиве М.А. Волошина (ф. 652, оп. 3, д. 799) хранятся девять писем Ю.Ф. Львовой к поэту. Несколько фотографий ее с Волошиным имеются в семейном архиве ее внука, Смольевского А.А., по воспоминаниям которого «бабушка сочинила несколько великолепных вокальных вещей на тексты Максимилиана Волошина, с которым была дружна, и который подарил ей несколько десятков своих акварелей».

²⁷² См.: Музыка и музыканты. Творческие и биографические материалы в фондах и коллекциях РО Пушкинского дома. XVIII – XX вв. Указатель. СПб., 2003. С. 162.

ностороннему чтению, к изучению иностранных языков, истории мировой культуры и искусства.

194/164. Маргарита Васильевна (родилась 17.08.1861, от первого брака)

195/164. Николай Васильевич (родился 10.09.1864, от второго брака)

196/164. Александр Васильевич (родился 26.03.1866)

197/164. Василий Васильевич (родился 07.04.1873)

198/164. Владимир Васильевич (16.04.1879 – 07.03.1915)

Погиб в I мировую войну, погребен в Петербурге.

XXII

199/176. Николай Александрович (родился 1897)

Пажеский корпус (1917), служил в кавалергардском полку. Умер в Буэнос-Айресе (Аргентина).

Жена (с 30.10.1927, Дрезден, Германия): Ирина Владимировна Калашникова (родилась 1898).

200/176. Александр Александрович (28.03.1901, Мюнхен, Германия) – 22.05.1974, Хельсинки, Финляндия)

Жена: 1) Екатерина Алексеева;
2) Katri Klorisalo (родилась 18.02.1902).

201/176. Ирина Александровна (11.03.1907, Будапешт – 3.01.1979, Вауонне, Франция)

Муж: князь Иван Иванович Андроников.

202/178. Николай Николаевич (1893 – 04.11.1914)

Из воспоминаний Татьяны Александровны Аксаковой-Сиверс (1892 – 1982): «Это был довольно высокий юноша с девичьим лицом и какими-то приторными манерами. Несмотря на то, что мать его была крестьянка (или как раз по этой причине), Коля был чрезвычайно аффектирован и совсем не прост. Он любил переводить на французский язык и по всякому поводу вспоминал «mon oncle Grabbe» («мой дядя Граббе»).

Помню, как, танцуя со мной в первый раз, он задал мне вопрос: «*Mademoiselle, aimez-vous les garçons bien-îlevÿs?*»²⁷³ и тут же поскользнулся на полированных плитах египетского вестибюля, через который мы проходили полонезом под музыку из «Жизни за царя», и чуть не увлек меня в своем падении. После танца он пожал мне руку и сказал: «*J'espere que dis a prÿsent vous me permettrez de vous pommer* Татьяна Александровна!»²⁷⁴

Я раскрыла глаза, так как не знала, что на это требуется особое решение.

Несмотря на все его фокусы, Коля Львов мне очень нравился. ... Коля в 16 лет изображал из себя пресыщенного жизнью денди, ищущего спасения в чистой любви. ...

...На оборотной стороне фотографии группы он написал: «На память о хорошем прошлом – будущее не в нашем ведении»...

По окончании Поливановской гимназии он поступил в Петербургский университет.

1914 год. «...Бедного Колю тоже взяли, и он поступил вольноопределяющимся в Преображенский полк. В один из первых боев он был убит осколком, попавшим ему в затылок. Гроб с его телом был доставлен в Петербург. По слухам, когда в Преображенском соборе открыли крышку, раздались возгласы: «Он жив!» Коля лежал с румяными щеками, что было следствием какого-то подкожного кровоизлияния. Похоронили его в Москве на Ново-Девичьем кладбище недалеко от Дениса Давыдова».²⁷⁵

203/178. Наталья Николаевна (ноябрь 1895, Бобылевка Саратовской губ. – 1980, Лондон)

Муж (с 1918, Кисловодск): Владимир Алексеевич Абаза (16.10.1895, Париж – 30.07. 1943, Париж).

Дочь Ольга (родилась 1920) проживает в Париже.

204/178. Анна Николаевна (30.08.1898, СПб. – 1963, Канада)

После революции эмигрировала во Францию, жила в Австрии, Канаде.

²⁷³ Мадемуазель, любите ли вы воспитанных мальчиков? (*фр.*)

²⁷⁴ Надеюсь, что отныне вы позволите называть Вас Татьяна Александровна! (*фр.*)

²⁷⁵ Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. Т. 1. Париж, 1988. С. 94, 243.

Муж: Александр Александрович Дурново (1890 – 1931), выпускник Лицея императора Александра, капитан полка Императорских стрелков; участник I мировой и гражданской войн, был тяжело ранен. Эмигрировал во Францию.

Дочь: Наталья (родилась 1921). Ее муж – Леонид Сергеевич Милорадович (родители его эмигрировали после революции в Австрию) во время II мировой войны был инженером немецкой армии, оказался в плену. После четырехлетнего пребывания в Сибири был отпущен как гражданин Австрии. Дети: Сергей, Надежда, Анна, Татьяна.

205/178. Александр Николаевич (умер 1920, тиф)

206/178. Алексей Николаевич (1900 – 02.10.1918)

Офицер Преображенского гвардейского полка, расстрелян в Армавире.

207/178. Владимир Николаевич (1905 – 1996, Сидней)

Жена: Аделаида Павловна Аксакова.

208/182. Николай Константинович (1896, Бобылевка Саратовской губ. – 1904)

209/182. Владимир Константинович (25.08.1898, Глебово – 1919)

В семейном кругу его называли Бум-Бук.

Служил в кавалергардском полку, погиб во время гражданской войны.²⁷⁶

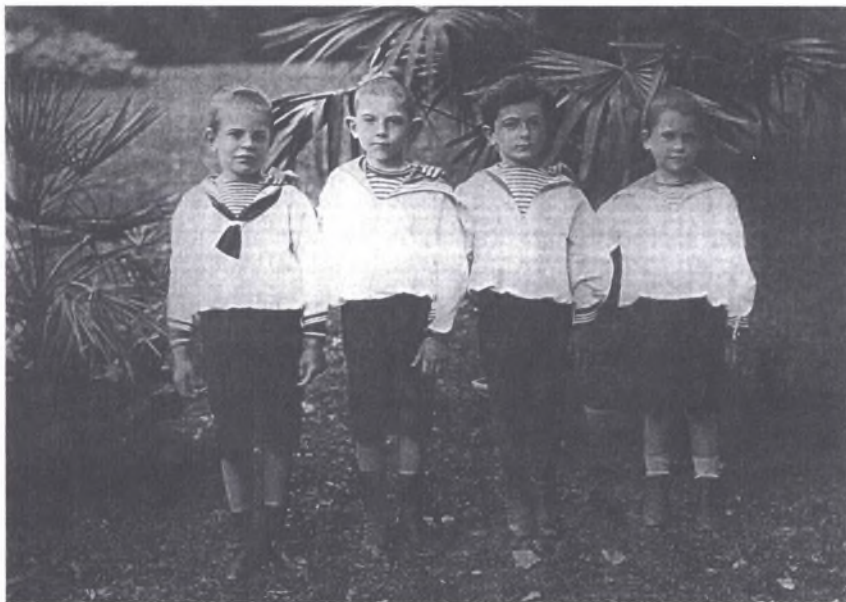
210/182. Мария Константиновна (родилась 29.06.1899, Глебово)

Владимир Николаевич Львов
с женой Аделаидой Павловной
и сыном Алексеем.
Фото 1932 г.

²⁷⁶ См. о нем в приложении к настоящему изданию: Карлинская Н.А. Дядя Федя Львов.

Слева направо: Николай Александрович Львов (199/176),
Николай Константинович Львов (208/182), Гавриил Алексеевич Бобринский,
Владимир Константинович Львов (209/182).

Фото 1902 г.

Муж (с 30.05.1924, Белград): Петр Сергеевич Лопухин (27.02.1885, Москва – 02.08.1962, Кламар, Франция).

211/182. Александр Константинович (29.08.1900, Каменец-Подольск – 06.01.1977, Кламар, Франция)

Жена: 1) с 09.09.1922, Сево, Франция: графиня Татьяна Михайловна Толстая (22.02.1903, Москва – 04.04.1987, Divorces, Париж) – внучка писателя Л.Н. Толстого.

2) с 16.06.1956, Нью-Йорк: Екатерина Аполлоновна Бутенева (родилась 07.04.1917, Москва).

212/182. Павел Константинович (родился 22.09.1901, Глебово)
Без потомства.

213/182. Татьяна Константиновна (родилась 04.07.1906, Глебово)

Муж (с 13.02.1932, Le Vesinet, Франция): Этьен Пьер Бёф (родился 26.07.1907, Chauriat, Франция).

214/182. Анна Константиновна (родилась 05.05.1913, Москва)
Муж (с 22.04.1937, Париж): Теодор Головицын (19.06.1894, Воронеж – 16.09.1972, Париж).

215/183. Николай Владимирович (02.04.1901, Москва – 1942)

Сведения о жизни Николая Владимировича взяты из анкеты арестованного и протокола его допроса в НКВД СССР, предоставлены его сыном Н.Н. Корзухиным-Львовым (227/215).

Николай получил домашнее образование. С раннего детства обучался верховой езде в манежах высшей кавалерийской школы. Проходил лагерные сборы в Семеновском полку и часто присутствовал на офицерских собраниях. В 1915 – 1918 гг. обучался в Бугурусланском реальном училище. В 1918 г. принимал участие в «эсеровском ученическом движении». Вместе с семьей переехал в Томск, где весной 1919 г. окончил Алексеевское реальное училище и в том же году поступил добровольцем в колчаковскую армию. Однако при содействии родителей он был направлен не на фронт, а в Томское военное училище, через полгода зачислен в I Томский кадровый кавалерийский полк в чине корнета. Когда мать с младшими детьми эвакуировалась в Харбин, Николай остался в армии Колчака. Заболел сыпным тифом. В г. Ачинске весь полк был взят в плен Красной Армией, а его, как больного, положили в госпиталь военнопленных. В мае 1920 г. в качестве пленного белого офицера Николая доставили в распоряжение штаба Московского военного округа, и он был осужден комиссией ВЧК на полтора года. Содержался на Лубянке, в Ивановском и Андроньевском лагерях особого назначения. В 1922 г. был освобожден под обязательство еженедельно являться в ОГПУ для регистрации.

Скрывая свое прошлое, сменил фамилию на Корзухина и с 1923 по 1925 гг. работал в Москве техником. В 1925 г. вновь арестован органами НКВД и шесть месяцев содержался в Бутырской тюрьме. С 1926 г. работал в Москве секретарем научного общества по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Николай Владимирович Львов.
 Фото 1942 г. (Центральный
 архив ФСБ России)

В 1933 г. как политически неблагонадежного его выслали за пределы стокилометровой зоны Москвы. Местом жительства Николай Владимирович избрал город Торжок Тверской области. Работал учителем географии в техническом училище, затем секретарем в адвокатской конторе. 14 июля 1941 г. был мобилизован, направлен на Брянский фронт рядовым в конную разведку 882 стрелкового полка. 12 октября 1941 г. попал в плен, а 26 декабря был захвачен партизанами. 4 января 1942 г. доставлен в Москву. После многочисленных допросов постановлением Особого Сопрошения при НКВД СССР от 27 июня 1942 г. Корзухин-Львов Николай Владимирович был обвинен в измене Родине и пригово-

рен к расстрелу. Постановление было приведено в исполнение 12 июля 1942 года в Москве. Реабилитирован посмертно в 1998 году.

Жена: Валентина Дмитриевна Топазова (Шефер) (1899 – 1975). Родилась в Москве. Работала техническим редактором в НИИ краеведческой и музейной работы.

216/183. Алексей Владимирович (04.10.1899 - 04.10.1899)

217/183. Мария Владимировна (1903, Москва – 1986, Сан-Франциско)

Детство прошло в имении Кротково Самарской губ., училась в уездном городе Бугуруслане. В конце 1919 г. вместе с матерью и младшими братьями выехала из России в Маньчжурию, семья поселилась в Харбине. Мария давала частные уроки английского языка, затем работала в Американском консульстве. В 1941 г., после смерти матери, переехала с мужем и детьми в Сан-Франциско (США).

Муж: 1) Николай Васильевич Мещеряков, врач-стоматолог; дети: Томас (родился 1938) и Милица, родились в Харбине, проживают в США;

2) Федоров.

218/183. Василий Владимирович (Владыка Нафанаил, 30.08.1906, Москва – 08.11.1895, Мюнхен)

Сведения о жизни и деятельности Василия Владимировича Львова взяты из его воспоминаний.²⁷⁷

Детство провел в имении Кротково Самарской губернии (в двадцати верстах от города Бугуруслана). Получил домашнее образование, знал французский и английский языки. В конце августа 1917 года в жизни Василия, как он вспоминает, произошло «три великих события»: он стал скаутом, поступил в 3-й класс Бугурусланского реального училища и был

Мария Владимировна, урожд. Львова, с сыном Томасом Мелеряковым.
Фото 1970-х гг., Канада

избран лидером партии народной свободы своего класса, «по случаю чего я надел на одну цепочку с крестом портрет Миллюкова».

В сентябре 1918 года к власти в Самаре пришли большевики, и Львовы вынуждены были спешно эвакуироваться с Белой армией на восток. Около года прожили в Томске, где Василий учился в 4 классе Алексеевского реального училища. 19 ноября 1919 года семья разделилась, простились с отцом, как потом оказалось, навсегда. Мария Алексеевна с детьми переехала в Маньчжурию.

В 1921 – 1922 годах Василий учился в Харбинском реальном училище; чтобы оплачивать обучение, вынужден был подрабатывать – продавал путеводители по Харбину.

Василий вырос в глубоко религиозной и истинно верующей семье. «Моя мама, – вспоминал он, – умела молиться, как никто другой». А.Ф. Керенский говорил об отце В.Н. Львове, как о «глубоко набожном человеке».

²⁷⁷ Архиепископ Нафанаил. О времени русской революции и белой борьбы // Архиепископ Нафанаил. Беседы о Священном Писании и о вере. В 5 т. Т. 5. Нью-Йорк, 1995. С. 207 – 266.

Архимандрит Нафанаил с племянником
Алексеем Владимировичем Львовым.

Фото 1932 г., Словакия

Василий избрал путь служения церкви. В Харбине закончил Пастырско-Богословские курсы, затем – богословский факультет русского Свято-Владимирского института. Преосвященный Нестор, епископ Камчатский, создал в это время так называемый Дом милосердия – приют для детей-сирот и престарелых. При Доме была построена церковь. В 1929 году Владыка Нестор постриг в монашество Василия Львова, принявшего имя Нафанаила. Вскоре при Доме Милосердия образовалась монашеская обитель.

Богословскую деятельность о. Нафанаил совмещал с научной – сотрудничал с русским Обществом изучения Маньчжурского края. Летом 1935 года гостями Общества

были археологи Тейяр де Шарден и аббат Брейль. О. Нафанаил вспоминал: «Мне удалось сотрудничать с двумя великими палеонтологами». О. Нафанаилом было проведено археологическое исследование древней реки Ван-чуан-хэ. Результатом стала «коллекция каменных орудий палеонтологического человека и костей плейстоценовых животных», которая получила высокую оценку Тейяра де Шардена и привлекла внимание прессы: многие газеты опубликовали подробные материалы по этой коллекции и фотографии.

В 1933 году о. Нафанаил в сане иеромонаха сопровождал архиепископа Нестора в Югославию на Архиерейский Собор. Там впервые произошла встреча его с митрополитом Антонием. О. Нафанаил писал: «Хотя наша семья была с ним лично знакома издавна, и наш отец, вопреки многому, пользовался любовью Владыки, ... мне тогда увидеть митрополита Антония не удалось». «Через руки великого митро-

полита Антония», по словам о. Нафанаила, он «воспринял от Церкви Христовой высокий сан игуменский».

В 1935 году о. Нафанаил сопровождал Нестора в миссионерской поездке на Цейлон. По возвращении в Харбин был возведен в сан архимандрита. В 1939 году назначен Архиерейским Собором помощником настоятеля Почаевской обители в Ладомирове, в Словакии. Занимался миссионерской деятельностью, писал статьи и книги. Среди них – апологическая повесть «Семь Святых Таинств», предназначенная для православных людей России с надеждой, что в трудные годы лишений принесет многим «великую духовную пользу».

В конце II мировой войны о. Нафанаил был переведен в Берлин настоятелем кафедрального Воскресенского собора.

В самом начале мая 1945 года, за несколько дней до сдачи Гамбурга англичанам, архимандрит Нафанаил вместе с иеромонахом Виталием перебрались в Гамбург. Здесь Нафанаил стал инициатором создания (а затем и председателем) Комитета русской православной эмиграции, который спас от насильственной репатриации тысячи русских.²⁷⁸ 10 февраля 1946 года митрополит Антоний в Женеве рукоположил архимандрита Нафанаила в сан епископа Брюссельского и Западно-Европейского. Нафанаилу удалось добиться от французских властей разрешения на переезд из Югославии во Францию монахинь Леснинского монастыря.

В 1952 г. епископ Нафанаил был назначен администратором русских приходов в Северной Африке, с 1954 г. окормлял приходы в Майнгейме и Берлине. В 1966 г. стал настоятелем монастыря Св. Иова Почаевского в Мюнхене, с 1971 г. управлял Австрийской епархией. В 1981 г. возведен в сан архиепископа Венского и Австрийского.

По воспоминаниям, владыка Нафанаил прекрасно проводил богослужения. У него не было музыкального слуха, но голос был чист, ясен и проникновенен. Он обладал природным даром проповедника, был необыкновенно эрудирован, в совершенстве владел богословием, философией, русской и всемирной литературой, откли-

---

²⁷⁸ См. об этом в приложении к настоящему изданию: Архиепископ Нафанаил. Воспоминания о борьбе с насильственной репатриацией в Гамбурге в 1945 г.

кался на самые актуальные вопросы в области истории, которую знал и любил, или Священного Писания, археологии, астрономии, даже зоологии. Живой, оригинальный лектор, интересный собеседник, он на все и вся имел свои мысли, никогда не отклоняясь от учения святых отцов церкви.

Последние годы владыка Нафанаил безвыездно жил в обители преподобного Иова Почаевского. Когда он тяжело заболел и нуждался в усиленном уходе, братия не пожелала отдать владыку в старческий дом и с большим терпением ухаживала за настоятелем.

Архиепископ Венский и Австрийский, преосвященнейший Нафанаил мирно скончался 8 ноября 1985 года, в день великомученика Дмитрия Солунского. Тело покойного предано земле на архиерейском участке русского кладбища в Висбалене.

Перу владыки Нафанаила принадлежат несколько книг. Многочисленные статьи его печатались в «Харбинском православном голосе», в «Православной Руси», в православных сборниках в Париже, в «Церковном Голосе» и в «Вестнике Православного Дела Западной Германии», неоднократно передавались западными радиостанциями на русском языке.

В 1991 – 1995 гг. комитетом Русской православной молодежи за границей в Нью-Йорке все труды владыки были собраны, они составили 5-томное издание под названием «Беседы о Священном Писании и о вере». В предисловии к I тому епископ Манхэттенский Илларион, председатель комитета Русской православной молодежи за границей, писал: «Беседы...» архиепископа Нафанаила представляют собой уникальное явление в русском богословии. Автор «Бесед...» – личность неординарная и неоднозначная. Он прошел сложный жизненный путь и впитал в себя духовный опыт различных церковных течений, с которыми его богатая судьба довела его познакомиться. Россия, Маньчжурия, Европа, Америка, Африка, – где бы он ни был, проблемы местной церкви его волновали в одинаковой мере, и везде он оставил память о себе в своей эрудированной и актуальной церковной публицистике. ... Читатель легко заметит одно редкое писательское качество архиепископа Нафанаила: о чем бы он ни писал или говорил – о далеком от нас историческом всемирном по-

топе или о делах африканских – он совершенно естественно и непринужденно переходит к одной единственной теме, которая является темой и смыслом всей его жизни – Бог, церковь, душа, Спасение и... Россия».

219/183. Григорий Владимирович (27.12.1907, Москва – декабрь 1941, Гонконг)

Жена: 1) Наталья Михайловна Сахарова (родилась 1904);
2) Зоя Ильчук.

Иван, Василий и Григорий Львовы.
Фото 1910-х гг.

220/183. Иван Владимирович (26.02.1909 – 01.11.1938)

Родился в Петербурге. Детство провел в имении Кротково Бугурусланского уезда Самарской губ., где и получил домашнее образование. Воспитанием детей занимались гувернеры – англичанин и французка, поэтому Иван владел английским и французским языками. Весной 1917 года он с братьями проживал в г. Бугуруслане на попечении двоюродной сестры матери, так как родители жили в это время в Петербурге (отец, Владимир Николаевич, после февральской революции был членом Временного правительства), готовился к поступлению в реальное училище. В сентябре 1918 г. семья вынуждена была эвакуироваться на Восток, куда отходила Белая Армия. Один год, пока жили в Томске, учился в Алексеевском реальном училище. В начале 1920 г. переехали в г. Харбин, где Иван учился в гимназии им. Хорвата и вынужден был работать по найму. Окончил Американский коммерческий институт в г. Чифу. В 1927 г. работал в банке торгово-финансовой корпорации «Трифткор», с 1928 преподавал английский язык в фирме «Оппенгейм и Беркович» и вел переписку с иностранными фирмами. Одновременно работал телефонистом в междугородной конторе Харбин – Владивосток. В 1929 г. переехал в

Иван Владимирович Львов.
Фото 1936 г. (Архив ФСБ
г. Владивостока)

Шанхай, работал в газете «Слово» и в американской страховой компании «Эйжалайор» стенографистом-машинистом. В 1930 г. открыл свою школу, в которой преподавал английский язык, стенографию, машинопись, бухгалтерский учет на протяжении пяти лет. Разработал учебник английского языка. Женился на Надежде Анисимовне Бойко (отец ее служил на Китайской восточной железной дороге). В 1934 г. родился сын Лев. В 1935 году, в связи с эвакуацией советских служащих КВЖД в СССР, жена с родителями и годовалым ребенком уехала в Самару. Иван Владимирович, получив визу на въезд в Советский Союз, приехал во Владивосток под

фамилией Осипов. Работал преподавателем английского языка в педагогическом техникуме (институте) иностранных языков. В августе 1937 г. арестован НКВД. 1 ноября 1938 г. расстрелян по обвинению в шпионской деятельности. Реабилитирован посмертно «за недоказанностью обвинения» в 1963 г.

Место погребения установить не представляется возможным. Известно только, что места массового захоронения граждан, репрессированных во Владивостоке в 1930 – 1940 гг., находятся в районе городского кладбища, где установлен памятный знак.

Жена: **Надежда Анисимовна Бойко** (07.02.1910 – 18.09.1989) Родилась в Харбине. Ее отец, Анисим Маркович Бойко, родился под Каменец-Подольском (Западная Украина), откуда был призван в армию, служил в казачьих войсках, принимал участие в русско-японской войне 1905 г.; георгиевский кавалер. После войны продолжал службу в воинских частях, созданных для охраны строящейся Китайской восточной железной дороги (КВЖД), по окончании службы работал там же. Женился, жил с семьей в г. Харбине, в собственном доме. Надежда Анисимовна окончила зубоврачебную школу в г. Шанхае. Там и познакомилась со своим будущим мужем. В 1935 г. выехала вместе с родителями и годовалым сыном из Харбина в г. Самару.

В 1937 г. репрессирована. Десять лет провела в Карагандинском лагере. Жила в с. Долинка (Карагандинской обл.), в Караганде. После реабилитации в 1955 г. переехала в Ленинград, работала зубным врачом. Последние годы провела в Москве.

Погребена на Митинском кладбище.

221/184. Николай Федорович (1912 – 1918)

222/184. Наталья Федоровна (родилась 23.09.1903, Москва)

Муж: Николай Андреевич Третьяков (родился 29.01.1898, Ossa Perm)

XXIII

223/199. Мария Николаевна (родилась 1929, Берлин)

Муж (с 15.06.1952, Буэнос-Айрес): граф Сергей Николаевич Коновницын.

224/200. Павел Александрович (родился 06.08.1941)

Проживает в Хельсинки (Финляндия).

Жена: Инкери.

Павел Александрович Львов с женой Инкери и сыном Марком.

Фото 1996 г., Хельсинки

225/209. Алексей Владимирович (родился 1929, Белград)

Проживает в Сиднее (Австралия).

Жена (с 1957): Светлана Игнатъевна Иванова.

226/211. Михаил Александрович (родился 21.12.1923, Париж)

Проживает в Нью-Йорке (США).

Жена: Люсиль Любрей (родилась 10.12.1922, Саутбридж, Массачусетс, США)

227/215. Николай Николаевич Корзухин-Львов (родился 1940, Торжок)

В 1964 г. закончил инженерно-строительный институт, инженер-строитель.

Жена: Нина Федоровна Раевская (1937, Москва – 1987), модельер-конструктор.

228/219. Игорь Григорьевич (родился 1931, от первого брака)

В доме Алексея Владимировича Львова в Сиднее. Слева направо: Светлана Игнатъевна, Марина, Алексей Владимирович, Алексей, Михаил Александрович с женой.

Фото 1998 г.

Проживает в Сиднее (Австралия).

Жена: Гвинетта.

229/219. Алексей Григорьевич (от второго брака)

Проживает в Австралии.

230/220. Лев Иванович (родился 1934)

Врач, проживает в Москве.

Жена: Алла Петровна Лизунова (родилась 12.08.1939).

Окончила МЭИ, инженер-электрик. Проживает в Москве.

Алла Лизунова и Лёва Львов.
Фото 1944 г., Рузаевка

XXIV

231/224. Марк Павлович

Проживает в Хельсинки, журналист.

232/225. Марина Алексеевна (родилась 05.10.1960)

Проживает в Сиднее (Австралия).

233/226. Mark Michel (родился 09.12.1952, Стамбул, Турция)

Жена (с 11.06.1977, Нью-Йорк): Nan Rittmaster (родилась 1952, Нью-Йорк).

234/226. John Michel (родился 23.12.1954, Бейрут, Ливан)

235/226. Матвей Michel (родился 20.10.1960, Бейрут, Ливан)

236/227. Андрей Николаевич (родился 1972)

Окончил Московскую медицинскую академию им. И.М. Сеченова, дерматовенеролог, кандидат медицинских наук. Проживает в Москве.

Жена: Алеся Геннадьевна Прищепа (родилась 1976, Балашов Саратовской обл.). Окончила Московскую медицинскую академию им. И.М. Сеченова, акушер-гинеколог, аспирант.

237/230. Татьяна Львовна (родилась 16.11.1961)

Окончила Московский институт химического машиностроения, инженер. Проживает в Москве.

Муж: Александр Владимирович Билецкий (родился 14.03.1965), окончил философский ф-т МГУ.

238/230. Мария Львовна (родилась 13.11.1974)

Окончила Московскую юридическую академию, юрист.

Муж: Андрей Леонидович Афицинский (родился 1967), окончил физико-математический ф-т Нальчинского государственного ун-та, канд. физико-математических наук.

Сидят: Николай Сергеевич Толстой, Николай Николаевич Бобринский,
стоят: Николай Николаевич, Лев Иванович Львовы.

Фото 1993 г., Москва

Приложение

Аттестат

«1782 года апреля в 22. По указу Ее Императорского Величества в Коллегии иностранных дел определено: дать находившемуся в ведомстве оной Коллегии посольства советнику Николаю Львову по прошению его аттестат следующего содержания:

Аттестат

1782 года апреля в 30. По указу Ее Императорского Величества и по определению Государственной Коллегии иностранных дел дан сей аттестат находившемуся в ведомстве оной Коллегии посольства советнику Николаю Львову в том, что в службе состоит с 1759-го году, сначала в лейб-гвардии Преображенском полку, где произшел от бомбардир до сержантов, и находился при означенной Коллегии в курьерской должности, откуда неоднократно посылаем был в разные иностранные государства к обретающимся там Ее Императорского Величества министрам, и возложенные на него комиссии исправлял с отличным усердием и исправностью, 1775 года 10 июля на поднесенном от означенного полку Ее Императорскому Величеству докладе и на оной последовавшей высочайшей Ее Величества конфирмации пожалован он Львов с прочими от армии капитаном и 1776-го 5 июня по прошению его, а по определению помянутой Коллегии в рассуждении знания его итальянского, французского и немецкого языков принят в оную тем чином для потребления его на оных языках в переводах и других делах; по его способностям 1779 года 5 мая при издании нового Коллегии Иностранных дел стата

Высочайшим имянным Ее Императорского Величества указом пожалован в секретари осьмого класса на ваканцию того чина при оной Коллегии, 1781-го апреля 21-го высочайшим же имянным Ее Императорского Величества указом пожалован в чине посольства советника к дрезденскому министерскому посту, по высочайшей Ее Величества воле он остался здесь и был употребляем при Кабинете, а минувшего марта 10-го дня по высочайшему же имянному Ее Императорского Величества указу определен в Главное почтовых дел правление на место советника. Во все время бытности своей в ведомстве Коллегии поручаемые ему дела и должности исправлял при благородном поведении с отличною точностию, таковым же прилежанием и похвальным усердием, во свидетельство чего и дан ему по прошению его настоящий аттестат:

Подписано по сему:

граф Иван Остерман
Александр Безбородко
Петр Бакунин¹

---

¹ АВГР. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Ед. хр. 1563. Л. 4 – 5 об. Печатается по: К.Ю. Лапшо-Данилевский. Новые данные к биографии Н.А. Львова (1770-е годы) // Русская литература. 1988, № 2.

Письма

**Александра Николаевича Львова
к жене Наталье Николаевне¹**

1. Августа 29 дня 1834 года, Ольшанка²

Друг мой бесценный. Сегодня на досуге расскажу тебе, как провожу время с тех пор, как из Тамбова писал к тебе. В субботу, то есть 25 августа, поехал я в Ольшанку, приехал к вечеру, часу в одиннадцатом; Веринька и Бороздины, воротившиеся из Воронежа тому четыре дня, уже собирались спать. Все встали, и мы часика два проболтали. Они, благодаря Бога, все здоровы и совершили свое путешествие благополучно. На другой день, в воскресенье, 26, день твоих и Наталиных именин, пошли мы к обедне, за обедом пили ваше здоровье, а после обеда все отправились в село Пушино смотреть новокупленное имение и крестьян.³ Все были в восхищении от местоположения и должен сознаться, что в самом деле прекрасно. Представь себе местоположение гористое, с высоты открываются прелестные картины, под горой река Ворона извивается по богатым нивам, осененная дубовым лесом, теряется в отдаленности. На покатоности горы прекрасный дубовый лес, в котором очень легко сделать английский сад, под горою сад фруктовый, в котором много яблонь, и яблоки очень вкусны. Но что меня всего более радует, на самой на горе богатый родник, который употребив с пользою, можно иметь повсюду чистую воду, как для дома, так и для поливки садов. Крестьяне села Пушина приняли меня как нового помещика; они вообще в хорошем положении, и строение у них прекрасное. Осмотрев имение и полюбовавшись местоположением, возвратились мы домой. На другой день, в понедельник, 27, после обеда поехали мы все вместе в Бобылевку.⁴ Скажу тебе,

---

¹ Обширная семейная переписка Львовых хранится в ГАРФе. Впервые публикуются пять писем А.Н. Львова к жене 1830-х – 1840-х гг.

² Ольшанка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии – имение сестры А.Н. Львова Веры Николаевны Воейковой.

³ А.Н. Львовым было приобретено село Никольское-Пушино в Кирсановском уезде Тамбовской губернии (255 душ муж. пола).

⁴ Резанов Брод, или Бобылевка, Балашовского уезда Саратовской губернии (1308 душ муж. пола) – родовое имение, полученное Александром Николаевичем от отца, П.А. Львова.

Друг мой безумный. - Сяди на дурно
русскую твою как пудовую в время с
могъ поръ какъ изъ Маубова нисать
къ тебе. къ Рубому т. е. 25 Августа, пофайт
и въ Олешанку, пофайт въ Вереу тамъ
въ одинадцатомъ; Купилъ какъ Кордунскъ
Коротвицкскъ изъ Воронежскъ мою Кемпер
Дукъ, упръ Собишнскъ Енанъ? Кисъ Османъ
и мнѣ тамъ два проболетелъ. Онъ и каро-
Дажъ Кора въ Здаоттѣ и Свѣршишии свое
Путешествиѣ Маронскскъ. Кудриво
Дукъ въ Вереуеи 26. Дукъ твоеи, и
Каманскскъ, Кидонскъ, Пошии
и мнѣ къ обрвди. За обрвди Пошии Сани
Здаоттѣ. а пошии обрвди въ отпавшии
въ Сани Пущини Свѣтлостъ новѣршии
и мнѣ и Кудриво. Въ Свѣтлостъ
въ Вереуеи отъ Мосманскскъ

друг мой милый, что всю дорогу думал я, предвидя после такого года все неприятели, которые меня в Бобылевке ожидают. Фантастическое мое воображение в сем случае послужило мне к добру. Благодаря Бога нашел я все гораздо лучше, нежели ожидал, гумны по-прежнему красуются золотистыми скирдами, на всех лицах увидел я спокойствие и надежду; крестьяне как бы встали от тяжелой болезни с чувством восторга и благодарности, приготавливают богатую жатву на продажу. Болезней, которых мы страшились, почти нет, у нас в Бобылевке, по рапорту Ивана Яковлевича, больных всего 46 человек, более лихорадки, от овощей, дынь и арбузов. Брат Константин Матвеевич⁵ и Пашинька,⁶ осмотрев хозяйство наше, дом, перковь и окрестности, сознались, что я им так усердно занимаюсь. Им так наши мосты понравились, что брат просил меня прискочить ему купить землю в намерении когда-нибудь переселиться в нашу сторону. Во вторник, 28, воротились мы в Ольшанку, сегодня 29, мы отдыхаем, а завтра, 30, едем с Веринькой провожать Бороздиных до Тамбова. Простившись с ними и возвратясь в Бобылевку, примусь за дело; и обещаю тебе, друг мой, постараюсь отделаться как можно скорее. Из Москвы писал я к брату Свечину⁷, просил его приехать, надеюсь, что не откажет, жду его и постараюсь удержать до моего к тебе отъезда. Веринька тоже за дело еще не принимались, как отпустим дорогих гостей, засядем за работу. Вот тебе, друг мой бесценный, полный отчет до сего дня..., завтра писать будет некогда, рано собираемся выехать в Тамбов. В Бобылевке угощала нас милая Мапа⁸, привезла с собою что могла; ей отдал ключи наши, подушки, посуду, приборы и проч. И угостили Бороздиных как умели. У нас нынешний год, как нарочно, фруктов было множество, одних вишен продано 9 пудов, крыжовника 3 пуда, яблок и смородины, всего на сто рублей. Много испортилось всего в подвале, все нас ожидали. Право, друг мой милый, хорошо здесь жить, и Пашинька говорит, как должно вам казаться ничтожным наше хозяйство, и как мы перед вами жалки, бедны.

---

⁵ Прасковья – сестра А.Н. Львова, Константин Матвеевич Бороздин – ее муж.

⁶ Свечин Иван Васильевич, двоюродный брат.

⁷ Мария Алексеевна Воейкова, племянница А.Н. Львова.

⁸ Мария Ивановна, Танюша – лица не установленные.

Погода стоит у нас прекрасная, желательно бы было дождя для всходов озимого хлеба. Старушка Марья Ивановна с нами в Ольшанке. Кажется, сватовство Танюши расстроилось.⁸ Марья Ивановна поручила мне тебе кланяться и ребяток перечеловать. Прошай, моя душаточка милая, целую тебя от всего сердца и деточек наших, Христос с вами, целую вас еще тысячу раз. Будьте здоровы.⁹

2. Июля 1 дня пятница, 1838

Друг мой милый. Завтра в субботу собираюсь я выехать из Москвы в Бобылевку, где надеюсь получить твои письма. Перед выездом моим из Петербурга заметил я, что ты желала бы провести зиму в Петербурге, впрочем, ты и сама мне о том говорила. Ты не сомневайся, друг мой милый, как бы мне приятно было сделать тебе удовольствие, но как подумаю, с какими хлопотами сопряжена эта поездка, так, поверишь ли, тоска берет. Долго ли нам эту цыганскую жизнь вести и, сверх того, расуди сама, как возможно мне будет управлять опекою и делами Дьяковой из Петербурга, когда все дела, бумаги и опека в Москве. Елизавета Алексеевна так неопытна, что без меня ничего сделать не умеет.¹⁰ К тому же пустая жизнь петербургская, ра... (*неразб.*) и праздность для меня пагубны. Ты знаешь, как я слаб и как скоро увлекаюсь стремлению того круга, в котором живу. Ты сама видела, что присутствие мое в Петербурге бесполезно по делам брата Александра, к тому же, признаюсь, не надеюсь, чтоб мог он любить кого-либо как должно; я, по совести моей, уговаривать его не намерен, и рисковать счастьем милой Вериньки было бы грешно – теперь ты сама рассуди, что же я буду делать в Петербурге?¹¹

Не отнимаю от тебя, друг мой, воли, если ты чувствуешь, что обязанность твоя по чувству к родителям велика и что ты упрекнуть себя мо-

⁹ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 28 – 29 об.

¹⁰ А.Н. Львов управлял опекой детей двоюродного брата, Алексея Николаевича Дьякова, Елизавета – его старшая дочь.

¹¹ Александр Николаевич Мордвинов (1799 – 1858) – брат жены А.Н. Львова, после смерти жены Анастасии Алексеевны Яковлевой (в 1833 г.) женился в 1839 г. на графине А.П. Толстой. В письме речь идет, возможно, о несостоявшемся сватовстве его к Вере Аркадьевне Столыпной, племяннице жены А.Н. Львова.

жешь, что не провела остатки дней с ними, друг мой, оставайся в Петербурге, я буду жить в Москве один. Не подумай ты, друг мой, чтоб я не разделял с тобою твоих чувств, напротив того, я сам готов все для них сделать и если б не стечение обстоятельств, я готов бы был, несмотря на хлопоты переезда и расстройство домашнее, сделать им угодное. Все эти мысли меня ужасно как тревожат, и оттого я так грустен, что не вижу конца моему странствованию. Прощай, друг мой милый, целую тебя и ребяточек, Христос с вами.

Если б брат А<лександр> в чувствах своих переменялся и решил бы любить как должно, и попросил бы моего содействия, тогда бы мог себе в утешение сказать, что присутствие мое в Петербурге к чему-нибудь и послужило, а без того, право, по совести нечего там делать.¹²

3. Июня 19 дня 1840 (1846) г., Бобылевка

Ее высокоблагородию милостивой государыне Наталье Николаевне Львовой в Ольшанку

Друг мой милый! Доехал я благополучно, тебе же советую ехать на Карай сестры Веры Николаевны, там, говорят, дорога лучше. Посылаю к вам два тарантаса и ожидать вас буду в пятницу, если погода хорошая. Пишу к старосте в Пушино к пятнице привести вам лошадей на все три тарантаса, постарайся часов в 9 утра выехать, в Карае ожидать тебя будут лошади из Бобылевки. Попроси сестру Веру Николаевну и Леонида¹³ к нам в Бобылевку приехать, покуда каменщиков нет, этим временем можно воспользоваться и у нас побывать. Бобылевка так похорошела, что я забыл было все путевые неприятности. Дорога недурна и, право, приехать можно. Прощай, друг милый, целую вас всех от души и ожидаю с нетерпением.

А. Львов¹⁴

---

¹² ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 14.

¹³ Леонид Алексеевич Воейков – сын Веры Николаевны.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 22 – 22 об.

4. Мая 3 дня 1843 года, Москва

Вчера получил я письмо твое, друг мой милый, которое меня порадовало; а перед этим от брата Константина Матвеевича, которое меня успокоило насчет вашего благополучного приезда в Петербург, поблагодари и поцелуй его за меня хорошенько, что он поспешил меня порадовать. С самого вашего отъезда погода переменилась, холодный ветер, дождь и снег продолжались до сего дня, так что я принужден был топить в доме печи. Отправив вас, принялся я за поправки и починки. Живописцы залу уже расписали, на будущей неделе обещают окончить гостиную. Печники переделали все печи в доме, которые уже восемь лет как не поправлялись, по приезде твоем надобно будет перебрать остальную печь в уборной, которая тобою заперта. Я очень рад, что эти переделки я сделать мог при себе, потому что поручить было бы некому. Сверх того, люстры во всем доме переделали заново; крышу на доме, кухню и конюшню порядил я перекрасить; и вся эта работа меня занимает в мои досужие часы. По утрам бываю я в должности до обеда, а по вечерам навещают меня мои знакомые. Узнай, друг мой, пообстоятельнее, число и месяц кончины тетеньки Дарьи Алексеевны, я желал бы учредить в новоотделанной богадельне, чтоб навсегда служили бы в этот день по ней панихиды, на каковой предмет заказываю я особый образ во имя ее ангела.¹⁵

Ты пишешь, друг мой, что твои родные нерадостно приняли тебя, узнав, что лето ты с ними провести не можешь. Как быть, нельзя всего соединить, хорошо и то, когда Бог приведет повидаться. Когда-то сестра Веринька собирается поехать в Ольшанку, не вместе ли предполагаете выехать из Петербурга, на всякий случай ты, друг мой, меня за недельку уведоми вперед, дом наш в величайшем беспорядке и нет угла никакого для помещения. Производимые работы продолжатся, как я полагаю, от сего числа еще недели две, то чтоб принять гостей, нужно бы мне знать

---

¹⁵ Д.А. Державина умерла 16 июня 1842 года. По-видимому, речь идет о богадельне, отстроенной по инициативе Ф.И. Гааза и А.Н. Львова от Комитета попечительного о тюрьмах общества.

¹⁶ Брат Леонид Николаевич Львов, по причине болезни своих детей, длительно проживал с семьей во Франции.

наперед. Надеюсь, друг мой, что ты ко мне писать будешь, как только время позволит. Пиши про всех наших и узнай, каково здоровье брата Леонида и полагает ли он нынешним летом воротиться в Россию.¹⁶ Прошайте, друзья мои милые, целую тебя и деточек наших, благословение мое им посылаю. Сестру Вериньку, невесту с женихом, Варю и Лёну,¹⁷ и всех от всей души целую.

А. Львов¹⁸

5. Июля 23 дня, 1848 года, с. Бобылевка

Ее высокоблагородию милостивой государыне Наталье Николаевне Львовой в Москву на Арбат у Спаса на Песках в собственном доме

Приехали мы благополучно в Бобылевку в среду поутру, 21 числа. Перенес я дорогу горазло лучше, нежели ожидал, ни одного раза не было со мной вертежа, и по сие время чувствую себя хорошо. Прибытие мое в Бобылевку было необходимо во многих отношениях, если бы я мог знать и предвидеть те упущения, которые в отсутствие мое были сделаны во время появления холеры, я бы еще весною приехал в Бобылевку; обо всем этом обстоятельно переговорим, когда увидимся, скажу только, что от эпидемии вымерло у нас в Бобылевке 180 человек.

Бурмистра я застал больным, у него была прежде холера, которая перешла в воспалительную горячку; когда я приехал, он был еще очень дурен, но теперь, благодаря Бога, ему стало легче, и я надеюсь на его выздоровление.

От сильных жаров, которые постоянно продолжаются около трех месяцев, все в поле выгорело, и трав не косили, лист с деревьев весь свалился, так что и тени найти в лесу невозможно; бедственное положение крестьян и угрожающий голод, как людям, так и скоту равнодушно видеть нельзя. Ожидая выздоровления бурмиистра, чтобы сделать некоторое домашнее распоряжение и облегчить положение крестьян. Никогда я не видал Бобылевку в таком жалком положении, общее уныние не-

---

¹⁷ Вероятно, невеста с женихом – Мария Воейкова и Дмитрий Поленов, Варя и Лена – Варвара и Елена Бороздины.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 18 – 19 об.

вольно наводит тоску; хотя болезнь прекратилась, но угрожающее бедствие, как пережить зиму, всякого тревожит.

Сестра Вера Николаевна с детьми еще в Рассказове,¹⁹ сего дня ожидают ее в Ольшанку, и я полагаю, что в воскресенье 25 числа сего месяца она приедет ко мне в Бобылевку. Вот тебе, друг мой милый, все наши новости, как скоро покончу необходимые дела, которые требуют моего собственного разрешения, поспешу воротиться в Москву. Прошайте, будьте здоровы, целую вас всех мысленно.

А. Львов²⁰

---

¹⁹ Рассказово Тамбовской губернии – имение Александра Александровича Полторацкого (1792 – 1855), свояка мужа Веры Николаевны Воейковой, она была в свойственных отношениях и с его женой Екатериной Павловной, урожд. Бакуниной (1795 – 1869).

²⁰ ГАРФ. Ф. 6014. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 24 – 25 об.

Рассказы, заметки и анекдоты из записок **Елизаветы Николаевны Львовой**

ИМПЕРАТОР ПЕТР I И КН. ЯКОВ ДОЛГОРУКИЙ

В царствование государя Петра князь Долгорукий, будучи сенатором, приезжает в Сенат, где было экстраординарное собрание в день праздничный, и ему показывают подписанный указ государем императором для наложения особого налога на соль, потому что царю деньги были нужны. Князь Долгорукий, живо представя себе, как будут роптать на указ, не мог воздержать первого чувства, по любви его беспредельной к государю взял указ, разорвал его, сел в свою повозку и поехал к обедне. Приезжает государь в Сенат и первую вещь видит разорванный свой указ; чрезвычайно рассердившись, приказал послать в церковь за Долгоруким; обедня еще не отошла, и он царским посланным отвечал: «Воздадите кесарю кесареви, а богу богами». Ответ сей еще более разгневал царя и, увидя чрез несколько минут, что Долгорукий подъезжает к Сенату, царь Петр с обнаженною шпагой выбежал к нему навстречу. Князь упал пред ним на колени и раскрыл свою грудь.

– Рази, государь, – сказал он ему, – вот грудь моя! Но выслушай меня прежде: тебе нужны деньги для продовольствия твоей армии и для этого ты хотел наложить налог, что ролило бы ропот на тебя; моя душа этого не вытерпела; и без налога продовольствие армии будет; у Шереметева сто тысяч четвертей муки, у меня столько же, сотоварищи наши отдадут тебе, что могут, и больше тебе ничего не нужно.

Государь поднял Долгорукого, расцеловал его и неоднократно просил у него прощения.

ФЕДОР СОЙМОНОВ

При императрице Анне Иоанновне Бирон был всемогущ и все его боялись. Федор Иванович Соимонов был тогда уже александровский кавалер; ему приходится сказать в одно утро: «Не ездь в Сенат, потому что там читать будут дело Бирона и ты пойдешь против».

– Поеду, – отвечал Федор Иванович, – и буду говорить против: дело незаконное.

– Тебя сошлют в Сибирь.

– И там люди живут, – отвечал Соимонов. Поехал в Сенат, говорил против Бирона и от этого четыре раза был ударен кнутом на площади. лишен всего и сослан в Сибирь. Императрица Елизавета Петровна, вошед на престол, поспешила Федора Ивановича воротить и отдала ему все почести и всю свою доверенность.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

Однажды государыня Екатерина, будучи в Царском Селе, почувствовала себя нехорошо; приехал Рожерсон, ее любимый доктор, и нашел необходимым ей пустить кровь, что и сделано было тотчас.

В это самое время докладывают государыне, что приехал из Петербурга граф Александр Андреевич Безбородко узнать о ее здоровье.

Императрица приказала его принять.

Лишь только граф Безбородко вошел, императрица Екатерина смеясь ему сказала:

– Теперь все пойдет лучше: последнюю кровь немецкую выпустила.

Вы знаете, что в сочельник, канун Рождества Христова, простолюдины не едят «до звезды», в память той звезды, которую увидели волхвы на востоке, как родился Спаситель. В то время уже многие завидовали уму и положению Суворова при дворе императрицы Екатерины, которая была к нему очень милостива и желала непременно к празднику пожаловать ему святого Андрея Первозванного знаки, но завистники Суворова отклонить умели царицу, и она его сим орденом не украсила, а Суворов уже уведомлен был об этом, и, как будто в вознаграждение, пригласила Суворова к ней в самый сочельник кушать. Сели за стол; граф ничего не кушал и салфетки не снимал; государыня, приметя это, спросила причину.

– Звезды не вижу, ваше величество, – отвечал Суворов.

Императрица усмехнулась, встала из-за стола, взяла свою Андреевскую звезду и положила Суворову на тарелку, сказав:

– Ну, теперь кушать будешь, граф.

Имея привычку очень рано вставать, императрица Екатерина часто сама разводила огонь в своем камельке, не желая беспокоить никого из ее прислужников; у лампадки своей зажигала свечи и садилась работать в тишине; теперь еще мы восхищаемся, читая, что она в эти часы своею рукой оставила нам написанное. Однажды проснувшись, увидя, что лампадка ее погасла, она тихонько отворяет дверь в соседнюю комнату; часовой, стоявший у дверей, не ожидая видеть царицу, а может быть, и вздремнув на часах, отдал ей честь ружьем, но лишь ударил им об пол, ружье выстрелило и пуля ударилась в потолок. Кажется, как бы в эту минуту в тишине ночной не испугаться, услыша выстрел? Но государыня не потеряла нисколько присутствия духа, твердо сказала только часовому:

– Зачем у тебя ружье было не в порядке?

Вот что рассказал мне граф Николай Петрович Румянцев, которого отец так близок был к императрице Екатерине: однажды в большой праздник, за столом, один из пажей, служа императрице, наступил на ее кружева и разорвал. Императрица сделала маленькое движение в досаде; паж так испугался, что тарелку супа пролил на ее платье. Она засмеялась и сказала:

– *Vous m'avez punie de ma vivacité*.¹

Хемницер, сочинитель первых наших басен русских, которые он поднес маменьке моей, когда она еще была не замужем, был самый близкий знакомый и приятель всему кругу моих родителей; его все любили, почитали как добрейшего человека; кротости был необыкновенной, но так рассеян, что часто друзья его клали ему в карман салфетку на место платка носового, останавливали его как вора, укравшего ложку серебряную, и много подобных делали над ним шуток; он все с великим терпением выносил и кроткою улыбкой наказывал тех, которые поднимали его на смех; вечно был в кругу богатых и значащих людей и вечно нуждался в жизни; служил в Смирне консулом и уважаем был всеми и, наконец, скончался в крайней нужде.

Н.А. Львов сделал ему памятник с этою надписью:

---

¹ Ты меня наказал за мою живость (*фр.*).

Жил честно, целый век трудился
И умер гол, как гол родился.

Государь Павел, будучи в Москве во время коронации, сказал однажды при Н.А. Львове:

– Как желал бы я иметь хороший план Москвы.

Через несколько времени Львов ему его подносит – гравированный отлично, со всеми подробностями, кругленький, в ладонь величиной. Государь был в восхищении; обнял своего «кума», вышел из кабинета и сказал тут стоящим:

– Отгадайте, что мне Львов положил на ладонь? – Москву.

– Что мудреного, ваше величество, – сказал Н.А. Львов, – когда у вас Россия под рукой!

КАСКАД В ГАТЧИНЕ

Николай Александрович Львов, рожденный с необыкновенными дарованиями, имел еще ко всему этому дар употребить всякую ничтожную вещь в пользу и в украшение; поэтому вы можете судить, как он примечал все; однажды, гуляя с Обольяниновым по Гатчине, он заметил ключ, из которого вытекал ручеек самый прекрасный.

– Из этого, – сказал он Обольянинову, – можно сделать прелесть, так природа тут хороша.

– А что, – отвечал Обольянинов, – берешься, Николай Александрович, сделать что-нибудь прекрасное?

– Берусь, – сказал Н.А. Львов.

– Итак, – отвечал Обольянинов, – сделаем сюрприз императору Павлу Петровичу. Я буду его в прогулках отвлекать от этого места, пока ты работать станешь.

На другой день Н.А. Львов, нарисовав план, принялся тотчас за работу; он представил, что быстрый ручей разрушил древний храм, которого остатки, колонны и капители, разметаны были по местам, а иные, вполнину разрушенные, еще существовали. Кончил, наконец, Н.А. Львов работу, привозит Обольянинова ее посмотреть; он в восхищении его целует, благодарит.

– Еду сейчас за государем, – сказал он, – и привезу его сюда, а ты, Николай Александрович, спрячься за эти кусты, я тебя вызову.

И в самом деле, как это был час прогулки государя, он через несколько времени верхом со свитой своею приезжает, сходит с лошади, в восхищении хвалит все. Обольянинов к нему подходит, говорит что-то на ухо; государь его обнимает, еще благодарит, садится на лошадь и уезжает, а Львов так и остался за кустом, и никогда не имел духа обличить Обольянинова перед государем.

ПРИОРАТ В ГАТЧИНЕ

Вы, верно, видали строение в Гатчине, на левой руке отсюда, не доезжая до дворца, который направо; скажу вам, что его построил Н.А. Львов, двоюродный брат Федора Петровича Львова, и вот каким образом. Государь Павел Петрович жил всегда в Гатчине при императрице Екатерине, и все лето проживал там, когда и воцарился. Он любил очень Н.А. Львова, который часто находился при нем, звал его «кумом», хотя никого из нас он не крестил; разговаривая с ним о том, что Н.А. Львов заметил в чужих краях, узнал, что он многие постройки сделал у себя в деревне (в Никольском <...>) из земли, составленной с малою частью известки и песку.

– Я хочу, – сказал государь, – чтобы ты мне построил здесь, в Гатчине, угол избы с фундаментом и крышкою.

Н.А. Львов тогда же выписал двух наших мужиков, Емельяна и Андрея, в Гатчину; стали они работать в саду, куда и государь Павел, и великий князь Александр Павлович с прекрасною его супругою Елизаветою Алексеевною приходили всякий день смотреть их успехи; когда часть стены уже была выведена, Елизавета Алексеевна однажды пришла и острым концом своего парасоля стала стену сверлить; но видя, что едва со всею силою могла сделать в стене маленькую ямочку, обернулась к Н.А. Львову, сказала ему:

– Je ne m'attendais pas m-r Lvoff, que votre mur en terre puisse ktre aussi dur².

---

² Я не ожидала, г-н Львов, что ваша земляная стена может быть такой твердой (*фр.*).

Пришел государь Павел и, увидя, что уже с самого фундамента земляная стена и крыша соломенная (которая особенным манером крылась), все готово, приказал принести двое золотых часов с цепочками и сам их подарил Емельяну и Андрею. Но этим государь не удовольствовался; он был человек очень умный, но вспыльчивого нрава и имел как будто что-то странное... Что особенно не нравилось в нем – это слепое его подражание пруссакам и желание все русское переделать на их лад; конечно, много хорошего в чужих краях, но уже по большому пространству России не все и годится нам. Однако землебитное строение заняло государя Павла; он тотчас повелел из каждой нашей губернии отправить к нам в Никольское по два мужика обучаться оному, что весною и было исполнено; с лишком сто человек явились и с того начали, что стали строить себе казарму, в которой потом и жили. Государь, увидев оконченный угол в саду гатчинском, сказал Н.А. Львову, чтобы он выбрал в Гатчине, где хочет, место и построил бы ему Приорат. Н.А. Львов отличный был в тогдашнее время архитектор; он нарисовал план Приората, который был государем утвержден; но, несмотря на повеление его дать место Львову для построения Приората, Петр Хрисанфович Оболянинов, который тогда был первое лицо при государе, за разными причинами в отводе места Н.А. Львову отказывал; наконец, эта комедия Львову надоела; он поручил Оболянину выбрать самому место. Какое же место выбрал он? Вообразите – болото, в котором собака вязла. Н.А. Львов, видя, что все это неудобство на него происходило от зависти, сказал Оболянину:

– Я и тут построю Приорат, только он государю стоять будет более ста тысяч рублей, потому что я должен осушить это болото.

– Ну, делай как хочешь, – отвечал Оболянинов, и Н.А. Львов приступил к работе. Хотели, по зависти, чтобы она не удалась, и тем переменить мысли государевы на счет Львова, а вышло иначе; так Богу угодно всегда завистливых людей наказать. Землю, что вырвали из болота, все возили на одно место, и от этого сделался пригорок средь прекрасного озера, на котором Приорат с башнею своею, вышиною двух сажен с лишком, сделанною из земляного кирпича, красовался всем на удивление. Это похоже было на то, что случилось с французским сочинителем *Beaumarchais*³; он сочинил прекрасную

---

³ Бомарше (*фр.*).

комедию «Le mariage de Figaro»⁴; его стали гнать ужасно и притеснять разным образом; он и написал другую: «Le barbier de Sŕiville»⁵, и она имела такой успех, что все тогда же сказали: «On a poursuivi Beaumarchais et il s'est sauvŕ sur un pŕidestal»⁶. Так случилось и с Н.А. Львовым: он сам выбирал скромные места для постройки Приората, а судьба поставила его на возвышенном месте; где прежде не было ни одного деревца, но посаженные Н.А. Львовым с большим тщанием деревья все принялись прекрасно и украсили бывшее болото, и даже теперь можно было бы и срубить некоторые, чтобы вид более открыть. Вот уже теперь 57 лет, что Приорат стоит неповрежденным; года три тому назад, когда были маневры близ Гатчины, А.Ф. Львову была в Приорате отведена квартира, и он не мог надивиться, как хорош был в нем воздух, и даже живопись, исполненная по сырой штукатурке, что называется по-итальянски *al fresco*⁷, по сию пору еще в хорошем виде. Н.А. Львов недолго радовался всему этому, потому что он скончался в 1807 г.⁸ и имел еще огорчение заслужить негодование государя Павла, которого уверили, что руками тех мужиков, что присланы были учиться землебитному строению, он будто украшал свое село Никольское. Он, точно, вынужден был строить, чтобы их учить, но как не подумали, что одной земли для этого было мало, что для строения нужен лес, железо, стекла и пр.; что все эти издержки расстраивали Н.А. Львова, а не богатели, и, наконец, время доказало, что все строения были не нужны для украшения Никольского, потому что впоследствии моя мать принуждена была все их скрыть; слишком дорого ей было ненужные строения поддерживать в порядке.

Однажды граф Кутайсов (который из пленных турок попал в фавориты государя Павла Петровича, сделался большим барином, имел все ордена и, наконец, получил графское достоинство) шел по коридору Зимнего дворца с Суворовым, который, увидя истошника, остановился и стал кланяться ему в пояс.

---

⁴ «Свадьба Фигаро» (*фр.*).

⁵ «Севильский цирюльник» (*фр.*).

⁶ Бомарше преследовали, и он спасся на пьедестале (*фр.*).

⁷ Фрески (*ит.*).

⁸ Е.Н. Львова ошибается: Николай Александрович умер в 1803 году (*ред.*).

– Что вы делаете, князь, – сказал Суворову Кутайсов, – это истопник.
– Помилуй Бог, – сказал Суворов, – ты граф, а я князь; при милости царской не узнаешь, что этот будет за вельможа, то надобно его задобрить наперед.

ДЕРЖАВИН

Неблагонамеренные люди умели так не расположить государя Александра Павловича к дяде моему Гавриилу Романовичу Державину, что он решился подать в отставку, когда его удалили от генерал-прокурорства. Государь, увидя его, просит Державина остаться в Государственном совете и Сенате.

– Нет, ваше величество, – отвечал Державин, – позвольте мне совсем идти прочь, тем более, что в Сенате вы меня не увидите, а в Совете не услышите.

Гавриил Романович Державин известен был тем, что готов был умереть за правду и не раз доказывал это в живых спорах, которые он имел и с императрицею Екатериною, и с государем Павлом. Однажды, в царствование этой государыни, его упросили не ехать в Сенат и сказаться больным, потому что боялись правды его; долго Державин не мог на это согласиться, наконец, желчь его расходилась; он точно не был в состоянии ехать, лег на диван в своем кабинете и в тоске, не зная, что делать, не будучи в состоянии ничем заняться, велел позвать к себе Прасковью Михайловну Бакунину <...>, которая в девушках у него жила, и просил ее, чтоб успокоить его тоску, почитать ему вслух что-нибудь из его сочинений. Она взяла первую оду, что попалась ей в руки – «Вельможа» – и стала читать, но как выговорила стихи:

Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять – и правду говорить...

– Державин вдруг вскочил с дивана, схватил себя за последние свои волосы, закричав:

– Что написал я и что делаю сегодня! Подлец!

Не выдержал больше, оделся и, к удивлению всего Сената, явился; не знаю наверно, как говорил он, но поручиться можно, что душою не покривил.

Я вспомнила, что мой дядя Гавриил Романович Державин написал про стихи Ф.П. Львова; однажды, придя в кабинет его и найдя на столе у него раскрытую книжку, в которой он писал и поправлял свои стихи, Державин взял перо и написал следующее:

Пиши, о Львов, пиши
Ты чувства твоей души, –
И не пиши ты ничего иного,
Поэт ты будешь века золотого!

Можно себе представить, как такая похвала славного нашего поэта порадовала Ф.П. Львова; он так знал, любил и почитал Державина, и все эти чувства он так прекрасно излил в оде на смерть Державина; осьмая строфа особенно мне нравится:

Нет места скорби в дверях гроба,
Где прах Державина сокрыт!
Здесь обессиленная злоба,
Там громоносный правды щит,
Тут лира под венцом лавровым,
А тут к отечеству любовь!

Строфу эту я велела выгравировать на памятнике, который поставила дяде Державину.

А как утешительна последняя строфа:

О лира! стонешь ты невольно!
Грусть рвет тебя из рук моих!
Я знаю, что где сердцу больно,
Там свет ума темнеет вмиг.
Но знай, что Запад возвещает
В блистательной заре Восток.

Граф Николай Петрович Румянцев, у которого Ф.П. Львов служил, был один из трех сыновей Петра Александровича Румянцева, который заключил славный Кайнарджийский мир, по которому все татары крымские, буджакские и кубанские объявлены были независимыми от Порты и русским кораблям было предоставлено свободное плавание по Черно-

му морю и Архипелагу. Петр Александрович был необыкновенного ума человек и не удивлялся, что ни один сын не родился в него.

– Женили меня, – говаривал он, имея выговор малороссийский, – на Голицыной, и что мудреного, что все сыновья мои вышли дураки.

И точно, все трое ничего не значили и умерли в неизвестности; Николай Петрович не службою достиг звания государственного человека, а потому, что был сын гр. Румянцева, воспитывался в Париже и был, можно сказать, начитанная пустая голова. Был он министром коммерции, и тогда-то Ф.П. Львов у него служил и все говорили в Петербурге, что «Львов вытаскивает из грязи Румянцева», и даже была сделана карикатура, в которой был представлен Румянцев, сидящий в тачке, и Львов его из лужи вывозит с трудом. И от этой молвы, которая, может быть, и доходила до Румянцева, иногда он, чтоб доказать, что не Львов, а он все делает, часто Ф.П. Львова приводил в большое замешательство. Однажды он ему докладывал, когда камердинер графа вошел и сказал: «Граф Сергей Петрович».

– Как это несосно, – отвечал Николай Петрович, – люди незанятые всегда мешают дело делать. – И Сергей Петрович входил.

– Как я рад тебя видеть, друг мой, – говорил граф, – садись, пожалуйста, только позволь продолжать Федору Петровичу докончить докладную записку, – и тут же просил Ф.П. Львова начать читать. Лишь только тот прочитал несколько строк, граф его останавливал.

– Что такое? Помилуй, Федор Петрович, ты умный человек, а на тебя иногда находит столбняк; что это ты тут написал? Совсем не то, что надобно и что я хотел.

И тут же начинал очень красноречиво, но без всякого толка, говорить совершенную нелепицу. Ф.П. Львов с большим удивлением смотрел ему в глаза, никак не понимая, чего он хочет, и лишь только в оправдание скажет слово, граф останавливает его, повторяя: «На него находит иногда столбняк». Сергей Петрович, думая, что он, может быть, тут лишний, откланивался брату, и лишь только он выходил в другую комнату, смеючись, Николай Петрович говорил Ф.П. Львову:

– Оставь все по-старому на бумаге, все прекрасно, я хотел только доказать брату, а он и другим скажет, что не все же ты работаешь за меня.

Не помню кем, кажется, Лампием написан портрет императрицы Екатерины II, в котором она представлена сжигающей благовонный фи-

миам перед бюстом Петра I на пылающем жертвеннике с надписью: «Начатое совершаю». И точно, многое ею было окончено. Она носила в перстне портрет Петра Великого и однажды принц де Линь (Prince de Ligne), который находился при ней посланником от Австрийского двора, спросил ее:

– Pourquoi votre Majesté porte-t'-Elle ce portrait?

– Je le consulte a toute heure, гйpondit l'Impйratrice.⁹

Императрица Екатерина II, учредив Академию художеств, приказала так ее построить, чтобы в середине ее был круглый двор, обнесенный всем строением академии; удивленный таким приказанием, гр. Безбородко, который должен был изменить план, поданный им императрице, спросил ее, почему она именно желает иметь круглый двор в академии.

– Для того, – отвечала Екатерина, – чтобы все дети, которые тут учиться будут, имели бы ежеминутно величину купола с<вятого> Петра под глазами и соображались с ним в своих архитектурных проектах.

Иногда императрица Екатерина, хотя не большой была знаток в музыке, но любила ее слушать и приказывала князю Платону Александровичу Зубову устраивать у нее квартеты и комнатные концерты. Выслушав однажды квартет Гайдна, она подозвала Зубова к себе и сказала ему на ухо:

– Когда кто играет solo, я и знаю, что как кончится, его аплодировать должно, но в квартете я теряюсь и боюсь похвалить некстати; пожалуйте, взгляни на меня, когда игра или сочинение требует похвалы.

После славного мира Кайнарджийского Румянцев, сидя за обедом со всем своим штабом, принял курьера из Петербурга; граф приказал курьеру принести депеши, что он привез; распечатав первый пакет от императрицы, узнает, что его государыня назначает фельдмаршалом. Прочитав вслух рескрипт, улыбнувшись, он сказал: «Государыня жалует меня фельдмаршалом; она ошибается, я рожден фельдмаршалом».

---

⁹ – Почему ваше величество носит при себе этот портрет?

– Потому, что я ежечасно с ним советуюсь, – ответила императрица (*фр.*).

Во время Итальянской кампании (1799 г.) назначен был в Вене военный совет, и все генералы были к нему приглашены с тем, что всякий из них должен был привести свой план, как продолжать войну. Явился и наш Суворов; все сели вокруг стола и по очереди каждый читал свой план кампании; как очередь дошла до Суворова, он, держа свиток бумаги, положил его на стол; раскрыли его, и что же нашли? – Белую бумагу. Все удивились, а Суворов, смеючись, сказал:

– Если бы шляпа моя знала планы мои, то я бы и ее сжег.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

Иван Андреевич Крылов жил долго в доме у Николая Александровича Львова, где он был принят двенадцатилетним мальчиком по бедности; отец его был бедный тверской дворянин и, не имея возможности воспитывать сына своего Ванюшу дома, отдал его Петру Петровичу Львову, который умным мальчиком занимался, учил, чему мог, а между тем как Ванюша вырос и сделался расторопным молодым человеком, всегда был чисто и пристойно одет, и как в доме Петра Петровича людей было мало, то часто, как гости, бывало, приедут, то кто-нибудь из хозяев и скажет: «Ванюша, подай в гостиную поднос с чаем», – и Крылов ловко исполнял желание хозяев и получал благодарность от доброго и умного Петра Петровича. Потом Крылов отправлен был в Петербург и уже там известен стал всей России своими прелестными баснями. Часто посещал он и наш дом, хотя решительно никогда не упоминал о доме Петра Петровича; может быть, очень самолюбие его страдало, вспоминая, что он служил там иногда как лакей, и немудрено, что он никогда об этом и не говорил, но всегда был в доме Ф.П. Львова самый близкий человек; почти всегда у нас читал он свои новые басни и любил часто у нас обедать, потому что простой наш стол и не церемонный прием всегда ему нравились.

Вскоре после моей свадьбы как-то раз Иван Андреевич Крылов пришел к нам обедать; покушал всего с обыкновенным своим аппетитом, потому что любил покушать; подали мне делать салат; я взяла плетеную бутылочку, в которых, бывало, всегда привозили нам из Италии масло, понюхала ее и говорю буфетчику: «Масло не хорошо». Но как другого

достать было долго, я принуждена была с этим же маслом сделать салат, и Крылов мне сказал:

– Вы еще молодая хозяйка, примите мой совет; вашего салата я уже не возьму, потому что вы сказали масло не хорошо, а я бы, очень может быть, сам бы и не заметил; хорошая хозяйка прежде обеда пересмотрит все или прикажет доверенному человеку это сделать; уже поздны замечания, когда уже гости за столом! Точно так же хорошая хозяйка и не совсем удачное блюдо порочить не должна, гости, если и заметят, как гости деликатные, промолчат, а другие бы и не приметили, если бы хозяйка сама не заставила бы их приметить.

*Н.И. Мердер*¹

Из далекого прошлого
(Тетушка Вера Николаевна Воейкова)

...Оторванный от среды, в которой он рос и воспитывался, отец² мой к саратовскому обществу, в которое на целых двадцать семь лет закинула его судьба, не привился, и, кроме нескольких друзей из прежних товарищей по военной службе, найденных здесь случайно, старика Костиевского, Андрея Гавриловича, Граббе, Петра Христофоровича, полковника в отставке Энгельмана и еще трех-четырех из приятелей, им обретенных в Петербурге и в Варшаве, где революция 30-х годов застала его при штабе великого князя, у него в Саратове близких не было. К здешнему обществу он относился с предубеждением и недоверчиво, как к людям, не имевшим с ним ничего общего ни в мыслях, ни в чувствах.

Взяв жену из этого общества, одной из представительниц которого являлась ее мать, Надежда Христиановна (по первому мужу Григорович, по второму Молчанова, саратовская помещица и мать шести дочерей, вышедших замуж за здешних помещиков), он вскоре доказал своей теще, что, сделавшись мужем ее дочери, навсегда останется чужим для всей ее семьи. Маменька должна была покориться мужу в полном смысле этого слова и совсем оторваться от своей родни, к которой она, впрочем, и не очень тяготела душой, а когда муж повез ее в Петербург и познакомил со своими родственниками, она поняла как нельзя лучше его страстное желание перевоспитать ее на свой лад. Вернулась она в Саратов восхищенная всем, что видела и слышала в новой среде, и с твердым желанием сделаться достойной ласкового внимания папенькиных двоюродных бра-

---

¹ Надежда Ивановна Мердер, урожденная Свечина (1839 – 1906) – писательница (см. о ней 93/88). Воспоминания посвящены В.Н. Воейковой, урожд. Львовой (111/94). Печатаются в сокращении по изданию: Н.И. Мердер. Из далекого прошлого (Тетушка Вера Николаевна Воейкова) // Исторический вестник. 1909. № 11, 12.

² Иван Васильевич Свечин. Его мать – Елизавета (Евдокия) Александровна, урожд. Львова (93/88).

тьев и сестер Львовых с их семьями; но особенно глубокое впечатление сделала на нее Вера Николаевна Воейкова, к которой муж возил ее в деревню Тамбовской губернии Ольшанку.

По рассказам маменьки, по тому, как любил и уважал ее папенька, никогда не называвший ее иначе как сестрицей, я давно была знакома с Верой Николаевной, и невзирая на застенчивость и понятный страх показаться такой важной даме неловкой провинциалкой, личное с нею знакомство представлялось мне большим счастьем, и я всей душой расположена была к ней привязаться, но то, что я в ней нашла, превзошло все мои ожидания. Такой сердечной доброты, заботливости, ласкового внимания и простоты, при блестящем образовании, широком уме и благородстве чувств и мыслей, я даже представить себе не могла. Не только аристократического чванства, но и сознания своего превосходства над окружающим ее людом не было в ней ни единой капли. Впоследствии мне случилось ее видеть в Москве, принимающей важных барынь, близких ко двору, с которыми она обходилась точно так же, как с мелкопоместными соседками в Ольшанке. Разговоры только были другие.

Родных со стороны деда, Василия Карповича Свечина, отца папеньки, мы не знали. Гвардейским офицером и богатым помещиком Тверской губернии дед женился на Елизавете Александровне Львовой, сестре близкого ко двору талантливого Николая Александровича.

...

Дедушка Василий Карпович Свечин был человек нехозяйственный и нерасчетливый, большой хлебосол, затейник дорогих развлечений во вкусе тоглашнего времени и далеко не примерный муж. Бабушка была с ним несчастна. Старики и старухи, которых мы застали в живых в родовом нашем имении Торжковского уезда Смердове (некогда богатом селе в несколько тысяч душ крестьян и так быстро раставшем в руках деда, что от него остался только клочок земли с флигелем да запущенный уголок некогда роскошного парка), старики эти нам рассказывали про горькую жизнь молодой барыни Елизаветы Александровны, как она забивалась на полати в детской, на антресолях, чтобы не встречаться с веселым обществом мужа. Не довольствуясь кутежами с такими же, как и сам он, беззаботными приятелями, приезжавшими к нему охотиться за дичью и за хорошенькими новоторжками издалека, он завел себе целый гарем

продажных красавиц, на которых просаживал свое состояние. Его несчастная жена, не перестававшая, ни на что не взирая, любить неверного мужа, не в силах была выдержать нравственную муку, которой ее подвергали, и скончалась, когда третьему ее сыну, нашему отцу, было лет пять. Второму его брату, Егору, было лет шесть, а старшему, Василию – семь. Вскоре за женой последовал и муж. Дети остались круглыми сиротами и были призрены родственниками, Львовыми и Державиными, у которого уже воспитывались другие сироты, дети родной сестры его жены, Дарьи Алексеевны, Марьи Алексеевны Львовой. Но в то время как дети Свечиных, благодаря отцу их, разорались, состояние Львовых, благодаря правильной жизни Николая Александровича и его хозяйственным способностям, а, может быть, также и помощи со стороны Дьяковых, увеличивалось, так что большая часть земель нашего Смердова послужила к округлению имения Никольского, Николая Александровича Львова, тоже в Новоторжском уезде Тверской губернии. Круглые сироты и разоренные малолетние Свечиные, Егор, Василий и Иван, нашли приют и родственное попечение у родственников с материнской стороны, Львовых. Ни малейшего следа участия к ним не встречаем мы со стороны родных их отца, Свечиных. В чем искать причину этого явления, в духовном ли складе обеих семей, или в других каких-нибудь обстоятельствах, сказать не могу, знаю только, что других родных, кроме Львовых, наш отец не знал, и растили нас в чувствах любви и благодарности к Львовым, а в особенности к детям брата нашей бабушки, Николая Александровича: Александру Николаевичу, женатому на дочери Николая Семеновича Мордвинова, Леониду Николаевичу, женатому на Козляиновой, Лизавете Николаевне, замужем за Федором Петровичем Львовым, Вере Николаевне – за Воейковым, и Прасковье Николаевне – за Бороздиным.³ На дочери этой последней, Варваре Константиновне, то есть на своей двоюродной сестре, к величайшему смущению родных и прискорбию матери, женился сын Веры Николаевны, Леонид Алексеевич,⁴ и, вскоре овдовев, поселился с маленькой дочерью Ольгой в имении матери Ольшанке. Когда скончалась наша мать, он приезжал навестить папеньку и прожил у нас с неде-

---

³ См. 108/94 – 112/94.

⁴ См. о нем 111/94.

лю, я его очень мало видела, и единственное впечатление, оставшееся у меня от него, была его наружность: очень красивая и благородная, но довольно-таки высокомерная и презрительно-сдержанная. На меня он, разумеется, никакого внимания не обратил: девочка тринадцати лет интересоваться его не могла.

Впоследствии я узнала, что он привез папеньке предложение от матери взять меня на полное попечение. Тетушка предлагала заняться окончанием моего воспитания, возить меня с собою в Петербург и вообще заменить мне мать. Отца очень тронуло это предложение, но согласиться на него вполне он не решился и надумал воспользоваться им только наполовину, а именно привозить меня на лето в Ольшанку, где тетушка проводила большую часть года. Раньше она и по зимам не всегда ездила в Петербург, но с тех пор, как семейство дочери ее, Марьи Алексеевны Поленовой, увеличилось и приезжать для свидания с матерью в деревню ей было уже не так удобно, как раньше, Вера Николаевна ездила к ней на зиму, а в Ольшанке оставался Леонид Алексеевич, из которого начал выработываться замечательно хороший хозяин. У тетушки был еще сын, Алексей Алексеевич, как и брат, воспитывавшийся в лицее, тогда еще царскосельском. Леонид Алексеевич вышел в военную службу, а Алексей Алексеевич, который вследствие несчастного случая в детстве остался на всю жизнь хромым, прослужив короткое время, кажется, в сенате, вышел в отставку и проживал за границей, к величайшему огорчению своей матери.⁵ Страстная патриотка, она, вероятно, под впечатлением рокового поветрия, совратившего такое множество людей из ее общества в католичество, с особенным страхом и отвращением относилась к стремлению русских искать удовлетворения своих умственных, душевных и эстетических потребностей только в чужих краях и в чужих людях и особенно ревниво относилась к охранению православия и русской самобытности как в семье своей, так и в среде многочисленного подвластного ей народа.

В доме ее я нашла истинно русский барский обиход; ей я обязана русскими духовными началами, которые с годами не только не рассеива-

---

⁵ А.А. Воейков служил в Военном министерстве и в «Русской миссии» в Берлине, после выхода в отставку в чине надворного советника и генерал-майора жил в Тамбове. (Кученкова В.А. Тамбовские городские некрополи. Тамбов, 2001. С. 35.)

лись, но все крепче и сознательнее развивались в моей душе. ... Кажется, ни одному из нас, кроме меня, не суждено было очнуться от папушенного тумана новых идей, и исключение это я всецело приписываю влиянию тетушки Веры Николаевны.

...

Очень молоденькой девушкой, красивая, богатая и обласканная царскою фамилиею, Вера Николаевна Львова вышла замуж за избранника сердца и, не задумываясь, покинула блестящий свет, рассталась с обожающими ее братьями и сестрами, с многочисленными родственниками и знакомыми одного с нею общества, воспитания, привычек и вкусов, чтоб следовать за опальным мужем в глушь Тамбовской губернии, где им пришлось, по часто слышанному мною от нее выражению, «все устраивать с начала для жизни». Принялись знакомиться с населением, с его нуждами, строить дом, разводить сад, устраивать хозяйство на новых, в тогда еще почти диком крае, неизвестных началах. Оба были молоды, полны сил и энергии, блестяще образованны, одухотворены высшими идеалами любви к России, представлявшей им в лице русского народа. Народ этот, по их понятиям, надо было учить и воспитывать для Бога и для родины, и это была их прямая обязанность, от которой грешно и стыдно отказываться. Девять блаженных лет трудились молодые супруги над этой святой задачей и многого успели достигнуть, когда смерть сразила мужа во цвете лет, не дав ему дожить до реабилитации перед царем и русским обществом, остающимся до сих пор в недоумении перед таинственной опалой, постигшей так неожиданно одного из выдающихся героев Отечественной войны.

Естественно было ожидать, что молодая красавица, вдова Алексея Васильевича Воейкова, уступит просьбам родных и вернется со своими тремя детьми в Петербург, где ей, может быть, предстояла блестящая судьба, но она предпочла остаться в Ольшанке, среди народа, оплакивавшего вместе с нею того, который был ей дороже жизни и мертвый – милее всех живых людей на земле. Здесь не забвения (забывать она и не желала), а нравственной силы на жизненную деятельность искала она в неустанном продолжении начатых с ним трудов; она докончила постройки, заложенные им, господский дом, больницу, школу для крестьян, заложила фундамент красивой большой каменной церкви, не переставая

при этом заботиться о благоустройстве и благолепии церковного обихода в старом, деревянном храме, скромно прятавшемся за чудным новым зданием, для которого деятельно готовились образа, вышивались ковры, воздухи и пелены в продолжение многих лет. Четыре лета сряду провела я в Ольшанке, но освящения новой ольшанской церкви не дождалась; торжество это произошло, когда я уже была замужем, и узнала я о нем из писем тетушки Веры Николаевны и из рассказов ее при нашем свидании в Москве, в 1859 году,⁶ в доме покойного брата ее, Александра Николаевича, на Арбатской площади, где она останавливалась проездом из Ольшанки в Петербург.

Тетушка Вера Николаевна не снимала траура по мужу до самой смерти, но носила она его очень элегантно и производила, даже в преклонных годах, впечатление замечательно добродушного и жизнерадостного существа, всем страстно интересующегося, с в высшей степени своеобразным, можно сказать, рыцарским взглядом на жизнь, на обязанности, которые она никогда не отделяла от привилегий. Многого требовала она от людей высшего сословия и неумолима была к уступкам с их стороны в том, что она считала неотъемлемыми правами дворянства: честь имени, безграничное самопожертвование на благо родины, преданность царю. Резко отграничивала она то, что не дворянину – извинительно, а дворянину – непροститительно. Никто лучше нее не понимал оттенка между этими двумя словами «честь» и «совесть» и не судил так строго утративших самую способность различать смысл подобных понятий.

В деревне, даже при самой деятельной жизни, времени на чтение и на учение всегда остается много, и она широко пользовалась этим, чтобы читать все, что появлялось нового в литературе, а в особенности по части истории, но излюбленным ее занятием было перечитывание всего, что касается Отечественной войны, и историю 1812 года Михайловско-Данилевского она, без сомнения, знала почти наизусть. Сколько, бывало, раз, заставляя меня читать из этой книги какую-нибудь главу, с описанием события, которого А.В. Воейков был участником или свидетелем, прерывала она меня, чтоб объяснить, и всегда с живостью, часто запаль-

---

⁶ Согласно тексту храмосданной таблицы (краеведческий музей г. Уварово), освящение церкви произошло в 1860 г.

чиво, неверности, допущенные историком в своем повествовании. В увлечении своем она высказывала предположения, возникавшие в ее уме по мере того, как воскресало в ее памяти слышанное от мужа или от других свидетелей описываемого факта, на которых она и строила свои гипотезы, без сомнения, весьма драгоценного, для выяснения истины, свойства, к сожалению, утраченные для потомства, так как ни ей самой, ни ее слушателям не приходило в голову записывать ее слова.

Да она бы, может быть, этого и не позволила. Русские женщины ее времени мало оставили после себя письменных документов. Выставляться в печати порядочной женщине считалось неприличным, и единственный документ, оставленный Верой Николаевной Воейковой, была записка о таинственной опале, постигшей А.В. Воейкова, найденная мужем ее внучки, И.П. Хрущевым, в Воейковско-Поленовском архиве.⁷ Как это на нее похоже! Как красноречиво это доказывает ее страстное желание очистить память обожаемого ею мужа от недоразумения и клеветы! Надо ее знать так, как я ее знала, чтоб понять, с каким чувством писала она эту заметку, как страдала, переживая вторично давно всеми, кроме нее, забытое! Как важно казалось ей то, что она нашла нужным поведать русским людям будущего века! И сколько трагизма найдут в этом рассказе те немногие, способные угадывать душу прежних людей по оставшимся после них письменным документам, невзирая на сдержанность выражений и на полное отсутствие каких бы то ни было бьющих на эффект слов.

Одна жестокая и до сих пор не разгаданная таинственность души царя Александра I способна поставить в недоумение историка и романиста своим роковым обаянием. Люди, коротко его знавшие и, как Воейков, беспричинно пострадавшие от него, избегали всяких про него разговоров... из опасения высказать о нем свое личное мнение, может быть, и повергнуть этим людей в еще большее умственное смятение? А может быть, у них не находилось слов, чтоб выразить невыразимое противоречие и непонятное слияние добра и зла, тьмы и света в этом человеке?

---

⁷ Воспоминания В.Н. Воейковой. М., 1903; Старина и новизна. 1904. Кн. 7. Иван Петрович Хрушов (1838 – 1904) – филолог, педагог, член Совета министерства народного просвещения, был женат на Вере Дмитриевне Поленовой (1844 – 1881), внучке В.Н. Воейковой. Работал с семейным архивом Воейковых – Поленовых.

Сколько горя причинил он Вере Николаевне, сколько слез заставил он ее пролить, а между тем трудно решить: чего было у нее в сердце больше: ненависти или любви к нему?

Когда меня представили тетушке Вере Николаевне, это была женщина, которой на вид казалось не более сорока лет, полная, со здоровым румянцем на свежем лице, прекрасными карими глазами и поистине очаровательной улыбкой. Быстрой, легкой походкой прохаживалась она по дорожкам роскошного цветника, благоухающего перед широкой террасой небольшого, но замечательно поместительного и уютного дома, останавливаясь то тут, то там, чтоб подвязать, понюхать или сорвать цветок. Она так их любила, что раз как-то, осенью, обходя со мною дальние грядки и увидев пышно расцветшую розу, она пришла в такой восторг от этого прелестного сюрприза (розы уже давно отцвели во всем саду), что, пригнувшись к цветку, поцеловала его.

Оранжереи у нее были богатейшие, а также и теплицы для редких фруктов; ее яблоневые и грушевые деревья были известны по всей губернии, и между садовниками, воспитанными в Ольпанке, под ее непосредственным руководством, были такие же страстные любители садоводства, как и сама барыня. К этим своим сподвижникам по уходу за растениями она особенно благоволила, и, слушая ее продолжительные с ними разговоры об их общих любимцах, трудно было себе представить, чтоб речь шла о неодушевленных предметах, а не о живых существах. Впрочем, тетушка Вера Николаевна была уверена, что у растений есть душа.

В сравнении с оранжереями и теплицами, огромным, прекрасно содер­жан­ным садом с большим, глубоким прудом и тесными аллеями, барский дом казался очень скромным, но в то время за роскошным убранством жилых комнат не гонялись, и в ольшанковском доме можно было найти ту же мебель, что и во всех деревенских домах тогдашних бар, те же диваны, обитые доморощенным тиком, с вышитыми хозяйками и их многочисленными воспитанницами подушками, те же столы и стулья из ясеневоего и дубового дерева, довольно грубой и аляповатой работы своих столяров, те же шпалеры из разрисованного домашними живописцами холста или раскрашенные по трафарету незатейливыми узорами стены, те же пейзажи работы детей или племянников и племянниц на этих

стенах, с фамильными портретами над диванами. В Ольшанке портретов было множество; расставаясь навсегда с близкими сердцу, понятно, что Вера Николаевна захотела увезти с собою их изображения, а так как Боровиковский, Тропинин и Левицкий были свои люди в доме Державина, то портреты эти представляли собою настоящие произведения искусства.⁸ Над первым диваном, стоявшим против двери на террасу, красовался знаменитый портрет певца Фелицы в халате, ночном колпаке, с собачкой на руках. Как в соседней зале, служившей также и столовой, со стареньким клавесином, двумя лужинами стульев и длинным столом посреди, так и в гостиной было темно от великого множества растений, наставленных перед окнами, захватывая собою и простенки и углы. Высокие до потолка цветущие деревья, невзирая на отворенные окна, наполняли весь дом благоуханием. В гостиной их было такое множество, что комната эта производила впечатление оранжереи. Тут, на диване против двери в залу, перед большим столом, украшенным искусными инкрустациями из разноцветного дерева, работы сына ее, Леонида Алексеевича, который пристрастился к этому искусству и достиг в нем большого совершенства, составляя рисунки по живым цветам и копируя даже и колера их из разноцветного дерева, она проводила ненастные вечера, когда дождь или буря мешали сидеть на террасе или под деревьями недалеко от дома. И тут она заставляла нас, меня и дочь ее покойной сестры Прасковьи Николаевны Бороздиной⁹ (круглой сироты, воспитавшейся у дочери ее, Марьи Алексеевны Поленовой), читать ей вслух избранные главы из Михайловского-Данилевского или что-нибудь из французских классиков – последнее часто по инициативе ее сына, который занимался с нами географией, всеобщей историей, заставляя нас рисовать исторические карты, с сравнительными хронологическими таблицами, с обо-

---

⁸ В.Н. Воейковой принадлежали портреты: первой жены Державина, Екатерины Яковлевны, урожд. Бастидон, «Торжковской крестьянки Христины» работы В.Л. Боровиковского (1795 г., ГТГ). На раме надписи: «портрет ... крестьянка Христинья кормилица В.Н. Воейковой, урожденной Львовой ... с натуры Боровиковской», «Подарен мне маменькой 22 июля 1869 г. в день именин моих в ПБ М. Поленова». (Алексеева Т.В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII – XIX веков. М., 1975.)

⁹ Елена Константиновна Бороздина (1837 – 1922), см. 112/94.

Пруд в парке. Ольшанка. В.Д. Polenov. 1877 г.

значением современных правителей государств, великих людей и выдающихся событий во всем известном мире. За этими занятиями, а также за упражнениями на клавесине и за выучиванием наизусть сцен из Расина и Корнеля, поэм Жуковского, стихов Державина, переводов с русского на французский язык и тому подобными занятиями мы проводили утром часа три-четыре, в то время как тетушка толковала со своими фельдшерами, старым и молодым, недавно окончившим курс в какой-то школе, кажется, в Москве. Этот лечил в аллопатической больнице, а старик – в гомеопатической. Впрочем, можно сказать, что оба только следили за ходом болезней, чтоб доносить о нем подробно тетушке: назначала лекарства большею частью сама барыня, изучившая медицину так досконально, что приводила в изумление своими познаниями не только своих фельдшеров из крепостных, но и доктора, приезжавшего в определенные дни в Ольшанку проверять действия врачебного персонала и поговорить с тетушкой о вынесенном им впечатлении от осмотра больниц. В эти дни тетушка особенно волновалась, и спорам с доктором о преимуществах

гомеопатии над аллопатией не было конца. Аккуратно велись реестры болезней, вылеченных тем и другим способом, и тетушка Вера Николаевна с живостью семнадцатилетней девочки летала из одной больницы в другую в сопровождении посетителя, чтоб доказать преимущество системы Ганемана над аллопатией. Подавался завтрак, во время которого она была рассеянна и беспрестанно осведомлялась, пришли ли фельдшера, с которыми наверху, в ее комнате, предстояло совещание, которому тетушка придавала очень важное значение, как всякому делу, которым она занималась.

...

После завтрака и до обеда тетушка ходила по саду, заглядывала в оранжереи и в теплицы, поднималась по узкой и крутой лестнице в ковровую, где ткали ковры по узорам, ею составленным, и ею изобретенным способом, которым она не могла не гордиться, потому что таких ковров в то время нигде не умели делать, кроме как в Ольшанке. Кажется, шерсть красили здесь же, потому что я помню, что тетушке приносили образчики колеров, которые она сравнивала с живыми цветами прежде, чем решить, удалась ли краска или нет.

Про вышивания, которые у нее делались, говорить не стоит: в то время не было порядочного дома, где бы этим не занимались, но вообще не было работы, которая под ее наблюдением не доводилась бы до совершенства.

Деятельности она была невообразимой, каждую минуту можно было ждать ее появления в школе, в ковровой, в ткацкой, в аптеке, в больнице, даже на птичье и в коровнике. Часто ездила она на хутор, где были овчарни, и в дальние поля, чтоб обозревать поля, засеянные пшеницей, льном, овсом и проч. Занимали ее чрезвычайно и ульи, которые она развела в лесах, у берегов живописной Вороны. Все ее занимало и восхищало, все ей здесь было близко к сердцу, во всем видела она создание своего незабвенного друга, возрастающее и процветающее по его планам и указаниям, как он желал, чтоб было. Сколько раз слышала я от нее, что она всем ему обязана, что взял он ее совсем глупой, неопытной девушкой, чтоб сделать из нее человека. «И вот он теперь оттуда видит, что вышло из Ольшанки!» – прибавляла она к этому со слезами восторженного умиления на глазах.

Ту же страстную заботливость проявляла она и к детям своим, неустанно следя за малейшими подробностями их жизни, давно уже отдельной от нее, переписываясь с дочерью каждый день и если не так часто с меньшим сыном, Алексеем, который жил в то время за границей и, поддаваясь современному течению, во многом начинал уже от нее отходить, то, разумеется, по его же вине. Как она скорбела на краткость его писем, на то, что часто не знает, где он и что с ним. Чувствуя нашу любовь, она перед нами не скрывала ни мыслей своих, ни чувств. Старший ее сын, Леонид, как сказано выше, переехал к ней жить после поразившего его горя, смерти молодой жены, и она имела великое счастье воспитывать его дочку, Олю, которой было три-четыре, когда я в первый раз приехала в Ольшанку. Можно себе представить, какими попечениями, какою любовью был окружен этот ребенок! Бабушка не скрывала своего счастья иметь ее при себе. Впрочем, тетюшка Вера Николаевна никогда не скрывала ни чувств своих, ни мыслей; более чистой, откровенной природы я не встречала в жизни. Душа ее осталась молодой всю ее долгую жизнь, и за несколько дней до смерти она так же негодовала на подлость и зло и восхищалась прекрасным, как во дни своей ранней юности. Заставить ее поверить злу было трудно, во всем и во всех искала она хорошую сторону, но когда убеждалась в ошибке, гнев свой она проявляла с такой наивною запальчивостью, что, слушая ее негодующую речь, трудно было удержаться от улыбки. Старые друзья ее это знали и некоторым из них, как, например, Андрею Ивановичу Сабурову и Александру Александровичу Полторацкому, владельцу села Рассказова, мужу Катерины Павловны, рожденной Бакуниной, это было известно как нельзя лучше, когда они, приезжая в Ольшанку, доводили ее часто до слез рассказами об ужасах прогрессирующего зла в передовых умах Европы.

...

Ничего так не боялась Вера Николаевна, как влияния католической пропаганды на русских детей. Только много лет спустя узнала я причину этого страха, когда судьба столкнула меня с детьми родителей, заразившихся тлетворною душевною эпидемиею, наделавшей так много бед в России в конце XVIII столетия до воцарения государя Николая Павловича. Тогда только поняла я, что, заставляя меня рассказывать про то, что она знала лучше меня, ей хотелось удостовериться, что врагам нашей

святой веры не удалось на меня повлиять ни в нравственном, ни в религиозном отношении. Все четыре года, что я приезжала к ней, испытывала она мой образ мыслей и, кажется, оставалась довольной результатом экзамена. Русской я родилась и русской всегда оставалась. Всегда, с тех пор, как я себя помню, ощущала я безотчетное и непреодолимое отвращение ко всякого рода отклонениям от православия и к мистическим измышлениям иноземных мечтателей, пытающихся пустыми призраками заменить утраченную веру в живого Бога.

На мое великое счастье, первое лето в Ольшанке я провела у тетушки Веры Николаевны одна. Приезжали гости издалека, но не часто; из ближайших же соседей бывали у нас Колычевы, ничего интересного собою не представлявшие. Как со всеми, тетушка была с ними приветлива и добра, ласкала их детей, довольно-таки безобразных и болезненных, толковала с их родителями о хозяйстве и после их отъезда брала меня за то, что я не принуждаю себя быть любезной и не помогаю ей занимать гостей. Она и на сына своего за это сердилась, но так как Леонид Алексеевич исправлению не поддавался, то от выговоров ему она воздерживалась. Леонид Алексеевич был характера неприятного и далеко не снисходительного к чужим слабостям и недостаткам; в этом отношении он представлял полный контраст с матерью и не только коротко сойтись, но даже и поддерживать знакомство было с ним трудно. Выражался он резко, ко всем относился свысока и поддерживал дружеские отношения в тот год только с семейством Ивановых, состоявшим из женщины средних лет, прекрасно воспитанной и очень умной, и сестры ее, моложе ее на несколько лет. Привозил он оттуда для меня книги Диккенса, Теккерея, Вальтер-Скотта, которыми я с жадностью зачитывалась, а когда приезжала к нам г-жа Иванова, происходили на ольшанской террасе интересные разговоры, все больше политического свойства, о людях и событиях, очень близких сердцу Веры Николаевны, каждое слово которой принималось слушателями как драгоценный вклад в историю ее времени.

Из воспоминаний

В 1838 г. граф Киселев предложил мне командировку в Восточную Сибирь для обревизования государственных имуществ и поселений ссыльных, обозрения золотых промыслов в отношении отводимых под прииски участков и поселения декабристов, освобожденных тогда от каторжной работы. Достаточно было теперь одного названия «Сибирь», чтобы встретить всевозможные препятствия со стороны матушки моей. ...

В феврале 1839 г. мы с доктором Иваном Сергеевичем Персиным пустились в путь. В Москве пришлось остановиться: тогда проживала там старушка Е.Ф. Муравьева, мать сосланных Никиты и Александра Муравьевых. Она была близкая знакомая моей матушки,² и так как многое поручала передать сыновьям, то я, по необходимости, должен был пробыть в Москве целую неделю. ...

Генерал-губернатором Восточной Сибири был тогда старик Руперт, человек очень добрый, не отличавшийся особенным умом, но весьма любимый в крае, характера слабого, очень простой в обращении, в высшей степени благородный. ...

Меня удивило найти в доме генерал-губернатора, в зале, копию большого портрета Гаврилы Романовича Державина в снегах известного художника Тончи. Дом, в котором живет теперь генерал-губернатор Восточной Сибири, принадлежал прежде иркутскому купцу Ксенофону Михайловичу Сибирякову. ... После его смерти дом этот, казною или городом, не знаю, был куплен для квартиры генерал-губернатора. Первым из них был генерал Руперт. В числе движимости, приобретенной с домом Сибирякова, поступил и портрет Г.Р. Державина. О происхождении его от людей, заслуживающих доверия, я слышал, что Ксенофоний Михайлович Сибиряков, человек необразован-

---

¹ Леонид Федорович Львов (124/100). Печатается в сокращении по изданию: Львов Л.Ф. Из воспоминаний // Русский Архив. 1885. Кн. 1.

² Елизаветы Николаевны Львовой (110/94).

ный, но очень умный и служивший в Иркутске городским головою, уважая Державина, послал или, может быть, бывая в России, привез лично в подарок ему соболью шубу и шапку, в которых тот и изображен на портрете. Портретом этим Г.Р. Державин одарил Сибирякова за шубу и шапку.

Хотя в 1825 г. я был еще молод, но присужденные к ссылке Трубецкой, Волконский, Лунин, Муравьевы и другие так часто бывали в доме отца моего,³ что я ехал к ним как бы к знакомым, близким, и весьма понятно, что меня встретили с особенным радушием. Нельзя пройти молчаливым: со времени их ссылки, они везде и во всех начальствующих лицах находили большое сочувствие к их положению. Это отзыв их самих, не раз мне повторенный. Все, что писалось и рассказывалось о декабристах, придавало этим господам и их женам какую-то поэтичность; да я сам, до приезда в Иркутск, был под этим впечатлением. Познакомившись с ними ближе, я ни поэзии, ни рыцарства не нашел, и моей фантазии привелось во многом разочароваться. Бесспорно, между ними были прекрасные люди, умные и образованные, я был в наилучших с ними отношениях и находил большое удовольствие быть в их обществе; но людей с выдающимися убеждениями и волею, с положительным характером и логикой я не встретил между ними. Может быть, 14 лет ссылки и каторга изменили их, но я вспоминаю, как их узнал в 1839 году. ... Дружны между собой они никогда не были. Ссоры между ними не прекращались. Муравьевы, Трубецкой, Волконский, Артамон Муравьев и Давыдов выстроили себе помещичьи усадьбы... Лунин резко отличался от всех едким умом и веселым характером. Никогда не унывая, он жил как бы шутя...

Надобно сказать, что Лунин некогда был влюблен в мою матушку, и это была одна из причин, что он был особенно расположен ко мне. Он находил, что я очень похож на матушку и часто мне говаривал: *«J'aurais été bien heureux de vous savoir catholique...»*⁴ В ожидании ареста он все, что имел, раздал между товарищами, и мне досталась большая его кофейная чашка.

Вильгельм Кюхельбекер, поселенный около Баргузина, сопутствовал в моих экскурсиях.

Был организован концерт в пользу отбывающих каторгу. Сошелся с Федором Вадковским, играющим на скрипке, так как я тоже музыкант.

---

³ Федора Петровича Львова (100/90).

⁴ Я был бы счастлив узнать, что вы стали католиком (*фр.*).

О родственном окружении Львовых

Известно, что в конце XVIII – первой половине XIX вв. род Львовых породнился с множеством других российских дворянских родов. Обращает на себя внимание большое количество дворянских семей иностранного происхождения в ближайшем родственном окружении Львовых, причем семей, сравнительно недавно поселившихся в России. Однако родословная роспись только Львовых не дает исчерпывающего представления о родственных связях с целой группой семейств (Скалоны, Безродные, Капнисты, Гасфорды, Дьяковы, Фуллоны). Эти связи (из-за наличия пересечений не только со Львовыми, но и друг с другом) значительно сложнее и должны поэтому изучаться в совокупности.

Рассматриваемая совокупность семейств, составлявшая, наряду с Мордвиновыми и Воейковыми, ядро, наиболее близкую часть родственного окружения Львовых, формировалась последовательно, расширяясь со временем.

Первая родственная связь нередко возникала благодаря совместной службе или учебе с кем-нибудь из рассматриваемого круга (так, например, в институте Корпуса путей сообщения учились Александр Фуллон, Густав Гасфорд, многие из Львовых). Последующие родственные связи возникали благодаря родственному общению, которое не ограничивалось просто визитами друг к другу. Очень часто организовывались совместные праздники, музыкальные вечера, устраивались интересные представления, на которых выступали заезжие знаменитости, да и сами семейства изобиловали талантами. Нередко гостем таких мероприятий бывал сам государь-император. Этих вечеров ждали, к ним готовились, старались не пропустить.

Рассматриваемая совокупность семейств, имеющих взаимные родственные связи, начала формироваться в конце XVIII века. Существен-

---

¹Сергей Дмитриевич Дзюбанов – потомок Елизаветы Федоровны Львовой (188/150).

ное значение имело тогда родство через семью Алексея Афанасьевича Дьякова: Н.А. Львов, Г.Р. Державин, В.В. Капнист, И.И. Березин были женаты на его дочерях.

В этот период главным центром родственного общения указанных семейств был дом Державина (зимой – петербургский дом, летом – Званка).

Со временем круг родственного общения расширялся, а центр его постепенно перемещался в семью Федора Петровича Львова, впрочем, и в доме Державина также организовывались балы и праздники. После смерти Федора Петровича Львова, последовавшей в 1836 году, его вдова Елизавета Николаевна переселилась к Алексею Федоровичу, дом которого стал центром общения Львовых и многочисленных родственных семей. В это время нередко все собирались и у Скалонов, тоже устраивавших интересные музыкальные вечера. После смерти Елизаветы Николаевны Львовой в 1864 году ситуация резко изменилась. Как пишет в своих воспоминаниях Надежда Федоровна Львова (в замужестве Самсонова), «ударил гром и рассыпалась вся наша семья. Мы разъехались в разные стороны, и мало-помалу когда-то счастливая, дружная, полная жизни семья стала умиляться...».

Скалоны

Род Скалонов известен с 1098 года, когда после штурма арабской крепости Аскалон граф Готфрид Бульонский пожаловал простому ратнику дворянство и повелел именоваться де Скалоном. Французский гугенот Георгий де Скалон переселился после отмены Нантского эдикта в Швецию. Его сыновья Степан и Даниил поступили на службу в Россию в 1710 году. Даниил был родоначальником всех российских Скалонов.

Антон Антонович Скалон (1767 – 1812) родился в Бийске. В 1800 г. был уже генералом. В войну 1812 года он командовал драгунской бригадой. 5 августа у Смоленска Скалон с Иркутским полком прикрывал отступление наших войск. Отразив атаку французской кавалерии, полк попал под огонь артиллерии. Скалон героически погиб и был похоронен французами с отданием всех воинских почестей у подножия Королевского бастиона Смоленской крепости. Император Наполеон присутствовал на похоронах и бросил на могилу горсть земли.

Его сыновья: Александр (1796 – 1851) был женат на Анне Федоровне Львовой, дочери Федора Петровича от первого брака. Александр Антонович воспитывался в Харьковском университете. В службу вступил в 1813 году колонновожатым по квартирной части, в 1825 г. – штабс-капитан Гвардейского генерального штаба. Декабрист, член Союза благоденствия. Участие Александра Антоновича в заговоре высочайшим повелением было оставлено без внимания (видимо, за заслуги отца). Позднее Скалон стал уполномоченным для демаркации Греции и пользовался особой дружбой графа Каподистрии. Затем, уже в чине генерал-майора, был назначен Грузино-Имеретинским губернатором, после чего перешел на гражданскую службу, был сенатором. Похоронен на Волковом лютеранском кладбище в Петербурге.

Василий, генерал-майор, был женат на Софье Васильевне Капнист.

Даниил, также генерал-майор, был женат на Марии Васильевне Безродной.

Безродные

Василий Кириллович Безродный начал службу в Новороссийске в 1780 году подканцеляристом. В 1790 году определился в главную провиантскую комиссию и затем служил по этой части до 1816 года. Во время войн 1805 – 1814 гг. Безродный в чине генерал-майора был заведующим всей продовольственной частью наших войск. С 1816 г. занимал пост директора канцелярии главнокомандующего первой армией, а в 1825 г. стал сенатором. Через два года Безродный был послан ревизовать Западную Сибирь. После этой ревизии Василий Кириллович получил бриллиантовые знаки ордена Св. Анны I степени и «злейшего врага в лице князя Д.Н. Бантыша-Каменского» (впоследствии известного историка).

Кампания, проведенная Бантышом-Каменским против Безродного, имела успех: Василий Кириллович получил выговор «за неосновательность донесения» по Сибирской ревизии, а много позже в статью биографического словаря о Безродном попала характеристика, данная ему Бантышом-Каменским.

Сама фамилия Безродный вроде бы говорит о низком происхождении владельца. Благодаря своей фамилии Безродный иногда становился персонажем ходивших в то время анекдотов, среди которых самый изве-

стный о засилье иностранцев в штабе русской армии в 1812 году. Ермолов говорит, что у него в штабе «один только русский, да и тот – Безродный». Как оказалось, однако, фамилия Безродный не была настоящей, полученной от предков фамилией, а являлась прозвищем отца Василия Кирилловича – Кирилла Федоровича. Причем само слово «безродный» (в старой орфографии «безродной») употреблялось в этом прозвище не в привычном для нас смысле, а как синоним слова «сирота» – человек, лишившийся родителей (такое значение слова, наряду с обычным, есть в словаре Даля). Прозвище это было дано Кириллу Федоровичу в детстве, когда он осиротел, остался без средств и воспитывался у чужих людей. Повзрослев, Кирилл Федорович стал кременчугским купцом, и, «встав на ноги», попытался установить свое подлинное происхождение. Это ему удалось. Безродный нашел людей, которые хорошо знали его отца – Федора Степановича Негребецкого, нашел документы, подтверждающие, что его отец и дед служили в Малороссийских Слободских полках на офицерских должностях, отыскал также крепостной лист, подтверждающий, что в собственности Степана Негребецкого в 1712 году находилось помещичье владение.

Екатеринославское дворянское собрание утвердило Кирилла Федоровича Безродного-Негребецкого в дворянстве, но произошло это только в 1794 году. Василий Кириллович служил к этому моменту под фамилией Безродный уже около 14 лет, и менять фамилию было поздно.

В 1829 году Безродным Василию и его брату Петру, действительному статскому советнику, высочайше пожалован дворянский герб, и фамилия Безродный окончательно закрепляется за ними.

У Василия Кирилловича было четыре дочери и единственный сын Владимир, рано умерший (1809 – 1837).²

Дочь Софья умерла в девичестве в 1841 году, три дочери были замужем. Мария, как уже отмечалось выше, была замужем за Данилой Антоновичем Скалоном. Елена была замужем за Ильей Федоровичем Львовым,³

---

² По-видимому, это его угнетало, в документах он не называл дочерей по именам (даже в деле о гербе, в отличие от брата Петра). А вот когда внуки Василия Кирилловича вступили в службу, их имена появились в формулярах Безродного. На внуках Василия Кирилловича природа восстановила равновесие с лихвой: у него было 9 внуков и только 4 внучки. Трое внуков стали генералами.

в 1841 году осталась вдовой. Четвертая дочь Василия Кирилловича, имя которой нам пока не известно, была первой женой Густава Христиановича Гасфорда.

Гасфорды

Густав Христианович (Иванович) Гасфорд родился в 1794 году в Белостокском воеводстве (Польша) и происходил из немецких дворян лютеранского вероисповедания. Окончив курс наук в Кенигсбергском высшем ветеринарном учебном заведении, Гасфорд поступил ветеринаром на службу в прусскую армию, которая в союзе с русской армией вела в то время войну против Наполеона. Гасфорд был прикомандирован к русским войскам, нуждавшимся в ветеринарах. В одном из сражений Гасфорд так отличился своей храбростью, что был произведен в офицеры и навсегда остался в рядах русской армии, хотя русское подданство получил только в 1833 году.

С небольшими перерывами на учебу (закончил «первоначальную колыбель офицеров русского Главного штаба» – училище колонновожатых, институт Корпуса путей сообщения), Гасфорд участвовал во всех наиболее значительных военных кампаниях России первой половины XIX века и проявил себя не только храбрым воином, но талантливым инженером. Находясь в армии Баркляя-де-Толли, Густав Христианович многое сделал для укрепления известного Дрисского лагеря, после сражения под Смоленском и Дрогобушем он вместе с полковником Матушевичем за два часа устроил переправу через Днепр. Отличился в Бородинском сражении. В 1813 году вместе с поручиками Лансдорфом и Сиверсом под сильным огнем неприятеля подвел брандеры и уничтожил мост через Эльбу. Был ранен, а в 1814 году отличился при взятии Парижа. Последней крупной кампанией, в которой участвовал Гасфорд, было подавление русской армией революции в Венгрии 1848 – 1849 гг.

Боевые заслуги Гасфорда отмечались орденами, ценными подарками, благодарностями императора, а также золотой шпагой, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость».

---

³См.: 115/100. Илья Федорович Львов.

Как уже сообщалось выше, первой женой Гасфорда была дочь Василия Кирилловича Безродного, от брака с которой у него были сын и две дочери. Не исключено, что именно Гасфорд познакомил Безродных со Львовыми. Густав Христианович мог быть знаком с Василием Кирилловичем по службе, кроме того, оба (Гасфорд и Безродный) были знакомы и состояли в переписке с известным военным историком А.И. Михайловским-Данилевским. Точная дата смерти первой жены Густава Христиановича нам пока не известна, но в 1844 году он был уже вдовцом.

В 1851 году Гасфорд был назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим отдельным Сибирским корпусом. На этом посту Густав Христианович сменил князя П.Д. Горчакова, оставившего о себе недобрую память. Гасфорд выгодно от него отличался, как и от многих других своих предшественников. Военный инженер и писатель П.К. Мартынов так писал о Гасфорде: «Это был ученый генерал, ... учившийся у нас и за границей в нескольких университетах и академиях и имевший до пяти докторских дипломов по разным сферам наук. Человек почтенных лет, но, как студент, весьма гуманный, мягкий и обходительный, он не принадлежал к типу громовержцев и всей своей фигурой, голосом и манерами походил скорее на профессора, нежели на строевого генерала-фронтовика».

Период правления Г.Х. Гасфорда Западной Сибирью (1851 – 1861) считают «едва ли не самым отрядным после управления П.М. Капцевича». Этот период ознаменован многими административными и военными преобразованиями, среди которых было присоединение к России огромных пространств Заилийского края (нынешний Казахстан), где Гасфордом было основано русское поселение Заилийское, переименованное в Верное (ныне город Алматы).

При Гасфорде произошли большие перемены в благоустройстве и общественной жизни главного города края – Омска. Будучи в Сибири, Густав Христианович сыграл определенную роль в судьбе Ф.М. Достоевского. Именно благодаря личному вмешательству Гасфорда великий писатель был произведен в унтер-офицеры, что, без сомнения, облегчило его последние годы пребывания в ссылке.

В Сибирский период жизни Гасфорда постигла тяжелая утрата. Повидимому, незадолго до отъезда в Сибирь Густав Христианович женился.

Второй женой его была Любовь Федоровна, урожденная Львова,⁴ младшая дочь Федора Петровича от второго брака. Гасфорд души не чаял в своей молодой жене, которая, как говорили, была не только очень красивой, но и талантливой. Несмотря на то, что Любовь Гасфорд была на тридцать с лишним лет моложе Густава Христиановича, ей было не суждено пережить супруга. Когда Любовь Федоровна умерла в 1852 году в возрасте 23 лет, горе губернатора было безмерным. Один из центральных проспектов города Омска Гасфорд назвал в ее память Любинским (ныне проспект Ленина), Любинским садом до сих пор называют один из парков города, а одна из возникших возле Омска в те годы деревень названа Любино. Образ юной и так рано ушедшей из жизни красавицы жены губернатора, наверное, многим запал в душу и не стерся из памяти народной, несмотря на все переименования. Универсам, открытый на проспекте Ленина, назван Любинским, а талантливый омский скульптор С. Норышев, вдохновленный светлым образом Любви Гасфорд, несколько лет назад создал ей памятник, который был установлен на проспекте Ленина и сразу стал одной из достопримечательностей города. Художественное решение памятника оригинально: он представляет собой фигуру женщины, сидящей на скамье, рядом может присесть любой желающий. Портретное сходство памятника с оригиналом второстепенно, так как образ Любви Гасфорд является символом юности, красоты, благородства. Возможно, именно поэтому ателье мод в Калининграде названо «Люба Гасфорд».

Через несколько лет сердце старого генерала было вновь пронзено стрелой Амура. На этот раз предметом страсти Гасфорда стала юная Надежда Николаевна Львова, старшая дочь Николая Федоровича.⁵ В мемуарах А.Ф. Бабков пишет: «Гасфорд, будучи женихом уже в очень преклонных летах, писал своей невесте письма, для которых в те времена было в обычае употреблять особо изысканную почтовую бумагу, украшенную разнообразными виньетками. Но так как такой готовой бумаги в Омске не оказалось, то Гасфорд обратился с просьбой нарисовать виньетки акварелью к служившему тогда в корпусном штате Генерального

---

⁴ См.: 129/100. Любовь Федоровна Львова.

⁵ Надежда Николаевна Львова (166/119) – племянница Любви Федоровны, ее отец – Николай Федорович (119/100).

Памятник Любови Федоровне Гасфорд в Омске.
С. Норъшев. 1990-е гг.

штаба полковнику Померанцеву, обладавшему действительно большим рисовальным талантом. Сюжетом этих рисунков Померанцев предложил выбрать некоторые из наиболее живописных пейзажей и виды особенно замечательных местностей Киргизской степи. Но Гасфорд не согласился с этим и заметил Померанцеву, что в настоящем случае, для подобной виньетки, самой подходящей эмблемой был бы рисунок, изображающий «льва в сетях».

Старый и уже серьезно больной Гасфорд женился на юной Надежде, которой было, по словам современников, всего 17 лет. При женитьбе возникли некоторые проблемы со Святейшим Синодом, видимо, связанные с близким родством второй и третьей жен Густава Христиановича, но, в конце концов, разрешение на брак было получено. Сам Гасфорд к религиозным догмам относился без особого почтения.

Молодая супруга губернатора, милая, симпатичная, к тому же «недурная поэтесса и музыкантша», была очень внимательна к нуждам бед-

ных. Для воспитания и обучения сирот, по инициативе Надежды Николаевны, в Омске был открыт приют «Надежда». Очень скоро она приобрела всеобщую любовь и уважение горожан.

В 1861 году генерал от инфантерии Г.Х. Гасфорд уезжает из Сибири и назначается членом Государственного совета. В последние годы жизни Густав Христианович был почетным членом Академии наук, Вольно-Экономического и Географического обществ, а также почетным президентом международного общества «Уничтожение невольничества и торга неграми в Африке».⁶ Умер Гасфорд 5 мая 1874 года и похоронен на Волковом лютеранском кладбище Петербурга.

Капнисты

Род Капнистов происходит с греческого острова Занте и известен с XIV века. Петр Капниси был в XVII веке полковником в Венецианской республике. Сын его, Стомателло Капниси был возведен в 1702 году в графское дворянство. В русскую службу вступил Василий Петрович Капниси под именем Капниста. Он был бригадиром, убит под Гросс-Егерндорфом в 1757 году. Тело его не нашли на поле боя, была найдена только отрубленная рука с перстнем и окровавленная сабля, ставшая семейной реликвией Капнистов.

Фуллоны

Дворянский род французского происхождения, известный в России с XVIII века.

Александр Андреевич Фуллон, оберберг-гауптман, был в 1819 – 1833 гг. начальником Олонецких заводов.

Его сын Александр был женат на Александре Федоровне Львовой.⁷ Он закончил институт Корпуса путей сообщения и руководил постройкой Кронштадтского форта Петр Великий, закончил службу генерал-майором. Похоронен на Волковом лютеранском кладбище.

---

⁶ Последняя должность, возможно, связана с тем, что Гасфорд знал Африканский континент не понаслышке: во время войны Турции с Египтом Россия выделяла небольшой контингент войск, воевавший на стороне Турции, как всегда, такое дело не обошлось без Густава Христиановича.

⁷ См: 122/100. Александра Федоровна Львова.

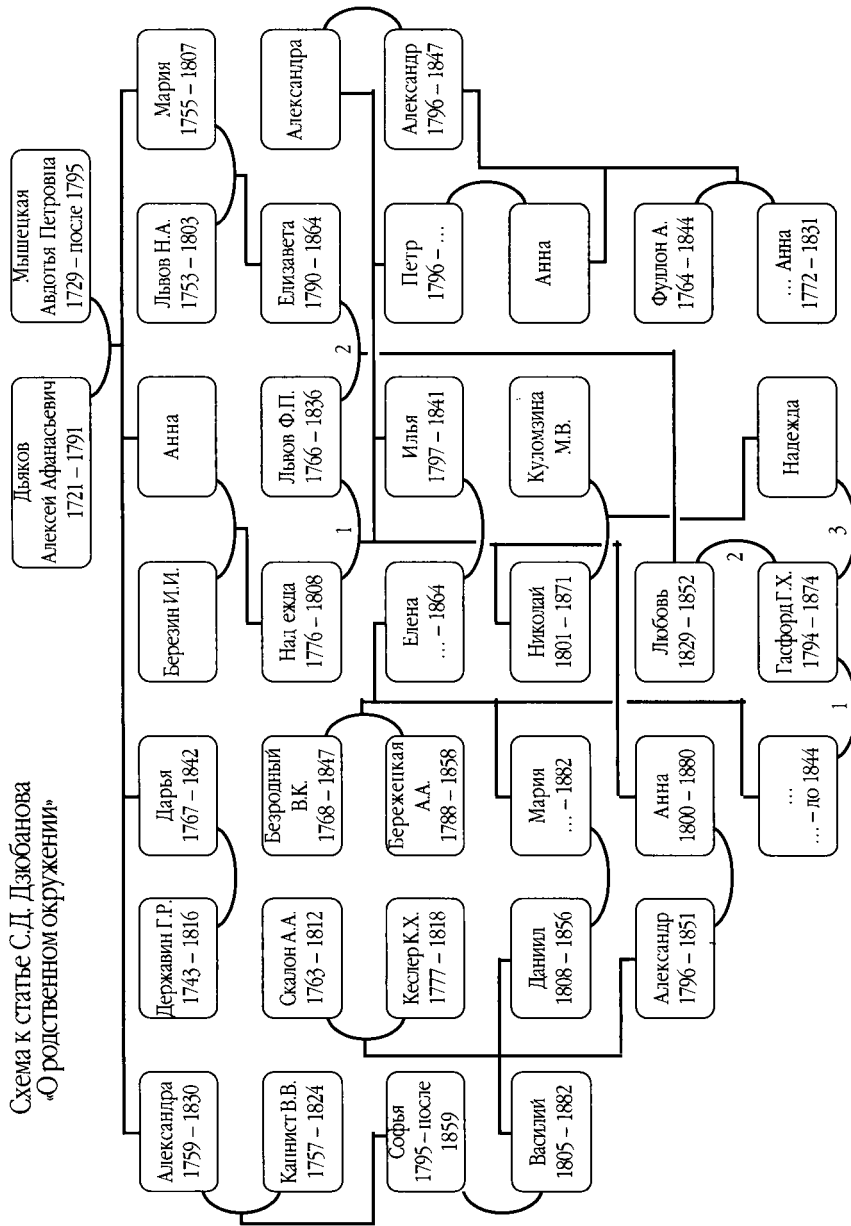
Дочь Анна в октябре 1831 года вышла за Петра Федоровича Львова⁸ (в то время подполковника Корпуса путей сообщения, затем Кронштадтского полицмейстера). По законам того времени этот брак был невозможен. Как им удалось обвенчаться, об этом история умалчивает, но нетрудно догадаться, что обойти закон Петру Федоровичу помог его родной брат Николай: венчались Анна Фуллон и Петр Львов в церкви Петербургской кондукторской школы, которую возглавлял тогда Н.Ф. Львов. Поручителем со стороны невесты был ее брат, подполковник Александр Фуллон. Анна Александровна была девицей, а Петр Федорович вдовцом и женился во второй раз. Первая жена Петра Федоровича нам остается пока неизвестной, но, по-видимому, в первый раз Петр Львов I, как его еще называли, женился на вдове, так как после ее смерти у него осталась, кроме их общей дочери Елизаветы, еще и падчерица. Брак его с Анной Фуллон был бездетным.

Источниками данной работы, наряду с мемуарной литературой, стали архивные материалы РГИА (ф. 1343, 1349, 963), ЦГИА СПб. (ф. 19), РО РНБ.

---

⁸ Петр Федорович Львов (114/100) приходился ей родным дядей.

Схема к статье С. Д. Дзюбанова
«О родственном окружении»

Дядя Федя Львов

У меня был дядя – младший брат моей матери и моих пяти дядей – дядя Федя Львов.

В семье он считался балагуром и не способным ни на какую интеллектуальную жизнь. Но мы, дети, его очень любили.

Он был небольшого роста и всегда франтовски одет. У него были выхоленные руки, надушенные усы. Курил он самые модные папиросы с длинными золотыми мундштуками и пускал дым кольцами. В его комнате стояла целая батарея всяких помад и духов. Несколько раз в день он переодевался. Платки его были всегда надушены, он их вынимал и подчеркнуто наслаждался их запахом и нас заставлял нюхать, и если мы не восхищались, то возмущался и говорил, что мы варвары.

Что бы он ни делал, что бы он ни говорил, было всегда преувеличенно смешно.

Когда подавалось за столом вкусное блюдо и долго до него не доходило, то он притворно вздыхал, а мы, конечно, умирали со смеху, тем более что это нужно было делать так, чтобы бабушка² не заметила, но мы сидели в конце стола, за которым сидело 35 человек, и потому могли довольно безнаказанно веселиться.

Я думаю, что даже когда дядя Федя оставался один в комнате, он все-таки продолжал балагурить.

Иногда утром мы приходили смотреть, как его бреют. Мы стояли в сторонке, а он острил. Стёпа – его человек – фыркал в рукав, а он ему

---

¹ Наталья Алексеевна Карлинская (1893 – 1960) – дочь Варвары Николаевны Бобринской (177/149). Во время I мировой войны была сестрой милосердия, в 1920 г. покинула Россию вместе с матерью, проживала за границей.

Воспоминания посвящены Федору Николаевичу Львову (184/149), брату В.Н. Бобринской. Хранятся в семейном архиве А.В. Львова (225/209), в Сиднее (Австралия). Публикуются впервые.

² Мария Михайловна Львова, урожденная Челишева (149/109).

говорил: «Чего ты смеешься, ты же меня зарежешь!» – и продолжал в том же духе.

Он был слаб здоровьем. Всякие забавы вроде охоты, езды верхом были не по нему, лошадей он преувеличенно и смешно боялся.

Мы липли к дяде Феде, как мухи.

Он был очень привязан к своей младшей сестре,³ она умерла молодой, и он очень тосковал по ее смерти, но это нисколько не мешало ему вести себя по-прежнему.

Когда дядя Федя не смеялся, у него было немного детское лицо и грустные, по-детски широко раскрытые глаза, и было ужасно смешно, когда он с таким лицом говорил всякую ерунду.

Когда мне было лет 12, он женился и уехал за границу, и мы его уже довольно редко видали. Женившись, он немного угомонился под влиянием своей жены, но, тем не менее, вокруг него всегда все смеялись.

Когда началась война 1914 года, он вернулся в Россию и стал жить со своей семьей в Киеве. До нас дошли слухи, что его назначили уполномоченным какого-то санитарного поезда, что он нарядился в форму и очень доволен, что солдаты ему отдают честь.

Ему было тогда лет 45.

Как-то раз в 1915 году я ехала с фронта из Галиции в Москву в командировку. Между поездами мне нужно было провести весь день в Киеве. Я поехала к дяде Феде. Я его давно не видела. Он немного потолстел и слегка поседел. Он был в военной форме с гражданскими погонами. Хоть он в разговоре много острил, но был серьезнее.

Он сразу стал меня расспрашивать о нашей лазаретной работе, и я, к своему удивлению, заметила, что мы с ним говорим на одном языке.

Федор Николаевич Львов.
Фото 1910-х гг.

---

³ Анна Николаевна Львова, в замужестве Гагарина (186/149).

В то время разница настроений фронта и тыла была очень велика, и я была поражена, найдя такое понимание в дяде Феде.

Оказывается, он стал начальником поезда, скоро презрел свое начальствование и, надев санитарный халат, целые дни проводил при раненых, не брезгуя самой грязной работой. На станциях он выбегал покупать раненым папиросы и конфеты. Все, какие были при нем наличные деньги, он тратил на них. Иногда часами просиживал на корточках в товарном вагоне на соломе, беседуя с ранеными или дежуря при тяжело больном. Скоро назначили начальником поезда другого, а он остался там же санитаром. В конце концов он заболел там же воспалением легких, и болезнь не позволила ему вернуться обратно к этой работе.

Но война его переработала, и он стал другим человеком.

Я увидела на полке рядом с его письменным столом книги в совершенно новых переплотах: «Четы-минеи», патерики, Иоанн Лествичник и многие другие церковно-православные книги. В углу висели иконы и теплилась лампадка, на аналое лежала толстая книга.

В детстве я помнила разговоры дяди Федеи о том, что нельзя причащать детей из-за боязни заразы и тому подобные разговоры. Потому я ему выразила свое удивление, но он с увлечением, со своим серьезным детским лицом начал мне рассказывать, как он теперь посещает длинные монастырские службы, что он постоянно беседует с монахами.

– Я не могу читать иных книг, я читаю только эти, – и он показал на свои полки.

Раньше же дядя Федя читал исключительно французские книги и, обладая прекрасной памятью, всю скандальную французскую историю знал наизусть.

За этот один день мы с ним сошлись и стали близки совсем с другой стороны, чем в детстве. Я в нем увидела совершенно нового для меня человека.

Вечером он повел меня в ресторан. Я это не очень любила, тем более в те годы офицеры при встрече с сестрами всегда с нами здоровались, я была в походной форме и, конечно, обратила на себя внимание залы. Но именно это дяде Феде очень понравилось, и он был доволен эффектом, который я произвела.

Мы с ним расстались друзьями.

В 1919 году недалеко от Новороссийска дядя Федя встретился со своим племянником и моим двоюродным братом – Владимиром Львовым (Бумбуком).⁴ Они встретились в поезде. Владимир сразу узнал своего дядю, дядя же Федя его не узнал – он его не видел лет семь. Дядя Федя вступил в разговор с молодым офицером, и они очень весело разговорились. И только под конец Владимир открылся, кто он. Дядя Федя был от него в восторге. Владимиру было 19 лет. Он через несколько дней отправлялся на фронт в свой кавалерийский полк.

Те несколько дней, которые дядя Федя и Владимир провели вместе в Новороссийске, они очень веселились. Дядя Федя помнил Владимира ещё совсем маленьким мальчиком, всеобщим любимцем, и мысль, что этот ребенок идет, как взрослый, почти на верную смерть, приводило его в такое состояние, что он был готов биться головой о стенку. Он не жалел те немногие деньги, которые были при нём, чтобы хоть чем-нибудь повеселить Владимира.

Когда Владимир уехал в полк, то состояние дяди Феде, как он мне впоследствии рассказывал, перешло уже всякие границы – он себе места не находил. И, наконец, махнув рукой на все свои личные дела, на свое слабое здоровье и немолодой возраст, поехал прямо в полк разлеять участь с Владимиром и попросил зачислить его вольноопределяющимся. И в том он обрёл полное успокоение. На одном уровне с солдатами, вытягиваясь в струнку перед начальством, ночуя на соломе, весь во вшах, он был ечастлив мыслью, что подвергает себя тем же опасностям, как и этот мальчик, мысль о смерти которого ему была так невыносима.

Владимира скоро произвели, и он командовал эскадронам (офицеров было мало), а дядя Федя в своём смирении и не мечтал быть офицером, он знал, что на это не годится, и только с рвением исполнял свои солдатские обязанности.

В то лето родители и семья Владимира Львова жили в Кисловодске. Я жила в Железноводске и служила в одном санатории.

---

⁴ Владимир Константинович Львов (209/182).

Было 6 августа, Преображение. У меня был выходной день. Я пошла к обедне. После обедни мы с тётёй Соней Толстой,⁵ которая тогда тоже жила в Железноводске, пошли гулять в парк. Погода была чудесная, и мы с тётёй Соней приятно провели время и дружественно беседовали. Но меня вдруг охватила странная сонливость, которую я не могла никак преодолеть. Я еле доплелась до санатория и легла на свою койку. Мне приснился классический сон: у меня выпал зуб, я смотрю на него, и у меня чувство, что уже ничем зуб мой восстановить нельзя – чувство непоправимости. Я проспала не больше 10-15 минут. Проснувшись, я сказала нашей старшей сестре, с которой жила в одной комнате, что меня ждёт, вероятно, смерть кого-нибудь близкого.

– Не надо верить снам, – сказала она.

На следующий день я получила телеграмму от дяди Феди, что Владимир убит 4-го августа и чтобы я предупредила его родителей, что тело Владимира он везет в Кисловодск.

Когда я бросилась к нашей старшей сестре с просьбой отпустить меня в Кисловодск, она с грустью сказала:

– А сон-то был в руку.

Впоследствии от дяди Феди мы узнали, что пополнение в полку было из красных, полк шел в атаку. Владимир скомандовал и вынесся вперёд. Оглянувшись, он увидел, что ни один солдат за ним не последовал. С отчаянием в душе он понесся один на красных и был убит наповал пулей в сердце. Только через два дня удалось вынести его тело.

Владимир был мне очень дорог, он был другом и сверстником моего недавно погибшего младшего брата.⁶ Известие, что и Владимир погиб, разрывало мне сердце на части...

Поезд с телом Владимира медленно подходил к кисловодскому перрону. В открытой двери товарного вагона мы увидели бледное, строгое лицо дяди Феди в солдатской форме, в бескозырке, с винтовкой стоявшего у гроба. Он почти не спал эти дни, отдавая последний долг своему погибшему племяннику и стоя на часах у его тела.

---

⁵ Софья Николаевна Толстая, двоюродная сестра А.А. Бобринского, мужа Варвары Николаевны.

⁶ Гавриил Алексеевич Бобринский (1898 – 1918).

Сейчас же после похорон я должна была спешить на место моей службы. Дядя Федя обещал через два дня приехать туда меня навестить.

Он приехал вымытый, освеженный, отдохнувший, и, несмотря на горе, которым мы оба были полны, так радостно было слышать его шутки. Сидя в нарядном садике дачи эмира Бухарского, в которой находился мой санаторий, дядя Федя мне рассказывал, как и что побудило его поступить в полк. Странно мне было смотреть на дядю Федю, уже немолодого, похулевшего, вместо блестящего пробора – остриженного как арестанта, но спокойного и молодого духом. Мы, племянники, прозвали его Федором Стратилатом («стратилат» по-гречески «полковник»).

Через два дня он уехал обратно в полк.

Во время эвакуации Новороссийска он умер от воспаления легких в каком-то военном госпитале, но об этом мы узнали много позднее.

Дневник В.Ч. Бобринской¹

Екатеринодар

1918 г. Дек. 16-го

В первых числах сентября я на извозчике выехала из Эссентуков в Пятигорск, так как арестованные эссентукские отправлялись поездом в Пятигорск. Из Эссентуков были взяты два брата Четыркины (офицеры), отставной генерал Каузаков, отставной пограничный генерал Мельгунов (72 лет), Малиновский (молодой офицер), ... (*неразб.*), домохозяйка Четыркиных и Малиновского, Орлов (известный член Союза русского народа) и мой сын (вольноопределяющийся Татарского полка Казачьей дивизии). Никому из вышепоименованных никаких обвинений предъявлено не было. В Эссентуках их продержали арестованными дней пять – шесть, держали их в доме штаба, и доступ к ним был очень свободный. В административном отделе в то время во главе стояли Гентцевич – бывший осужденный каторжанин, за кражи со взломом, и Ламакин (местный парикмахер). С вокзала в Пятигорске арестованных повели в следственную комиссию, которая находилась на Ермоловской, туда собрались и мы, все родственники, чтобы узнать дальнейшую судьбу наших заключенных. Представители высочайшей следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией были тогда товарищи Александр Ге, живший в Эссентуках, следователями тогда были Власов, Стентмакович и Афросимов (вел дела бывших министров). Мы все ждали Ге, так как многие из нас знали его в Эссентуках по прежним арестам. В ожидании его хотелось хоть немного ориентироваться в обстановке, но это было трудно, почти невозможно. Где находятся наши заключенные, мы никак не могли добиться, в чьем ведении они находятся, мы тоже не могли узнать, все отнекивались и каждый отсылал к другому. Особенно отличался Стентмакович своим издевательством над обращавшимся к нему.

---

¹ ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3 – 39 об. Дневник Бобринской В.Н. Рукопись. Печатается в сокращении. Текст приведен в соответствие с нормами современного русского языка.

Молодая женщина, Малиновская, обратилась к нему, он провел ее как бы в свой кабинет, затем оставил ее одну в комнате и исчез, она прождала его около часу и ушла, вослед за ней раздался его хохот. К нему же, наконец, добралась и О.Н. Мельгунова, жена 72-летнего генерала, он спросил, что ей нужно, и когда она сказала, что хотела бы знать об участи мужа, то он, хихикая, объявил, что он его расстреляет. Она стала говорить, какой он безобидный и старый человек. «Ну, что ж, пожил довольно, пора ему и умирать». Слезы ее при этих его словах вызвали такой его непристойный <смех>, что она убежала от него, за ней летели неприличные ругательства. Позднее, часа через два, когда мы все уже получили разрешение свидания в тюрьме с нашими заключенными, на разрешении требовалась подпись Стентмаковича, он отказал дать эти разрешения Мельгуновой, и она еще часа полтора ... (неразб.) умоляла его о снисхождении. Когда приехал Ге, мы обратились к нему с просьбой о разрешении постоянных свиданий, еще из Эссентуков мы знали, что на словах он очень любезен, тут он был таков же и всех утешил в судьбах их близких. Свидания разрешались на субботы, был же еще четверг. Тут мы узнали, что из Кисловодска привезена еще партия заключенных, а в тюрьме еще находились Добровольский (бывший министр юстиции), Рухлов (бывший министр путей сообщения) и Крашениников (бывший прокурор военного суда). Жизнь наша и наших заключенных сложилась так: в дни, когда не было свидания, по очереди одна из нас отвозила сборную пищу для всех, в дни свиданий (два раза в неделю, а потом только раз, по воскресеньям) с десяти часов мы бывали у тюрьмы. Свидания проходили за двумя решетками, и если было много народу, то гул стоял ужасный и расслышать слова заключенных было очень трудно, если же удавалось прийти позднее, когда было меньше народу, то можно было и разговаривать и оставаться дольше. В это время знакомые, заключенные в тюрьму, были еще не переведены в качестве заложников, и вообще о заложниках еще только говорили, фактически в жизнь это не проводилось. Никого из заключенных ни о чем не спрашивали и ни в чем не обвиняли.

Я поселилась в Sanitas, как раз над тюрьмой, надо мной жила жена Добровольского с дочерью, и наши две комнаты с этого времени стали приютом всех приезжающих на свидания с заключенными.

Когда мы приехали в Пятигорск, город представлял собою сплошной лагерь, всюду были солдаты и в пустырях находились обозы или артиллерия, но затем быстро город опустел от такого наплыва войска, и, сравнительно, казалось, что город слабо защищен военной силой. В это время случилась колоссальная паника, отрядом казаков был ... (*неразб.*) путь между Эссентуками и Пятигорском, и главные в походе по нему представители совдепа потерпели крушение, один был убит, несколько, в том числе Ламакин и Гентцевич, ранены. В то же время разъезд казаков сделал набег на ... (*неразб.*). Паника была невыразимая и, как всегда, все начальство и вся администрация бросились на станцию удирать, пошли поезда в Святой Крест и многие уехали совсем, другие же вернулись на следующий день. В следственной комиссии была полная пустота, при нас приходили бумаги, причем большая часть их была растеряна, и восстанавливали телефон, сорванный во время паники. В это же время произошли перемены в следственной комиссии, председателем ее стал Власов, а товарищем Артабеков. Из следователей выжил Афросимов. Следственная комиссия больше чем когда-либо стала таинственной и неуловимой. Кроме имени председателя, и то не всегда, потому что вас намеренно сбивали секретаря, добиться имен лиц, занимающих какие бы то ни было должности, в ней было невозможно. Добиться свидания с членами комиссии представляло неимоверные затруднения, и молодой солдат, сидящий на лестнице, на все наши просьбы о допущении к одному из членов комиссии неизменно отвечал: «Скажите мне, в чем ваше дело? А если будете приставать или расспрашивать, я вас арестую». ...

Следственная комиссия помешалась в доме, в котором имелись подвальные помещения с выбитыми стеклами и асфальтовыми полами, на которых вповалку спали заключенные, <оно> служило местом предварительного заключения, и оттуда уже уводили людей, осужденных на расстрел. Во главе этого подвала стоял человек, бывший восемь лет палачом при царском правительстве и потом двенадцать лет пробывший на каторге за убийство. Это был коренастый мужчина с бескровным лицом, бледными глазами и бледной окраской волос и бровей, без усов и бороды, со сломанной переносицей. Человек этот с наслаждением лично расстреливал и приводил в ужас заключенных рассказами о производимых им пытках. В подвале же находилось и помещение регистрирующего зак-

люченных следователя. В это время стали поговаривать о заложниках, и мы все с тревогой ждали решения участи наших близких.

Около десяти дней после нашего приезда случилась следующая вещь. Было воскресенье, и все собирались на свиданье, молодые пошли прямо по спуску в тюрьму, как вдруг на их глазах человек тридцать матросов, вооруженных, бросились в тюрьму, обезоружили стражу, потребовали освобождения своих товарищей, матросов, – грабителей, заключенных в тюрьме, а буржуев, находящихся там, требовали к расстрелу. Начальник тюрьмы умолял по телефону известить совдеп, и, чтобы выиграть время и спасти буржуев, он, сместив всех вместе, выпустил заключенных во дворе, и покуда товарищи матросы отыскивали своих, успел прийти посланный из совдепа отряд, который выгнал всю банду и освободил тюрьму, но товарищи в это время успели ограбить многих из заключенных, так, у Добровольского было взято верхнее платье, у сына моего – шапка и штаны, а Крашеников был оставлен даже без рубашки. Инцидент этот, а может быть, и другие какие соображения, заставили смотреть на тюрьму как на место, не вполне надежное для наших заключенных, и им стали готовить новое помещение. В это время экстренно был вызван в Пятигорск чрезвычайный следователь Ершов (бывший комиссар минералводских групп) и ему было поручено дело наших заключенных. Он посетил тюрьму и спросил у каждого, сколько времени он сидит и за что, на последний вопрос никто из наших ответить не мог и сам задавал ему этот же вопрос. Я посетила Ершова, так как по сведениям, которые я имела, лица в Ессентуках, которым я передала для начала 3000 рублей для освобождения моего сына, действовали через него. Он показал мне список предполагаемых заложников, во главе которого стояли бывшие министры, и имени моего сына там не было. Ершов сказал мне прийти к нему на следующий день после двенадцати; но уже к вечеру того же дня он был устранен от должности и поспешил скрыться.

В свободное от свиданий с моим сыном время и хлопот о нем я невольно наблюдала за жизнью, протекающей на моих глазах. Пятигорск – исключительно большевистский город, это их божье царство, и тут они без сопротивления всюю проводят систему. То, что поражало больше всего, это сама физиономия большевиков. В Ессентуках и Кисловодске мы привыкли видеть большевика-наместника, грубого, наглого грабите-

ля с инстинктом захвата, от которого единственно оставалось бежать, и психология которого была проста и ясна. В Пятигорске я впервые увидела большевика со спокойным, часто добродушным взглядом, предупредительно мне, как старой женщине, уступающего место в трамвае или на улице, ни грубого окрика, ни ругательства я не слышала, самый обыкновенный русский человек, даже с поползновением на благовоспитанность. Это еще тяжелее видеть, <чем> большевика с психологией грабителя. Этот добродушный благожелательный человек продает свою душу, убивает своего брата, губит Россию, и все из материального интереса и так бессознательно, что считает это в порядке вещей, не стыдится и на себя смотрит как на порядочного человека. Это душевное бессознательное ... (*неразб.*) видеть невыразимо тяжело. ...

В Пятигорске я видела воочию приведенную систему владычества над массой социализма. Систематически подрывалась всякая инициатива, всякий самоличный заработок, все приравнивалось к одному общему уровню нищенства, и вот когда человек буквально на улице и предстоит голодная смерть ему и семье, ему предлагают место у большевиков с огромным окладом, обеспечивающее ему не только жизнь, но и комфорт. За этот комфорт человек себя и продает. Пятигорск – одна громадная большевистская канцелярия, и то небольшое количество людей, которые не связаны с учреждениями совдепов, как-то скрываются и совершенно невидимы. При этом прошло в Пятигорске обложение домовладельцев, причем по десять дней их держали под арестом под страхом расстрела. Были заняты Народный дом (бывший клуб) у Царских ... (*неразб.*) и Елизаветинская галерея на ... (*неразб.*). Держали домовладельцев так, что разрешали им покидать место заключения для приискания денег, но вместо них сидели в это время кто-нибудь из родных, часто можно было видеть мальчиков или девочек лет 10 – 12, сидящих под стражей в холодном помещении, откуда родители рыщут по городу, отыскивая требуемую сумму. ...

При мне уже была проведена и специализация врачей, все кабинеты и все инструменты были объявлены народной собственностью, было отведено одно здание, где были принуждены дежурить врачи для бесплатного приема больных, врачам было положено жалование, инструменты были общего пользования. Врачи негодовали, страдали, но ничего сделать не могли и покорились.

В это время парили болезни: брюшной тиф, воспаление легких чумного характера и дизентерия. Смертность была в лазаретах колоссальная, хоронили до пятисот человек в день. Хоронили тремя приемами. С начала большевизма священники в лазареты не допускались, и похороны были только гражданские, но уже к весне 1918 г. пришлось большевикам сдаться. Однажды по настоянию умирающего позванный священник скоро стал в лазаретах обыденным явлением, и можно сказать, что большая часть смертей, особенно тифозных солдат, всегда сопровождалась религией, а отсюда и христианские похороны отвоевали свое место. Тифозных солдат, а иногда и не тифозных, по их желанию, из лазарета в церковь сопровождал священник, несли хоругви, и по отпевании на кладбище тоже шел священник, и часто, по требованию товарищей-большевиков, оркестр при выносе тела играл «... *(неразб.)* Славыся». Помню, какое сильное впечатление это произвело на меня, когда я услышала в первый раз. То чувство ненависти, злобы, которое сдерживаемо накапливало ежечасно в груди и которое не замолкало при виде смерти, вдруг при звуках духовой музыки упало и замерло. Толпа красноармейцев, находящаяся у ... *(неразб.)* и та замерла, и благоговейно слетели с голов все шапки, и пронесли перед нами умершего, лежащего в своем величественном покое. И ... *(неразб.)* церкви, окружающая его, из этого врага, из этого отброса и отщепенца делали святыню, к которой человеческая рука желала прикоснуться и который предстал уже перед Судом высшим и благим. После церкви оркестр уже играл революционный марш.

Второй ряд похорон был гражданским. Впереди шел оркестр со звуками революционного марша, несли красное и черное знамя, а затем на плечах поставлены крест-накрест на каждый ... *(неразб.)* гробов. Наконец, третьи похороны совершались рано утром, причем на телегу голышом клались тела и свозились на кладбище в общую яму. Этих (и их бывало очень много) никто не сопровождал. В начале октября умер от ран бежавший из Туркестана и осужденный ими за это на расстрел их главнокомандующий Илтинг. Но ввиду того, что он умер собственной смертью, и для поддержания престижа власти, его хоронили очень торжественно и по-христиански, похоронили его в сквере, в принуждаемом присутствии не только войск, но и всех учащих военных разрядов школ. Илтинг был

молодой мальчишка 23 лет, казак ... (*неразб.*) из станицы Суворовской и бывший сначала в отряде Шкуро.

В 20-х числах сентября о том, что многих заключенных переведут в разряд заложников, было уже известно, и наши попытки узнать, кто из наших попадет в эту категорию, не увенчались успешно. На мои личные запросы о моем сыне мне отвечал Артабеков только одно: «Ведь он граф Бобринский, сын графа Бобринского», и больше ничего. В одно воскресенье, когда мы пришли на свидание к тюрьме, нам объявили, что свидания не будет, так как всех сегодня переводят в специально приготовленное помещение в Новоевропейских номерах на Нижегородской. У тюрьмы стояли Рузская, мать Дмитриева, Добровольская, Толстая, Мельгунова и я. В это время прибежали сказать, что Ротьку Дмитриева с сыном по просьбе и поручительству болгар выпускают сейчас на свободу, жена его побежала его принять, мы же, остальные, остались у ворот, вывели всех наших и повели; тут было два извозчика, на которых мы приехали. Добровольский, Толстой, Урусовы, Шиловские и Рузский поехали, а остальные, в том числе старики Рухлов и Мельгунов пошли пешком. Мы все за ними. В помещении, приготовленном для них, находились уже три женщины: генеральша Фундуева ... (*неразб.*) за то, что мужа своего скрыла. Она была под арестом уже несколько недель. Выпущена она была только в ноябре. Сестры Дериглодовы, о которых говорили, что они близкие родственницы в. кн. Константина Константиновича (одна из них была впоследствии приговорена к расстрелу, но затем освобождена, от нее мы узнали некоторые подробности последних часов наших заключенных). ... Из тюрьмы в Новоевропейские номера были переведены следующие лица: Рузский, Добровольский, Рухлов, два брата Шведовы, Анатолий Федюшин, два брата Урусовы, два брата Шиловские, Багратион, Толстой (Милославский), два брата Четыркины, Богеров, Мельгунов, Каузаков, Малиновский, мой сын. Всего тридцать два человека, но мне знакомы лишь двадцать.

Позднее были в Новоевропейские номера добавлены Ротька Дмитриев с сыном, которых на свободе оставили лишь десять дней. Несчастный граф Алексей Капнист, который ничего не знал об изменившемся положении, ... (*неразб.*) возвращался из Украины с легким сердцем и деньгами за своей семьей. Оставив документы и деньги на руках своего

спутника, он отправился пешком через ... (*неразб.*) на дачу в ... (*неразб.*) водах, где предполагал найти свою семью. Было два часа ночи, когда он стал стучаться, но семьи его там уже не было, и он попал в занявшее это помещение совдеп, тут же был арестован, препровожден в подвал в Пятигорске, и только на пятый день жена узнала об этом и стала хлопотать об его освобождении. Но вместо освобождения его перевели к заложникам, участь которых через три недели он и разделил. В начале октября из тюрьмы перевели в Новоевропейские Краженинникова; на этого человека невозможно было смотреть спокойно, это был высохший и почерневший остов человека, его пять раз подвергали пытке якобы расстрела и пять раз отпускали. Что он пережил, он говорил, что не может описать, он впервые вздохнул свободно среди заложников и говорил: «Теперь я успокоился». Через три дня он был расстрелян, приблизительно около 15 октября. ...

После ухода Шкуро из Кисловодска оттуда были приведены и помещены следующие известные мне лица: кн. Феодор Урусов, генерал Трешатный, кн. Туманов, генерал Быстчевский, генерал Корженов, генерал Корчетов – все они, кроме двух последних, скончавшиеся от воспаления легких, в заключении разделили общую участь заложников.

В Пятигорске был арестован Николай Николаевич Меледи и несколько полковников, мне неизвестных, помещенных в Новоевропейские номера, тоже разделивших общую участь.

Условия содержания заключенных тут были вполне сносны. В ... (*неразб.*) зале, светлом и терпимо грязном, помещалось не более четырех человек, имелись кровати, разрешалось иметь свое белье, подушки, одеяла, книги, посуду без ножей и вилок. Хотя и были устроены горячие обеды, но все же мы приносили утром горячее молоко, фрукты, в полдень ... (*неразб.*). Свидания хотя и были разрешены лишь на четверть часа и не позднее двух часов дня, фактически раз мы входили в здание, мы там и оставались до четырех, даже пяти часов вечера. Причем и мы, и все заключенные беспрепятственно встречались и разговаривали в коридоре или по комнатам, как мы хотели, ... (*неразб.*) все было общее.

Настроение заключенных, в общем, было бодрое, нервничали некоторые старики, как кн. Урусовы и кн. Шиловские, страдавшие от непривычных неудобств. Молодые держали себя бодро, также и казаки, братья

Шведовы, Федюшины и полковник Бочаров, два старика, Рухлов и Мельгунов, отличались своей стойкостью, особенно Рухлов, спокойный и как бы подтрунивавший над своим положением. Но тяжело нам было очень, отсутствие свободы тяготило более, чем неизвестность положения, особенно молодые рвались вон; разговоров о побеге было много, но старики не допускали этого, все было связано общей участью и поступок каждого ложился на всех; молодые это понимали и тщательно искали исхода, безвыходность была очевидная, но дурного тогда ни они, ни мы все-таки не предполагали, мы жили все в ожидании ... (*неразб.*), которая должна освободить их, и это не только ожидание, но уверенность в этом давали и им, и нам силы вынести всю тяжесть положения. ...

В 10-х числах октября сын мой и Крашенников и несколько других были уведены в следственную комиссию. Присутствовавшая при их взятии Малиновская, по просьбе сына, поспешила меня об этом предупредить. Мы с дочерью пошли тотчас в следственную комиссию, но не могли даже никуда пройти, никуда не пропускали. Мы сели с дочерью на скамейку против этого здания и просидели до темноты, ничего не добившись. Покуда мы сидели, сбоку по направлению к кладбищу телеги провозили два гроба, я вдруг сказала себе: «Если будет третий гроб, то это плохо». И вот через несколько времени я вижу третий гроб, медленно поднимающийся в гору, и больше гробов уже не было. У меня стучало сердце, но только на минуту, я отбросила суеверие, позднее мне это вспоминалось.

На следующий день мне пришлось за деньгами пойти к Зонафалу Павловичу Тиц. Это немец-колонист, заменявший временно датского консула, исполняя его обязанности почти по отношению к военно-... (*неразб.*) германской войны. Каждому желающему вернуться на родину он передавал некоторую сумму денег и документы, обеспечивающие беспрепятственное возвращение на родину. Большевики всячески старались использовать для себя эту внушительную массу людей, с какой они и выбрали из их среды комиссара, роль которого сводилась к убеждению военнопленных служить большевикам. Датское консульство всеми силами оттаживало их от этого и предлагало скорее вернуться на родину. Первое большое число военнопленных в Пятигорске на службу большевикам согласилось поступить около 350 человек, которые и были поме-

щены в Sanitas, где жили и мы. Сын мой, находясь в подвале следственной комиссии, нашел возможным через солдат известить меня, чтобы я немедленно приходила, захватив крупную сумму денег, так как ему грозит расстрел. Дочь моя была уже у стен подвала, куда и я пришла. Со слов сына мы узнали, что в эту ночь следственная комиссия без всякого суда приговорила к расстрелу. Несколько человек в эту ночь (в том числе Крашенников) были расстреляны. Сына задержали потому, что он сказал, что его могут взять на поруки. Сын сказал, что нам нужно переговорить с Кравцом, который к пяти часам должен быть тут. Дочь моя увиделась с Кравцом в присутствии сына, и Кравец назначил сумму 50000 р. залога и сказал, чтобы на следующий день дочь моя пришла поговорить об условиях уплаты. С этого дня, ежедневно принося пищу сыну, мне удавалось видаться с ним во дворе или через окно подвала. Каждое утро мы спешили, чтобы удостовериться, что сын мой жив, и до следующего утра были спокойнее. Кравец, назначивший свидание моей дочери, был недостижим, под разными предлогами он уклонялся. Дня через три случилось, что он был ранен в руку при поимке фальшивомонетчиков, и подоспевший на помощь ему Артабеков был тоже ранен в плечо. Оба были помещены в больницу, где добивалась их повидать моя дочь, которой они объяснили, что она может обращаться за всеми делами к Власову. От всех наших сношений с следственной комиссией получалось убеждение полной бесплодности всех наших стараний и усилий. Мы натывались на этих людей, как на какую-то холодную стену, не дающую никакого отзвука на все призывы. Это не была человеческая бесчувственность. Это было больше, окаменелость, переходящая границы психического равновесия. ...

14 октября Сорокин присудил переворот арестованных и расстрелял весь ЦК. ... Арестовал Стентмаковича и Власова и послал коменданта в подвал. Он лично и через уполномоченного ... (*неразб.*) повидал заключенных, <давая надежду> на освобождение и возмущаясь их помещением в подвал, приказал постелить ковры для спанья арестованным. Многие из наших, для ясности, обратились к нему с ходатайствами, но молодой офицер из стражи предупредил, что Сорокина власть не прочна и против него идет ... (*неразб.*) мстить за то, что расстрелял их вождя Матвеева. И правда, через день Сорокин исчез, следственная комиссия со Стентмаковичем вернулась на свое место. Власов был убит своими же

солдатами, которых он принял за врагов и в которых стрелял, такова версия его смерти из следственной комиссии, так ли было, не знаю ... . Вернулся и палач на свое место в подвалы, и правила стали строже, видеться на дворе было трудно, тайком виделись в окошко. В это время начались болезни среди арестованных, инфлюэнца обошла всех, от воспаления легких умерли один из ... (*неразб.*), ген. Корчетов, ген. Корже-нов, заболел и один из братьев Четыркиных, но он проболел около месяца и умер у себя дома, когда был освобожден. Болели инфлюэнцей почти все, у Малиновского было воспаление обоих легких, очень повышенная температура, и жене его было разрешено быть при нем день и ночь.

К вечеру 18 октября поднялась ужасная погода, страшный туман, с холодным ветром и снежной метелью. Мы сидели у Добровольской, тут был и ... (*неразб.*), и мы вели беседу, как можно было освободить наших и как потом их скрыть и увезти. Мы разошлись за 12, а около часу ночи прибежала Малиновская сказать, что из Новоевропейских номеров увезли всех на расстрел. По ее словам, это было так. До девяти вечера было все спокойно. Она сидела у дремавшего мужа, в девять часов вошел отряд солдат (матросов) под предводительством старшины и приказал немедленно всем собираться и брать с собой некоторые вещи, вызывали всех по имени, вызывали и моего сына, забыв, что он переведен в подвал. Оставили двух братьев Четыркиных, Толстого (Милославского), сына Ротки Дмитриева, Шведова, который был в это время в Ессентуках, отпущен на похороны брата и вернулся только в воскресенье, и Федюшина. Остальных всех повели в следственную комиссию. Малиновский был так слаб, что не мог подняться, его оставили, но опять за ним вернулись на извозчике, жена выбежала за ним, стараясь прикрыть его, но солдаты, смеясь, сказали: «Ну, ему там платки не нужны, ты молода, оставь его себе», и Малиновского увезли. По сведениям, собранным нами после, всех заключенных привели в следственную комиссию, наверх, и поодиночке вызывали в следующую комнату, из которой они уже больше сюда не возвращались. Позднее ... (*неразб.*) на автомобилях их увезли на Машук. В первый автомобиль сели Рузский, Добровольский, Рухлов и Кап-нист, остальные в других автомобилях. Малиновского оставили, и на следующее утро он, по-видимому, <был> жив, но, вероятно, умер в тот же день и расстрелян не был; таково впечатление его жены и нас всех.

В пятницу утром 19 числа дочь моя побежала к Артабекову, чтобы как-нибудь добиться освобождения моего сына. Артабеков назначил 200000 рублей залога за моего сына и предложил стать их агентом. «Голову ... *(неразб.)* за голову вашего брата», – сказал он ей. Желая выиграть время, дочь моя просила дать ей несколько дней, чтобы обдумать, но предупредила, что она никого не знает из добровольческой армии. Артабеков обещал не трогать сына до вторника, 23-го. В ужасном состоянии дочь моя полетела в Эссендуки, надеясь захватить побольше денег и подкупить их крупной наличной суммой. Я жила несколько дней в имении Хаут, но в субботу утром встала, чтобы повидать хоть издали своего мальчика. Меня по дороге нашла англичанка сестры Min Greg и сказала, что ни сына моего, ни Малиновского в подвале больше нет и что они переведены в Новоевропейские, это было мне по дороге, и я направилась с нею, конечно, никого в Новоевропейские не переводили. Я уже подозревала истину. Дошла до следственной комиссии к окнам подвала, и сидевший с Гавриилом полковник Соколов, покачав головой, шепотом сказал: «Гавриила больше с нами нет». Я все-таки прошла к выходу на двор и просила передать пишу Бобринскому (наша система узнавать, тут ли наш заключенный). Мне пишу вернули. Тогда Соколов, когда я проследовала мимо него, меня позвал: «Спросите вещи Гавриила, я вам их вынесу». Я вернулась и сказала, что пришла за вещами моего сына. Кто-то хотел меня отогнать, но солдаты каким-то особенно мягким голосом зароптали: «Мать пришла, отдайте ей вещи», у некоторых были слезы на глазах. Один подбежал и стал говорить, что это он тому две недели приходил предупредить меня. Тогда я обратилась к нему и сказала несколько раз: «Скажите только, где, где расстреляли, где», и от плача мне отвечали: «Да разве я расстрельщик, не знаю, где расстреляли, я не расстрельщик». Я взяла вещи и пошла.

Солдаты гарнизонов и при подвалах, и в Новоевропейских номерах менялись почти ежедневно, поэтому много солдат мы видели, с ними говорили. Громадное большинство их – добродушный русский мужик, сочувственно относящийся к нам и нашим заключенным. Все они говорили: «Сочувствуем мы Вам, сегодня их, а завтра нас так же посадят и так же расстреляют», и вы чувствуете какую-то отчаянность, безвыходность положения. Нужно сказать, что расстреливают товарищи не только бур-

жув, но еще беспощаднее – своих собственных товарищей. Железная рука держит войско и тех, кто подошел к большевикам, малейшее проявление недовольства или самостоятельности немелленно обрекает на смерть. Иногда сидит себе самый обыденный русский солдатик, мурлычет себе что-то под нос и добродушно Вам улыбается. «Батюшка мой, да почему же вы в большевиках?» Он смотрит уныло и отвечает: «А куда же мне деваться? Я тамбовский (или тульский, или орловский), дом у меня, пойди, разорили, дойти до дому мне нельзя, куда ни пойдешь, большевики расстреляют, иду я с войны, куда же мне деваться, ну, я в большевики и записался». ... И это громадное большинство. Таманский полк, почти весь из кубанских казаков, пошел за своим атаманом Матвеевым, не рассуждая о том, куда он их ведет. Мое впечатление, что этот рядовой большевик чисто случайно попал к большевикам, и что его легко было бы заманить к добровольцам.

В воскресенье, 21-го, с утра, несмотря на непогоду, гр. Капнист, Добровольская и Малиновская обошли весь Машук, отыскивая место расстрела. Только к вечеру, за кладбищем, узнали они от кладбищенского сторожа, что тут были убиты в ночь с 18-го на 19-е шестьдесят восемь человек и с 19-го на 20-е – сорок два человека. По его словам, часть была расстреляна, часть зарублена, часть обезглавлена. Когда нам выпадет на долю разрыть могилу и получить дорогие тела, тогда только полная картина их кончины, каждого в отдельности, будет нам известна. Сейчас – одна громадная могила, где они положены рядками, на гробах ... *(неразб.)* тифозных.

Право выдать тела нам не было дано, и мы все выехали из Пятигорска, кто в Кисловодск, кто в Ессентуки. Неожиданность и молниеносность удара на многих подействовала так, что они не хотели и не смогли поверить факту, таковы Добровольская, кн. Туманова, гр. Капнист и кн. Урусова, они стали предметом эксплуатации. Я же уехала в Кисловодск, при первом случае желая покинуть владения большевиков.

В Кисловодске мы пробыли около месяца.

В середине ноября, по неизвестной причине, казаки обстреляли Кисловодск, выпустили сорок три снаряда в ... *(неразб.)*. Это произвело громадную панику, большевики бежали кто как мог ... *(неразб.)*. Раненые во всю мочь улепетывали, за ними сестры, а иногда и наоборот. Постреляли часа три, казаки замолкли, но большевики, по неизвестной

для нас причине, продолжали уже ночью стрелять из пушек неведомо куда. До самого нашего выхода из Кисловодска это продолжалось. Через отца Алексея (кладбищенского) мы получили адрес возчика, с которым мы и переговорили. Он брался за 3000 р. довести нас до Невиномыской. Надежды на получение пропуска у нас не было никакой, так как вообще пропуска не выдавались, а за нами, за семьями расстрелянных, следили особенно. Нам удалось получить паспорта на имя портных Никоновой и ее дочери, и мы решили ехать с этим, но пришлось отложить этот путь, так как за возчиком приехали из следственной комиссии и спрашивали, не нанимал ли его кто на этих днях в Балтапашинск, он, конечно, все отрицал, но осторожность требовала выжидания, тем не менее, 26-го, в субботу вечером, возчик Семенов пришел к нам сказать, что он решил рискнуть и завтра везет трех дам и одного австрийского подданного, предлагает поехать и нам. Мы, конечно, согласились, и на следующее утро в пять часов были готовы, но лошади приехали только к восьми, и, положив вещи на дроги, мы сели сами и тронулись в путь. Скоро нас обогнал сам Семенов, сидевший на возу с сеном, он указывал нам путь. Доехав до Подкумка к концу Милутки, Семенов сказал нам сойти и идти пешком, что все безопасно и он нас догонит. Тут мы увидели наших сопутников: одетая бабой женщина, весьма нервничая, несла на плечах мешки с вещами, по ее словам, более чем на 150000 р., управляющий Роде – австрийский подданный, и жена одного офицера. Энергичная дама ... (*неразб.*) пошла вперед, мы за ней, так как никакой дороги не знали, шли недолго и дошли до моста. Тут энергичная дама нам объяснила, что за мостом стоят посты и что нужно решить, дожидаться ли нам тут подводы или идти дальше, но уже если идти дальше, то не останавливаясь, покуда не перевалим через горы, а там уже казаки. Мы решили идти, и пошли мимо Колтца, горы, прямым путем на Тургустан, погода была слегка морозная, но солнечная, и идти было нетрудно. Постов мы нигде не встречали, и хотя энергичная особа нас предупреждала, что есть опасность обстрела, так как дорога эта видна с Пятницкого базара и с горы Кабал, но мы благополучно дошли до последней крутой и высокой горы, на верхушке которой уже видны лишь разьезды казацкие. Оставалось около получаса дойти, как вдруг австрийский подданный нам крикнул, что идет разьезд большевистский, мы сели в канаву и ждали, что будет. Большеви-

ки подъехали, и наш мужчина подбежал к ним, высоко подняв руки. Верховых было двое, они сказали, что возчик наш арестован, вещи все забраны, а нас самих им велено привести в совдеп. Что же нам оставалось делать. Мы встали и пошли за ними, назад по прямой дороге. Так как я иду очень медленно, то они много обогнали меня, проходя, энергичная особа нам шепнула: «Придется откупаться». При последнем повороте к Кисловодску верховые остановились и после долгих увещаний и убеждений согласились нас отпустить за 4000 р. Мы собрали 3750 р., передали и отправились вновь по той же дороге, взобрались на гору, где встретили первых казаков, а затем двинулись к Тургустану. Наши спутники скоро исчезли у нас из виду, а мы с дочерью тихо побрели, надеясь как-нибудь добраться засветло, но не тут-то было. Ночь нас застала в крутом ущелье, и только благодаря луне могли мы продолжить бродить и отыскивать дорогу, соображаясь с положением Тургустана. К счастью, было тепло, и луна являлась нашей спасительницей. Наконец и луна стала заходить, и полный мрак был перед нами. К счастью, засветился огонек в Тургустане, и на его приветливый свет мы пошли и нашли на ночь приют. Было около десяти часов вечера, мы вышли из Кисловодска в девять утра, не останавливаясь, шли все время и прошли около двадцати четырех верст. В Тургустане мы провели две ночи, в станице было беспокойно, ожидали прихода большевиков и собирались бежать при первом предупреждении. В станице большевиками сожжена церковь, правление, несколько лавок и домов, станица очень пострадала и очень напугана. Третью ночь мы провели в Бекешове, там большевиков не было, там стояло несколько полков и штаб Дикой дивизии. Тут нас обнадежили скорым взятием Кисловодска, так что казалось, не стоит дальше идти, но мы все же двинулись дальше к Балтапашинску, куда и пришагали в среду вечером. Что поразило на всем пути, это безлюдие степи. Во всю дорогу от Кисловодска до Тургустана мы не встретили ни души, кроме разъезда большевиков и разъезда казацкого на вершине горы. Так же безлюдна была дорога от Тургустана до Бекешова и немного многочисленнее сорок верст от Бекешова до Балтапашинска. В Балтапашинске атмосфера была спокойная, хотя бои шли неподалеку и с переменчивым счастьем. Воспоминания о большевиках живы и ужасны. Но и казаки отплатили большевикам. Против собора воздвигнуты были виселицы, и жители ужасались при виде вися-

чих тел; по счастью, виселицы на соборной площади убрали, и если вешали, то не публично. Страшно, что большевики, которые не очень любят распространяться насчет жестокости казаков, нигде не упоминают о виселицах. Когда переходишь так быстро из владений большевиков во владения казаков, особенно прожив целый год во власти первых, то поражает, прежде всего, общность физиономии казака-белогвардейца и казака-красногвардейца, разница не в человеке, а в том, что они считали своим благом. Все жители казацких станиц домовитые ... (*неразб.*) люди, им нужен порядок, чтобы они могли жить и богатеть. Большевики-казаки и иногородние считают, что они имеют недостаточно, и хотят обогатиться путем получения больше денег. Различный взгляд на свое положение, но цель одна и та же. Но на стороне казаков чувствуешь твердую реальную почву, в царстве большевиков настолько все фантастично, их собственный успех кажется сказкой, и вся жизнь – оторванная от действительности, чтобы ощутить реальность, проявляют себя в уродливых явлениях цинизма и жестокости. Реальная у большевиков только смерть, остальное все сказка, и благодаря этому вся жизнь течет поверхностно, наусушко, не затрагивая глубокие струны, которые не выдержали бы всей силы переживаемых впечатлений. Тут, на стороне казаков, чувствуется, что жизнь – реальность, а потому она и течет в более глубоких душевных струях. Тут жизнь серьезная и прочная, там – все победит случайность, можешь ловить эту случайность.

... (*неразб.*) моего прихода я посещала священников, как ... (*неразб.*) мне дать наиболее ... (*неразб.*) сведений и осветить мне картину бытия низкой психологии. Их священники, почти слово в слово, говорили мне одно и то же: религиозность не мешает быть большевиком, и большевизм не мешает быть верующим и церковным. Знаменитый балтапапинский большевик, гроза и ужас окрестных станиц, Болияонов – очень религиозный человек и не пропускает ни одной службы. Во время пришествия большевиков в ... (*неразб.*), так и в Балтапапинске, церкви были полны большевиков. Насилия над священниками, издевательства над церковью, по словам всех священников, производятся бывшими каторжниками, ... и отчасти баптистами, рядовой большевик к этому не причастен, потому что знает: сейчас, по крайней мере, по местному краю, священники в данный момент оказались больше чем на высоте. В одной

Кубанской области их убито – и как убито! – замучено больше двухсот человек – восемьдесят процентов от всего количества местных священников. Священников жгли, рубили, одному втиснули глаза в темя, другого заживо закопали, а какое количество только случайных смертей! В страницах истории эти мученики найдут свое место, и русское православное духовенство вновь, как в Древней Руси, окружится вещами святости. Отношение духовенства чисто христианское, оно молится о мире, о прекращении братоубийственной войны и не отказывает даже врагу своему и своему убийце в благах веры и милосердия. Патриарх предал анафеме большевиков, но на самом деле это невыполнимо, потому что, чистосердечно, и у верующего большевика <имеется> сознание греховности большевизма. Все священники (ессентукские, кисловодские, бекешовские, балтапашинские, екатеринодарские) на мой вопрос, что неужели на исповеди умирающий большевик не кается в грехе братоубийства, <отвечали>: «Никогда. Он кается в грабеже, в убийстве вообще, в более мелких грехах, но в том, что он воюет со своим братом, что он губит свою родину – ни один не сознавал это греховным деянием». Эта война – как всякая война, и чудовищность междоусобицы для них несознательна. ... В злешнем краю междоусобная война носит еще особенный характер, это вражда и соперничество между казаками и иногородними. Мне говорили, что у казаков патриотизм весьма узкого типа, для них вся Россия – это иногородние, и только одни казаки, откуда бы они ни были, признаются за родных братьев. Большевики пользуются этой враждой и иногородними почти ... *(неразб.)*.

При таких условиях выводы священников являются вполне логичными и вторичными. Говорят, епископ Ставропольский постановил лишать большевиков христианского погребения. Эта мера очень опасная, обоюдоострая, конечно, церковь могла бы сыграть колоссальную сдерживающую роль, после, в момент остроты, а как влияние продолжительное – и пробуждение более сознательного отношения к жизни. Выбрать сознание сейчас невозможно, это работа будущего, для подрастающих поколений, ... *(неразб.)* церковь должна нести последствия своей инертности, своей недостаточной горячности веры и силы к условным проявлениям. Большевизм как теория перестанет существовать, в сущности, ведется борьба за власть одной группы против другой. ... До теории им дела нет,

им нужно владеть массой для своих целей, и теории вводятся постольку, поскольку они или одурманивают более сознательную часть народа, или совершенно оболванивают бессознательную его часть.

Протокол

разрытия второй могилы убитых большевиками в г. Пятигорске в октябре 1918 г. заложников и судебно-медицинского осмотра и вскрытия извлеченных из земли трупов.²

Выписка

№ 26. В середине могилы вдоль ее лежал труп мужчины на спине с головой, склѐнной к левому плечу, с вытянутыми ногами и с руками, связанными изолированной проволокой за спиной.

Труп принадлежал мужчине высокого роста, волосы на голове были темно-русыми, усы, борода – короткие. Зубы молодые, ровные, хорошие.

Одет в белую, полосатую ситцевую рубашу, белые полотняные кальсоны и белые же бумажные носки. Под верхней рубашой была надета другая, нижняя, с нашитой красной меткой «Г.Б.». На перерубленной золотой шейной цепочке висела икона Черниговской Божией матери и Сергия Радонежского.

На трупе обнаружены признаки многочисленных кровоподтеков на груди и две рубленые раны – одна в области затылка, а другая в области шеи, обе проникавшие до позвонков. Графиня Варвара Николаевна Бобринская опознала в трупе своего сына – вольноопределяющегося Татарского полка Дикой дивизии – графа Гавриила Алексеевича Бобринского, 20 лет (по списку 1 г. № 18, по 2 г. № 38)

Труп графа Бобринского был помещен в гроб № 52, а икона с цепочкой, по ходатайству графини Бобринской, была ей возвращена.

С подлинным верно:

Председатель Особой комиссии (подпись)

Печать Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков

---

²ГАРФ. Ф. 5819. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 8.

Заключение врачей-экспертов

Труп № 26. Многочисленные кровоподтеки на груди свидетельствуют о полученных ударах тупым оружием подгрудной клетки; два рубленых ранения под углом друг к другу в область затылка и задней поверхности шеи, проникших до позвонков, послужили причиной смертельного кровоизлияния.

С подлинным верно:

Председатель Особой комиссии (подпись)

Ольга Александровна Ваксель (1903 – 1932)

Дочь Александра Александровича Вакселя и Юлии Федоровны Львовой – Ольга Александровна Ваксель – родилась 18 марта 1903 г. в городе Паневежисе в Литве, скончалась 26 октября 1932 г. в городе Осло в Норвегии.

Прежде всего, она стала известна как адресат четырех стихотворений Осипа Мандельштама, которые оцениваются поэтами как замечательные. Два из этих стихотворений написаны при ее жизни, два – после смерти. Между тем Мандельштам не знал, что Ольга и сама – поэт. Свои первые стихотворные опыты она начала в десятилетнем возрасте. Два лета – 1916 и 1917 годов, которые она провела с матерью в Коктебеле у друга Юлии Федоровны, поэта и художника Максимилиана Волошина, ускорили развитие и формирование ее таланта.

Ольга Александровна унаследовала способности рода Львовых, потомком которого она была, к музыке и рисованию, играла на рояле и на скрипке. После развода родителей (в 1905 году), когда Юлия Федоровна вышла вторично замуж за двоюродного брата А.А. Вакселя, Алексея Федоровича Львова-младшего, воспитание девочки постоянно поручали няням, гувернанткам, а иногда и «подкидывали» в семьи друзей, где были дети, близкие ей по возрасту. По этой причине Ольга рано стала чувствовать свое сиротство, у нее развились мечтательность, замкнутость характера, склонность к уединению, а от отца она унаследовала меланхолические черты, вдумчивость, склонность к самоанализу, ранимость, стремление к духовной независимости.

Училась она в закрытых учебных заведениях – в гимназии Левицкой (Царское Село), затем в Екатерининском институте на Фонтанке (ныне в этом здании находится филиал Российской Национальной библиотеки).

---

¹ Арсений Арсеньевич Смольевский (1923 – 2003) – сын О.А. Ваксель (см. о нем 155/116).

Ольга Александровна Ваксель.
Фото 1916 г., Петроград

Развитию поэтического дара Ольги способствовала и ранняя влюбленность; ее чувства, настроения и мысли отражены в ее стихах. Она считала себя поэтом акмеистического направления и отмечала, что влияние на ее творчество оказали занятия в Институте Живого Слова в группе, руководимой Н.С. Гумилевым, который приходился ей родственником (бабушка Гумилева, Анна Ивановна, тоже происходила из рода Львовых). В мае 1921 года, в восемнадцать лет, Ольга, несмотря на отговоры матери и ее друзей, вышла замуж за Арсения Федоровича Смольевского (1883 – 1967), человека на 19 лет старше себя, который и был предметом ее влюбленности, начиная примерно с весны

1915 года (он тогда преподавал математику в гимназии Левицкой). Сын сельского помещика, Арсений Федорович учился сначала в духовной семинарии в Каменец-Подольске, а затем должен был поступать в Духовную Академию, но вместо этого стал студентом физико-математического факультета Петербургского университета, хотя по складу ума был гуманитарием. Зарабатывал на жизнь уроками. Позже он успешно окончил Институт путей сообщения и был оставлен при нем в качестве преподавателя математики.

Семейная жизнь принесла Ольге глубокое разочарование, и вскоре после рождения сына она развелась с мужем, в лице которого постепенно обрела жестокого, коварного и мстительного врага, шпионившего за каждым ее шагом, а впоследствии изливавшего свою злобу и на ее мать Юлию Федоровну.

Арсений Федорович подкарауливал Ольгу Александровну возле ее дома по вечерам, когда она возвращалась домой, устраивал ей сцены, а если ее провожал кто-нибудь из друзей, мог и в драку с ними вступить. Четыре раза он затевал судебное дело, чтобы отобрать у Ольги Александровны сына (и это притом, что он вообще не хотел иметь детей). Всякий раз дело он проигрывал, что только ожесточило его еще больше.

Ольга Александровна была очень начитанна, но не кончала ни института, ни даже техникума. Она пробовала свои силы в кино, занималась одно время в студии «ФЭКС», в других киностудиях, иногда участвовала в массовках при съемке исторических фильмов. Не имея определенной профессии, она не имела и постоянного заработка; работала одно время табельщицей на стройке, иногда – манекенщицей на пушных аукционах, подчас подрабатывала чтением корректуры в академическом издательстве и, наконец, служила кельнершей в кафе при гостинице «Астория». Ее окружение составляли в основном представители ленинградской богемы – киношник Иосиф Кринкин – критик, Юлий Филиппович Слепян – режиссер, и его сестра Дарья Филипповна – драматург весьма средней руки. В числе ее знакомых назову еще актрису Ольгу Николаевну Гильдебрандт-Арбенину и выдающегося филолога Константина Николаевича Державина. Постоянными ее подругами были сестры Масловские, из них старшая, Елена Владимировна, в Екатерининском институте когда-то сидела с Ольгой за одной партой и до конца оставалась ее конфиденткой.

Знакомство с братьями Осипом и Евгением Мандельштамами началось еще в Коктебеле, а позже оба брата навещали ее в Екатерининском институте. Встретив Ольгу в Ленинграде (она к тому времени стихов не писала и успела развестись с Арсением Федоровичем), Осип Эмильевич повел ее знакомить со своей женой Надеждой Яковлевной Хазиной. С Надеждой Ольга подружилась, а Осипа она считала человеком слабым и лживым. Осип был буквально ослеплен ею, она же избегала его. Отношения запутывались все сильнее. Когда же у Евгения Эмильевича умерла жена, от которой у него осталась дочка, предполагалось, что они с Ольгой поженятся, но она ускользнула и от него, о чем он жалел до конца жизни.

Надежда Яковлевна была, несомненно, очарована Ольгой и в то же время безумно ревновала Осипа к ней, а во всем, что ей не нравилось в поведении Ольги Александровны, совершенно необоснованно винила Юлию Федоровну.

«Вторая тетрадь» записок Надежды Яковлевны полна неточных сведений, прямых инвектив, написана хлестко, с расчетом на сенсацию, на вкусы зарубежных читателей. Простим ей это, учитывая, в каких условиях прошла жизнь вдовы поэта после его гибели.

Зимой 1930 – 1931 годов Ольга Александровна согласилась, можно

сказать, неожиданно для самой себя, стать женой штурмана советского флота Льва Александровича Ржевского, и казалось, этот брак будет счастливым. Но на новогодней вечеринке в Европейской гостинице (встречали 1932 год) среди лиц гостей ее внимание приковало прекрасное лицо. Это был дипломат, назначенный вице-консулом консульства Норвегии в Ленинграде – Христиан Иргенс-Вистендаль. Он неплохо говорил на русском языке, был очень хорошо воспитан, высокообразован, он был ей «ровня» по культуре и по возрасту, словом, в нем Ольга почувствовала родственную душу.

Ольга Александровна не стала специально искать встреч с ним, но сама первая призналась ему в любви... и снова начала писать стихи. Христиан тоже горячо полюбил ее, но виделись они редко. Весной 1932 года им удалось вместе совершить морское путешествие по Крыму и Кавказу, во время которого она диктовала Христиану историю своей жизни, а какие-то отрывки вписывала сама. К осени 1932 года было получено официальное разрешение на брак, и 28 сентября Христиан увез Ольгу на свою родину, в столицу Норвегии Осло. Уезжая, Ольга оставила сына на попечение своей матери.

Она была окружена вниманием и трогательной заботой родных и друзей Христиана; языкового барьера не было, так как Ольга Александровна хорошо говорила по-французски и по-немецки, да и занятия норвежским у нее шли успешно. Но неожиданно для всех, прожив всего лишь месяц в семье Христиана, 26 октября 1932 года, оставив несколько стихотворений и рисунков, Ольга Александровна застрелилась из револьвера, найденного в ночном столике мужа. Сказались и ностальгия, и глубокая осенняя депрессия, и тяжесть от травли, которые несли ей бесконечные преследования со стороны Арсения Федоровича, усталость от жизни, в которой она безуспешно пыталась найти свое место. И твердое решение жить только до тридцати лет, которое она приняла. Смерть Ольги принесла большое горе всем близким. Через полтора года умер и Христиан от сердечной болезни. Юлия Федоровна взяла со всех своих друзей клятву, что об истинной причине смерти Ольги они ничего не скажут мне, ее сыну. В 1934 году переписка с Осло, с сестрой Христиана и с Норвежским консульством в Ленинграде прервалась.

Только в конце 1964 года я решил искать через общество друж-

бы Норвегия – СССР сестру Христиана – госпожу Агату Стрэм (Agathe Stroem). (Найти Агату нам помогла Мария Альфредовна Добровейн, вдова известного пианиста и дирижера Исая Добровейн.) Завязалась переписка с ней, и в июне 1965 года Агата приехала на теплоходе в Ленинград в составе туристской группы. Она привезла с собой последние стихи и рисунки моей матери, ее воспоминания, продиктованные Христиану на русском языке, и несколько акварелей Макса Волошина – из числа когда-то увезенных Ольгой с собой в Норвегию. Через два года мы с женой побывали в Осло по приглашению тети Агаты, повидались с людьми, которые еще помнили Ольгу Александровну.

Нужно сказать, что до лета 1965 года я вообще ничего не знал о стихах Мандельштама, посвященных Ольге Александровне. В архиве Юлии Федоровны хранился автограф его стихотворения из сборника «Камень»: «Отравлен свет и воздух выпит...», кроме того, я помнил с детства мамину поездку на юг в обществе Евгения Эмильевича, в которую взяли и меня. В 1965 году на имя литературоведа Виктора Андрониковича Мануйлова из Америки поступил двухтомник сочинений Мандельштама под редакцией Глеба Струве (Нью-Йорк, 1967). Это издание находилось в Спецхране БАН, где я работал. Мне было разрешено приходить читать, и в комментариях к стихотворениям я нашел отзыв Анны Андреевны Ахматовой на два стихотворения, посвященных моей матери. В одном из них говорилось о ее «холодной стокгольмской могиле», а из второго приводилась строчка: «Хочешь, валенки сниму...» Комментарии заканчивались словами: «Кто такая Ольга Ваксель, мы не знаем».

Забегая вперед, скажу, что в 1979 году, когда в Штаты, по приглашению вдовы известного архитектора Райта Ольги Ивановны Райт, собиралась поехать наша знакомая, доктор исторических наук, профессор Вера Романовна Лейкина-Свирская, подруга детских лет Ольги Александровны, предполагавшая встретиться в Калифорнии также и со своим бывшим одноклассником Глебом Струве, я попросил ее рассказать Струве, что она знакома с сыном Ольги Ваксель. Но Вера Романовна мою просьбу не выполнила – забыла.

С Анной Андреевной Ахматовой я не был знаком и решил позвонить ей по телефону. Но от нее через Ирину Николаевну Пунину я узнал, что речь шла о стихотворении «Жизнь упала, как зарница...». Через нее же

я передал для Анны Андреевны подборку маминих стихов за разные годы и несколько ее фотографий. По словам Ирины Николаевны, Анна Андреевна – это было незадолго до ее смерти – ознакомилась со стихами, а из фотографий выбрала одну – снимок 1916 года, как наиболее точно передающую духовную сущность Ольги Ваксель.

Потом возобновилось мое знакомство с Евгением Эмильевичем Мандельштамом, которому я отослал отрывок из воспоминаний матери о ее встречах с Осипом и его женой. В начале 1969 года я виделся с Надеждой Яковлевной. Во время встречи она говорила об Ольге Александровне очень тепло, а через некоторое время – в 1970 году, Надежда Яковлевна опубликовала в Самиздате свою «Вторую книгу», полную несправедливых выпадов.

Стихи Ольги Ваксель и часть текста ее воспоминаний (машинопись) находятся в рукописном отделе Пушкинского Дома – Института Русской литературы (ИРЛИ). Высокую оценку стихам дали литературоведы Зара Григорьевна Минц (Тарту) и Виктор Андроникович Мануйлов, но помочь опубликовать их они не смогли. Начиная с 1988 года, отдельные стихотворения я читал на вечерах, устраивавшихся Ленинградским отделением Фонда Культуры в цикле «Былое и думы» (Е.Б. Белодубровский); небольшие подборки стихов появлялись в литературных журналах и альманахах, иногда вместе с отрывками из воспоминаний Ольги Александровны. По настоянию Е.Б. Белодубровского изучением биографии Ольги Александровны, воспоминаний ее и о ней занялся искусствовед и писатель Александр Семенович Ласкин, опубликовавший журнале «Звезда» № 10 за 2001 год повесть под заглавием «Ангел, летящий на велосипеде». Повесть была отмечена литературной премией, и автор получил грант на издание в 2002 году книги под тем же названием. Текст книги, выпущенной издательством «Стройиздат», по сравнению с повестью значительно расширен и дополнен, она хорошо и богато проиллюстрирована, в конце впервые дается развернутая подборка стихов. Состоялись две торжественные презентации этой книги, были сообщения о выходе книги по радио и телевидению. История знакомства Ольги Ваксель с Осипом Мандельштамом и его женой была рассказана в телевизионных сериях «Безымянные дома» (ЛОТ) и «Больше, чем любовь», но нигде не был раскрыт ни истинный характер натуры Ольги Ваксель, ни события и обстоятельства, определившие ее судьбу.

Архиепископ Нафанаил

**Воспоминания
о борьбе с насильственной репатриацией
в Гамбурге в 1945 году¹**

В самом начале мая 1945 года, за несколько дней до сдачи Гамбурга англичанам, мы, архимандрит Нафанаил и иеромонах Виталий, пришли из Берлина в Гамбург частью пешком, частью подвозимые попутными автомобилями.

На богослужения, организованные нами в предоставленной нам англичанами немецкой церкви св. Иоанна Богослова, хлынуло множество народа, главным образом русских и сербов из многочисленных лагерей ост-арбайтеров. Вскоре англичане отдали нам для богослужения и жительства бывшую штаб-квартиру гитлеровской организации СА.

После Пасхи англичане начали увозить русских в советскую зону. Это не была в полном смысле слова насильственная репатриация. Этих людей не заковывали в кандалы, не отправляли как арестованных. Они ехали иногда даже распевая бравурные песни. Но подавляющее большинство ехало неохотно, только потому, что другого выхода не было. Англичане упорно твердили: «Все русские должны ехать домой».

Из самого большого в Гамбурге, так называемого «рыбного» лагеря, где было сосредоточено около 20 тысяч ост-арбайтеров, главным образом русских, были в этот первый период репатриации вывезены все до единого обитатели. Среди увезенных было несколько священнослужителей. Уезжая, они плакали горькими слезами, и многие прибегали к нам, прося «похлопотать, чтоб можно было остаться».

Но мы с о. Виталием к этому времени только с трудом начали находить ходы к английским офицерам, от которых зависело осуществление репатриации. Разговоры с ними были приблизительно одинаковы:

---

¹ Архиепископ Нафанаил, в миру Василий Владимирович Львов (218/183). Воспоминания печатаются по изданию: Архиепископ Нафанаил. Беседы о Священном Писании и о вере. В 5 т. Т. 5. Нью-Йорк, 1995. С. 267 - 279.

– Неужели вы будете проводить насильственную репатриацию?
– Насильственную нет, конечно.
– Значит, те, кто не хотят возвращаться домой, могут остаться?
– Нет, остаться нельзя, все русские должны ехать домой.
– А если они не хотят?
– Ну, почему же они не хотят? Вы повлияйте на них. Ведь в России все так прекрасно. Им будет очень хорошо.

– Но как же я им буду рассказывать о том, что делается в России, когда они это все знают гораздо лучше меня?

Такие разговоры не приводили ни к чему. Со слезами и отчаянием люди каждый день продолжали уезжать на Восток. Оттуда стали доходить вести все более мрачные. Нескольким увезенным удалось бежать и вернуться. Они рассказывали об ужасах. Среди увозимых начались самоубийства. Доходили слухи, что в американской зоне самоубийства принимают массовый характер.

Наконец, в конце мая один лагерь в Гамбурге, предназначенный к вывозу, Кверкампф, или Функтурм, с 600 русских насельников, выкинул черный флаг и составил прошение по-русски и по-английски (английский текст писал В. Геккер), в котором решительно просил английские власти расстрелять их на месте, но не отправлять на Родину.

Под прошением было поставлено 268 подписей, так как не все 600 человек в этом лагере решились подписать такое категорическое заявление.

Владыка Нафанаил
(Василий Владимирович Львов).
Фото 1960-х гг.

С этим документом я пошел к начальнику репатриационного отдела, полковнику Джеймсу. Приняв от меня указанное прошение, полковник обещал снести по этому делу с Главным Военным Управлением и через несколько дней дать ответ.

Ответ был получен в самом начале июня. Его я помню точно наизусть: "No person who is not a war criminal, or was not a Soviet citizen on 1-st September 1939 is be repatriated against his wish".

«Никто, кто не является военным преступником, или советским гражданином к 1-му сентября 1939 г., не должен быть репатриированным против своей воли».

Это значило, что советские граждане, бывшие таковыми к 1-му сентября 1939 года, подлежали репатриации против своей воли.

Помню, в какое негодование пришел молодой английский священник из числа Cowley Fathers, который на короткое время приехал тогда в Германию, чтобы работать с Ди-Пи, как стали зваться ост-арбайтеры. Убедившись, что он ничем помочь не может, он скоро уехал. К сожалению, не помню его имени.

Но вскоре нам с о. Виталием стали вырисовываться возможности обойти бесчеловечные правила и добиться спасения наших людей от насильственной выдачи.

На следующий день после получения официального ответа из Главной Квартиры мы снова были у полковника Джеймса.

– А как польские граждане, могут ли они остаться в Германии при желании?

– They enjoy the privilege to chose, whether to go or not' («Они пользуются привилегией выбрать, ехать им или нет»), – не без мрачной иронии ответил полковник, и я тоже наизусть запомнил эти слова.

– Так эти жители лагеря Кверкампф, подписавшие прошение о расстреле и все живущие вместе с ними, являются все без исключения польскими гражданами. Как известно, в Польше до войны было около 8 миллионов русских, украинцев и белорусов. Удостоверить их принадлежность к польскому гражданству документами мы не можем, так как немцы у всех работников с Востока – и у русских и у поляков – отбирали документы. Следовательно, мы должны положиться на показания самих людей. Что Вы на это скажете?

– Прекрасно. Составьте список жителей Кверкампфа, не желающих возвращаться на родину, принесите его польскому офицеру связи, состоящему при нашем военном управлении, и если он этот список примет, я ничего не буду иметь против того, чтобы эти люди были переведены в польский лагерь и остались в Германии.

Мы составили этот список. На этот раз записавшихся было 618 человек, все поголовно жители Кверкампфа. Этот список мы отнесли к польскому офицеру связи, майору армии Андерса, убежденному антикоммунисту.

Он подписал список, как соответствующий действительности, поставив на него свою печать, и вместе с нами, т. е. со мной и с о. Виталием, отнес его к полковнику Джеймсу, который принял его и сказал, что во вторник 5 июня насельники Кверкампа будут перевезены в польский лагерь.

Это была суббота 2 июня (20 мая по церковному календарю). Заехав на минуту домой, мы радостно отправились в лагерь Кверкамф. Там наше известие было принято с восторгом. Женщины из двух кусков белой и красной материи сшили польский флаг, который был поднят над лагерем, мужчины наскоро стали заучивать основные польские фразы, коверкая их на русский лад, вроде: «Я по-польски вшитко разумею».

В одном пустовавшем бараке мы кнопками прикрепили к пустым шкапам захваченные нами с собой иконы. Получился иконостас. И мы начали служение всенощной, а после всенощной исповедовали всех желающих на другой день причаститься.

Исповедовалось и на другой день причащалось около 400 человек, больше половины жителей лагеря. Среди детей в лагере оказалось много некрещеных. Рано утром на следующий день, до Литургии, мы крестили более 30 детей.

После литургии с массовым причащением мы совершили несколько бракосочетаний пар, живших дотоле в гражданском сожитии, из-за опасности церковных браков при советской власти и трудности совершения этого при немецких властях, не допускавших эмигрантского духовенства к ост-арбайтерам.

После Литургии и венчания сразу двенадцати пар был торжественный обед. Настроение у всех было радостное, праздничное.

Утомленные всем пережитым, мы лишь к пяти часам вернулись домой и легли отдыхать. Но в 7 часов к нам ворвались двое присланных от лагеря. Они примчались на велосипедах и взволнованно сообщили, что в лагерь приехало 30 английских грузовиков, чтобы куда-то насельников отвести. Я поспешил успокоить их, что отвозить их будут, наверное, в польский лагерь, как обещал полковник Джеймс.

– Да ведь он говорил во вторник, а сейчас только воскресенье, и шоферы не говорят, куда они нас везут. Нам очень страшно. Пожалуйста, поезжайте с нами, поговорите с англичанами, куда они нас везут?

Ехать нам крайне не хотелось. Устали мы отчаянно. Главное, ника-

кого сознания необходимости ехать у нас не было. Тем не менее, уступая настойчивым мольбам, мы сели в трамвай и поехали.

В лагере мы застали до сотни английских полицейских, оцепивших лагерь и не выпускавших никого из него. На дворе стояло 30 грузовиков, на которые английские полисмены складывали пожитки жителей Кверкампа и куда принуждали садиться самих жителей. Некоторые из жителей, бросив свои пожитки, бежали из лагеря.

Мы подошли к шоферам и стали спрашивать их, куда намереваются они везти наших людей.

– Мы не знаем, – сухо отвечали они.

Это нам не понравилось. Поговорив с о. Виталием, мы решили, что он останется тут, в канцелярии лагеря, у телефона, а я поеду с людьми, и если все будет благополучно, то через час я позвоню ему. А если будет неблагополучно, то о. Виталий бросится в английское командование, чтобы попробовать спасти нас.

– Можно ли мне ехать с нашими людьми? – спросил я шоферов.

– Пожалуйста.

Мы влезли на грузовики. Я поместился в кабинке с шофером. Все тридцать машин помчались, сразу взяв предельно скорый ход.

Мы быстро промчались через Гамбург, выехали на его окраину и подъехали к лагерю, затянутому тремя рядами колючей проволоки.

Ворота лагеря широко распахнулись, и наши грузовики на полном ходу влетели в ворота один за другим.

Ворота захлопнулись. Над главной конторой лагеря мы увидели большое полотно красного флага с серпом и молотом. С крыльца конторы спускался советский офицер с огромными погонами, с красным бантом на груди. Подойдя к нам, он аффектированным голосом произнес:

– А, батя, очень приятно, будем вместе работать.

Я вышел из шоферской будки.

– А скажите, тут есть английский офицер? – подавляя волнение, я спросил у советского офицера.

– Английских офицеров тут нет, – тем же искусственным аффектированным тоном отвечал тот. – Здесь советский транзитный лагерь с советскими гражданами. Здесь находимся мы – советские офицеры и к нашим услугам есть немецкая полиция.

– Скажите, а как отсюда можно выйти? – спросил я, сосредоточенно стремясь найти английского офицера, чтобы с его помощью вырвать людей из этой ловушки.

– Зайдите ко мне в контору, я напишу вам пропуск, с которым вас выпустят. Но завтра к утру все должны быть на месте, так как в 9 часов утра отсюда отправляется транспорт в советскую зону, и все находящиеся в этом лагере будут отправлены с завтрашним транспортом.

С этими словами советский офицер отошел от нас. С грузовиков стали спускаться люди, слышавшие наш разговор. У них были страшные, посеревшие, перекошенные нечеловеческим испугом лица.

– Отец священник, это куда же мы попали?

Я уже и сам почти не справлялся со своим испугом и волнением, и ничего не мог им ответить.

– Подождите, ребята, сейчас узнаю, – наконец сказал я, оглядываясь и ища, кого можно расспросить подробнее. Мимо нас проходили какие-то две девицы.

– Маруся, смотри: поп. Я такого еще не видела.

Я подошел к ним.

– Девчата, не знаете ли, нет ли где-нибудь здесь поблизости английского офицера?

– Есть, вон там за лагерем. Только к нему, чтобы пойти, нужен пропуск. У него часовой стоит.

Я бросился туда. Так как я говорю по-английски, и так как я был одет в рясу с наперсным крестом, то часовые легко пропустили меня к офицеру – майору Андерсону.

– Это недоразумение, – закричал я, входя к нему в контору. – Мои люди польские граждане, а вы привезли их в советский транзитный лагерь!

– Ах, это вечная путаница. Русские, поляки, их так трудно отличить друг от друга. Соберите документы от ваших людей, принесите их мне, и я сейчас же отдам распоряжение перевезти их в польский лагерь.

– У них нет документов, как вам известно, немцы отобрали у всех рабочих с Востока, у русских и поляков, все их документы (спасибо им сердечное за это, при этом подумал я).

– А, так подождите минутку, присядьте, я сейчас вызову польского офицера.

Он позвонил по телефону, и через 15 минут к конторе подъехал на мотоциклетке польский офицер, говоривший по-английски.

– Там привезли польских граждан, – сказал англичанин поляку. – Проверьте их и переведите в свой лагерь.

Поляк вышел. Через несколько минут он вернулся и заявил:

– Ни один из них не польский гражданин, ни один из них даже не говорит по-польски. Это все советские граждане.

В это время я с ужасом заметил у него над левым карманом на груди маленькую красную звездочку. Это, оказывается, был красный поляк или присланный от Люблинского правительства или перешедший на сторону коммунистов тут. Англичане этой разницы почти и не понимали, а для нас это был вопрос жизни или смерти.

Майор Андерсон посмотрел на меня холодным враждебным взглядом.

– Что это значит? – спросил он.

– Я знаю, что я говорю, – настаивал я. – Это польские граждане. Полковник Джеймс знает этот случай.

– Я расследую это, – сказал Андерсон, переставая разговаривать.

Я вышел от него в черном мраке отчаяния. Ко мне подошли некоторые из приехавших со мною людей.

– Отец священник, они не признают нас тут поляками и записывают нас советскими. Что нам делать?

Меня захватил ужас. Это новый удар. Единственным шансом для спасения мне представлялось – завтра утром как-нибудь отбиться от отправки в советскую зону. Следующий транспорт пойдет лишь через три дня. За эти три дня мы свяжемся с полковником Джеймсом и добьемся перемещения наших людей в польский лагерь, основываясь на официальном списке, в котором они помечены польскими гражданами.

А теперь, если будет приготовлен новый официальный список тех же людей, уже как советских граждан, то придется разбирать, какой официальный список более соответствует действительности, и мы окажемся в тяжелом безысходном положении.

На слова же майора Андерсона о том, что он расследует этот случай, я не полагался, так как было уже 10 часов вечера, и полковника Джеймса достать было невозможно.

К нам подошел советский офицер и, прислушавшись, закричал, меня прежний аффективно-дружеский тон на грубо-враждебный:

– Вы здесь, батька, агитацию не разводите. Убирайтесь вон из лагеря, пока я вас выпускаю. Я тоже переменял тон и закричал:

– Я вас не спрашиваю, что мне делать. Я сам знаю, что я буду делать. Советский офицер ушел.

Нам на почлег отвели самый скверный, грязный, пропахший гнилью барак с засаленными, вонючими нарами. Никто не входил в это помещение. Безумно уставший, я задремал под деревом.

Был уже двенадцатый час, когда ко мне подошел английский солдат:

– Майор просит вас к себе.

Я пошел к майору Андерсону. Он сидел за столом. Рядом с ним стоял польский офицер, поодаль, у входа, стоял советский офицер.

Высокомерным, холодным, недружелюбным тоном Андерсон обратился ко мне:

– На каком основании вы нарушаете правила этого лагеря?

У меня уже тоже не было желания говорить с ним дружественно.

– Какие это правила вашего лагеря?

– Вы препятствуете вашим людям регистрироваться.

– Потому, что вы регистрируете их советскими гражданами, а они – польские граждане.

– Они не польские граждане, они даже не говорят по-польски, – перебивает меня польский офицер.

– Раз я говорю, что они – польские граждане, значит они – польские граждане, – в свою очередь перебиваю я польского офицера. Потом, обращаясь к англичанину, кричу на него.

– Как вам не стыдно, вы играете человеческими жизнями, вы знаете, что значит для моих людей, польских граждан, попасть в советский лагерь и быть вывезенными на советскую территорию?!

– Никто из них не будет вывезен в советскую зону, – тем же холодным высокомерным тоном сказал Андерсон. – Полковник Джеймс подтвердил ваше показание, и завтра в семь часов утра все ваши люди будут перевезены в польский лагерь.

– Что? – вскричал я. – Правда?

– Я вам сказал это, – прежним надменным тоном сказал майор. – Но

вы должны извиниться перед польским офицером и перед советским офицером, потому что вы были грубы с ними.

– Пожалуйста, с удовольствием, хоть сто раз, – воскликнул я. И обращаясь к польскому офицеру, сказал по-английски:

– Простите меня, пожалуйста, дорогой сэр.

– Я удовлетворен, – ответил поляк. Потом, обернувшись к советскому офицеру, уже по-русски говорю ему:

– Прости меня, ради Бога, дорогой гражданин офицер. Тот что-то пробурчал в ответ, чего я не расслышал. Я выскочил из комнаты английского офицера, стремясь как можно скорее сообщить радостную новость нашим людям. Подбежав к ним, я закричал:

– Ребята, завтра мы не поедem на советскую зону, нас повезут в семь часов утра в польский лагерь!

Но люди уже потеряли доверие ко мне. Ведь это, в конце концов, я уверял их, что они могут ехать сюда без опасения.

– Никуда нас не повезут. Мы сами знаем, что делать, – раздались голоса.

Я почувствовал, что вот-вот начнется страшная сцена массового убийства и самоубийства. Сведения о подобных явлениях в американской зоне к нам уже доходили.

Под влиянием явного недоверия наших людей к принесенной им радостной новости, поблекла и моя радужная уверенность.

«А вдруг английский майор соврал, чтобы успокоить людей?» – приходила в голову мысль.

К счастью, я не знал тогда, как обманул английский маршал казаков в Тироле. У меня все-таки было доверие к слову английского офицера.

– Ребята, – сказал я своим людям, – пожалуйста, не делайте ничего сегодня. Подождите до утра. Если нас повезут в советскую зону, то я сам благословлю вас резать друг друга и себя самих, так как лучше смерть, чем оказаться в советских руках. Но я не думаю, чтобы английский майор так просто нагло врал. Подождите до семи часов утра.

Если их неверие заразило меня, то и моя надежда отчасти передавалась им. Никто ничего не предпринимал. Но настроение у нас стало еще более напряженным, нестерпимым.

Две девицы, которых я встретил при въезде в лагерь, полошши ко мне.

– Гражданин священник, вам здесь неудобно, это плохой барак. Пойдемте лучше к нам, в административный барак. Мы приготовили для вас и ужин и постель.

Сидеть всю ночь с моими людьми при их растущем недоверии, в тяжелой напряженности было невыносимо. Я пошел с девицами в административный барак. В одной из комнат, где помещался низший персонал лагеря, собралось шесть человек молодежи: три девицы и три юноши, служащие лагеря.

Слух о том, что мне удалось добиться отправки наших людей в польский лагерь, и, следовательно, возможность для них остаться и не ехать в СССР, уже разнесся по лагерю и вызвал интерес даже у этих, сравнительно привилегированных советских служащих.

– Гражданин священник, почему же эти граждане, которые с вами, не хотят ехать на Родину? Ведь товарищ Сталин сказал: Родина вас ждет, пора включаться в стройку.

Я колебался, как мне отвечать. Раскрывать все карты пред ними, служащими советского транзитного лагеря, было, конечно, нельзя. Но и замкнуться в отчужденной скрытности тоже не хотелось: они так дружески отнеслись ко мне в эту тяжелую минуту и оказали мне такую услугу в самом начале, показав, где находится английский офицер. Кроме того, я понимал, что, приоткрываясь, я мог дать им драгоценное указание, как и им избежать страшной участи отправки в советские руки.

Поэтому я стал излагать им ситуацию с официальной точки зрения.

– Слова Сталина не относятся к моим людям, так как они не советские граждане, а польские.

– Ну, какие же они польские граждане, если они по-польскому и не говорят.

– В Польше до войны, в ее восточных частях было до 8-ми миллионов русских, украинцев и белорусов, из которых многие не говорили по-польски.

– А как же тогда отличить, кто польский, а кто советский гражданин? – задали они самый главный, самый существенный вопрос.

И я в официальных терминах приоткрыл им картину.

– К сожалению, установить документально, кто является польским, а кто советским гражданином не представляется возможным, так как немцы и у тех, и у других отобрали все документы. Поэтому приходится

Николай Александрович Львов.
Д.Г. Левицкий. 1785 г.

Мария Алексеевна Дьякова, в замужестве Львова.
Д.Г. Левицкий. 1781 г.

ГЕРБЪ РОДА

ЛЪВОВЫХЪ.

Щитъ разсѣянъ. Въ верхней, срединной части, крѣпшій стрѣлковый щитъ, съ крестомъ золотымъ таковымъ же стрѣлковымъ и съ мѣсяцемъ. Въ верхней, лазурной части, срединной съ щитомъ

арками и черными швами, мость, въ нѣхъ, среброже
вашии золотыиъ и широкыиъ концыиъ крестноиъ,
пояъ золотого коронки. Шать зубчатаяъ дворянскииъ
шамель и коронки. Намилники, германскій, иго,
на которыйиъ положили золотая коронка, пояъ германскыиъ
спрекинутыиъ и сужающыиъ. Намилки, ступа ирландскыиъ,
свѣрсирииъ, сѣтъ лазуревый свѣрсирииъ. Шинскыиъ зѣтъ
сѣтъиъ ступени, иго, сѣтъиъ ииъ глаза ииъ и зѣтъиъ
и сѣтъиъиъ головыиъ. Оубо. "Боже Царз
храни," сѣрсирииъиъ сѣтъиъиъ, на лазуревый, митт.

Турецкыиъ рода, Львовскыиъ, Ступицкыиъ, Туринскыиъ, Пили
пояъ, Львовскыиъ, по грамасталииъ Царей и Великихъ
Ливзкыиъ, Ливзкыиъ, Михайловскыиъ и Иоанна
и Петра, Ливзкыиъиъ въ $\frac{1777}{1669}$ и $\frac{1794}{1669}$ годахъ, сѣтъ
пожарныиъ за службу, поимѣстныиъ въ востинуу въ Не
востерзскыиъ уездѣ, въ сѣтъиъ, Арханскыиъ, деревни Ви
шнѣ, пустошѣхъ Чрешицкыиъ, Невосици, Львонцииъ
и Чельсинѣ. Жетлики сѣтъиъиъ ииъиъ служили Рос
сийскому Царству въ разныиъ гинахъ и оубо, ииъ сѣтъ
и.иъ. Вѣ сѣтъиъиъиъ документиали и копѣю сѣтъ
спредѣлииъ Турецкаго, Турецкаго, Депутатскаго
Собрания, о описанииъ рода, Львовскыиъ, въ бласть, рѣдѣиъ
ной Книги, въ число дрѣмѣго дворянства. 10 мѣиъ

Александр Николаевич Львов.
К.П. Брюллов. 1824

Алексей Фёдорович Львов.
А.В. Тыранов. 1940-е гг.

довольствоваться словесными показаниями: если вы заявляете, что вы – советский гражданин, и советский офицер вас признает таковым, то вы считаетесь советским гражданином, а если вы заявляете, что вы – польский гражданин, и польский офицер вас признает своим, то вы считаетесь польским гражданином.

Отрадно отметить, что мой совет пригодился. Всех шестерых я встретил позднее в одном из наших лагерей, в «Колорадо» около Ганновера.

Спать в эту ночь было, несмотря на жуткую усталость, невозможно. Ведь эти юноши и девицы могли свободно зарезать меня и утром уехать в советскую зону, где за это получают только награду. В душе поднималась молитва, да не та спокойная молитва, которую совершаешь в обычное время, а та, которую все мы испытали незадолго до того, когда бомбы падали рядом: «Господи, спаси. Господи, помилуй, Господи, пощади!» рвалось из таких глубин души, которых даже не знаешь в себе в обычное время.

В 5 часов, еще до конца запретного времени, ко мне пришел отец Виталий, приехавший в лагерь на английском автомобиле. Это ему мы были обязаны своим спасением.

Не дождавшись накануне моего условного телефонного звонка, он почувал что-то неладное и добился свидания с полковником Джеймсом, который установил, где мы находимся, и дал распоряжение майору Андерсону перевезти нас в польский лагерь.

В 7 часов утра подали нам грузовики. Мы с о. Виталием обошли шоферов, спрашивая, куда нас повезут.

– В Венторф (польский лагерь), – отвечали они, успокаивая нас, уменьшая тревогу, но все же не уничтожая ее.

Английский сержант, дежуривший в комнате майора Андерсона, позволил отцу Виталию остаться у телефона. Мы снова условились, что если я не позвоню через час-полтора, то чтобы он поднимал шум для нашего спасения.

Мы влезли со всеми вещами на грузовики. На этот раз я поместился не с шофером в будке, а на площадке, со всеми людьми. Они были мрачны, не разговаривали, не отвечали на улыбки, видимо совсем мне не доверяли.

Рядом со мной сели двое дюжих широкоплечих парня, смотревших враждебно. Я крикнул о. Виталию по-французски:

– Ну, если нас все-таки отвезут на советскую зону, то обо мне можешь не беспокоиться, я живым туда не доеду, эти ребята прикончат меня раньше.

Мы тронулись. Машины снова сразу взяли предельную скорость. Путь на советскую зону – в Любек, и в польский лагерь Венторф лежал в том же направлении. Издалека увидели мы тот придорожный столб, который обозначал разветвление: если мы поедем прямо, значит на советскую зону, если направо, то в польский лагерь.

Наш грузовик мчится бешено, вот и заветный придорожный столб. Грузовик подлетел и повернул направо. Души захлебнулись радостью, я перекрестился. Лица у всех просветлели. Мои мрачные соседи расплылись радостной улыбкой и посмотрели на меня.

– Кажись в польский, – сказали они немного смущенно.

Вот и Венторф. Высокие здания, широкая площадка. Большой польский флаг над центральным домом. Я соскакиваю с грузовика. Ко мне подъезжает автомобиль с громкоговорителем, и я, не помня себя от радости, в восторге от обретенной заново жизни и свободы, крещусь и кричу:

– Слава Богу, ребята, поздравляю, мы в польском лагере. Стройтесь у окна направо для регистрации.

Через несколько недель в Венторфе уже было две тысячи русских обитателей. Их добрым ангелом-хранителем стал английский капитан Рэмедж, шотландец, говоривший по-русски. Он защищал и подбадривал наших людей при неизменно страшных для них посещениях лагеря советскими комиссиями, уговаривавшими их уезжать в Россию.

Благодаря его стараниям к осени русские обитатели польского лагеря Венторф получили свой чисто русский лагерь Фишбек, в котором была создана большая просторная церковь из двух соединенных бараков.

При церкви возникли две школы – русская и украинская, возникла гимназия, Высшие Пастырско-Богословские Курсы, в которых учились нынешний епископ Павел, архимандрит Феодор, священники, находящиеся в Америке, Канаде и Австралии.

Тут же были основаны живописная и иконописная школы и мастерские. Лагерь этот процветал в течение нескольких лет и для всех своих насельников остался незабываемым светлым воспоминанием.

А.В. Татаринов

Архитектурные работы Н.А. Львова¹

Цель данного перечня – дать читателю этой книги представление о масштабе архитектурной деятельности Н.А. Львова. Наиболее авторитетным исследованием, суммировавшим сведения о бесспорно атрибутируемых Львову постройках, следует признать коллективную монографию М.В. Будылиной, О.И. Брайцевой и А.М. Харламовой «Архитектор Н.А. Львов» (М., 1961) – ссылки на нее даются в разделе «Примечания» с указанием страницы (используемое сокращение для обозначения этой книги – Арх. Н.А. Львов). В тех случаях, когда атрибуция была сделана после 1961 года или не была учтена в вышеназванном труде, указывается имя исследователя или дается библиографическая отсылка. Если чертежи, авторские рисунки или другие проектные документы по тому или иному объекту сохранились, название такой постройки отмечено звездочкой.

В перечне использована система общеупотребительных легко читаемых сокращений (арх. – архитектор; осущ. – осуществлен; сохр. – сохранность, сохранился; СПб. – Санкт-Петербург; удовл. – удовлетворительно; хор. – хорошо и др.).

279

---

¹ Печатается по изданию: А.В. Татаринов. Архитектурные работы Н.А. Львова // Львов Н.А. Избранные сочинения. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994. Перечень А.В. Татаринова не содержит исчерпывающей информации по списку и атрибуции архитектурного наследия Н.А. Львова. Известен более полный «Каталог архитектурных произведений Н.А. Львова» исследователя А.Б. Никитиной, включающий 246 наименований, в который, кроме известных проектов зодчего, автор вводит новые сведения о чертежах Львова, а также об утраченных чертежах, известных по копиям, воспроизведениям или по упоминаниям в письменных источниках.

Объект	Даты		Заказчик	Исполнитель
	проекта	строительства		
1	2	3	4	5
1. Дом принцессы Вюртембергской, будущей императрицы Марии Федоровны (оформление фасадов и интерьеров)	Лето 1776	Не позднее сент. 1776	Императрица Екатерина II	Н.А. Львов
2. Воскресенская церковь *	Ок. 1778	Освящена в 1778	А.Р. Воронцов	
3. «Зала Общего Собрания Правительствующего Сената» (проект барельефов)	1779	1779	А.А. Вяземский, Г.Р. Державин	Ж.-Д. Рашетт
4. Ансамбль собора Св. Иосифа с окружающими постройками *	Нач. 1780	Заложен 30 мая 1780, оконч. 1798	Императрица Екатерина II	Н.А. Львов, с 1781 арх. Нобили, с 1790 каменных дел мастер А. Менелас
5. Дом Шереметевых	1780	1780	Семья Шереметевых	
6. Невские ворота Петропавловской крепости *	Нояб. 1780	1781 – 1787		Н.А. Львов
7. Дворец Безбородко (окончание отделки интерьеров)	Нач. 1780-х	Нач. 1780-х	А.А. Безбородко	Н.А. Львов
8. Перестройка дома С. П. Ягужинского под Почтовую контору	После марта 1782	1782 – 1785	А.А. Безбородко	Н.А. Львов
9. Здание «Почтового стана» (Почтамта)	После марта 1782	1782 – 1789	Главное Почтовых дел Правление, А.А. Безбородко	Н.А. Львов, арх. Я. Шнейдер и каменных дел мастер А. Порто

Адрес	Судьба	Примечания
6	7	8
СПб., угол Пантелеймоновской и Моховой ул.	Перестроен	Русский Биографический словарь, том «Лабзина – Лященко». СПб., 1914, с. 781
с. Матренино Владимирской губ.	Сохр. хор.	Атрибуция В.Н. Алексеева
СПб., здание старого Сената	Не сохр.	Арх. Н.А. Львов, с. 95
Могилев (Белоруссия)	Не сохр.	Арх. Н.А. Львов, с. 10 – 11, 118 – 123
Москва, Пречистенка (ул. Грановского), д. 8	Сохр. удовл.	По Москве. Путеводитель. М., 1958, с. 82
СПб., Невская куртина Петропавловской крепости	Сохр. хор.	Арх. Н.А. Львов, с. 11, 137 – 140
СПб., угол Почтамтской ул. и Выгрузного пер.	Перестроен	Арх. Н.А. Львов, с. 26; <i>Григорович Н.</i> Канцлер кн. А.А. Безбородко. СПб., 1881. Т. II. Приложение XXI, с. 652
СПб., угол Почтамтской ул. и Выгрузного (Подбельского) пер.	Перестроен	<i>Самусев Г.Е.</i> Санкт-Петербургский почтамт и его строители. Пг., 1923. С. 8
СПб., между Почтамтской и Ново-Исаакиевской ул. и Выгрузным пер.	Сохр. хор., незначительные перестройки	Арх. Н.А. Львов, с. 11, 140 – 144

1	2	3	4	5
10. «Примерный почтовый двор в губернском городе». Образцовый проект *	Между мартом и декабрем 1782		Главное Почтовых дел Правление, А. А. Безбородко	
11. Дача Безбородко (перестройка жилого дома, строительство флигелей, парка, павильонов, ограды)	Нач. 1780-х	1783– 1784	А.А. Безбородко	Н.А. Львов
12. Софийский собор (степень участия Н.А. Львова не ясна)	Между 1782 и 1788	Между 1782 и 1788		
13. Проект Ананьинской церкви *	Не позднее 1783			
14. Выборгская церковь * (Спасо-Преображенский собор)	1783 (?)	1787		Арх. И. Брокман, подрядчик Я. Лунд
15. Православная часовня	1783	1783		
16. Арпачевская церковь *	1782	1783– 1791	Н.П. и П.П. Львовы	Н.А. Львов
17. Усадьба Арпачево (Ропачево). Жилой дом, хоз. постройки, парк, павильоны, мостики	1780– 1790-е	1780-е– нач. 1800-х	Н.П. и П.П. Львовы	Н.А. Львов
18. Усадьба Никольское-Черенчицы	1780-е– нач. 1800-х	1780-е– нач. 1800-х		Н.А. Львов
а. Жилой дом *	1780-е	1780-е, флигели –1790-е		
б. Храм-усыпальница *	Не позднее 1784	1789– 1804		

6	7	8
Тверь, Торжок и др. города России, Украины, Белоруссии и Прибалтики	Не сохр.	Арх. Н.А. Львов, с. 144
СПб., Полюстровская (Свердловская) наб., д. 40	Сохр. дома хор., парк и павильоны не сохр.	<i>Андреев А.К.</i> Творение большого мастера. Автор дома Разумовского в Москве // Строительство и архитектура Ленинграда. 1981. № 12. С. 32 – 35
Царское Село (г. Пушкин)	Сохр. удовл.	Атрибуция А.Б. Никитиной
	Не осущ.	Арх. Н.А. Львов, с. 12
г. Выборг под СПб.	Перестроена	Арх. Н.А. Львов, с. 12
Фридрихсгам (ныне г. Хамина), Финляндия	Сохр. хор.	Атрибуция В.Б. Шнейдера
с. Арначево под Торжком Тверской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н.А. Львов, С. 12, 70 – 73
с. Арначево под Торжком Тверской губ.	Не сохр.	Арх. Н.А. Львов, С. 70 – 73
с. Никольское под Торжком Тверской губ.		Арх. Н.А. Львов, С. 53 – 70
	Сохр. неудовл.	
	Утрачена отделка интерьеров	

1	2	3	4	5
в. Погреб-пирамида *	С 27 сент. 1789	Кон. 1789– 1790		
г. Кузница *	1780-е	1780-е		
д. Рига	1780-е	1780-е		
е. зернохранилище	1780-е	1780-е– 1790-е		
ж. Дровяной сарай *	1780-е	1780-е– 1790-е		
з. Дом П.Л. Вельяминова	1790-е	1790-е		
и. Верхний и нижний парки	1780-е– 1790-е	1780-е– 1790-е		
к. Парковые сооружения: павильоны, «храмики», ротонды, каскады, мосты	1780-е– 1790-е	1780-е– 1790-е		
л. «Барский», «Рыбный» и «Хозяйственный» пруды, каскад прудов нижнего парка	1780-е– 1790-е	1780-е– 1790-е		
м. Землебитная башня *	1790-е	1790-е		
н. Здание Училища (Школы) земляного битого строения *	1797	1797		
о. «Новая деревня» — серия землебитных построек (жилых и хозяйственных) для собственных крестьян	1797	1797		
19. Усадьба «Александрова дача» *	Не. ранее 1782	Между 1782 и 1789	Императрица Екатерина II	Н.А. Львов
а. Жилой дом, грот, мост с «трофеями», храм Цереры со статуей Екатерины II, каскад, храм «Розы без шипов», десятиколонная ротонда, прочие павильоны, запруда на р. Тызве.				

6	7	8
---	---	---

Сохр. неудовл.

Сохр. неудовл.

Перестроена

Не сохр.

Не сохр.

Не сохр.

Не сохр.

Не сохр.

Не сохр.

Не сохр.

Не сохр.

Не сохр.

На берегах р. Тызвы близ
Павловска под СПб.

Арх. Н.А. Львов, с. 17 – 18,
91 – 94

Не сохр.

1	2	3	4	5
б. Усадебный парк, храм Флоры и Помоны				
20. Грот и каскад из «английских камней»	1785			
21. Дача Бакунина	Не позднее 1785	1785– 1786	П.В. Бакунин Меньшой	Н.А. Львов
22. Проект дома Державина *	Между 1785 и 1788		Г.Р. Державин	
23. Борисоглебский собор *	1785	1795– 1796		Н.А. Львов и Ф.И. Буци
24. Дом Воронцова	1785	1785– 1787	А.Р. Воронцов	Н.А. Львов и К.И. Бланк
25. Церковь Ильи Пророка на Пороховых (характер участия Н.А. Львова не ясен)	Нач. 1780-х	Между 1781 и 1785		
26. Дом Соимонова в Москве	1780-е	1780-е	А.Н. Соимонов	
27. Усадьба Мурино (жилой дом, хоз. постройки, парк, павильоны и др.)	1780-е– 1790-е		А.Р. и С.Р. Воронцовы	
28. Екатерининская церковь *	1785	1786– 1790	А.Р. и С.Р. Воронцовы	Н.А. Львов
29. Павильон «Любезным родителям» *	1786	1786		
30. Проект здания Кабинета *	Не ранее 1786	1786– 1787	Кабинет Его Императорского Величества	
31. Троицкая церковь в с. Александровском	Между 1783 и 1785	1785– 1787	А.А. Вяземский	

6	7	8
---	---	---

Сохр. неудовл.

Петергоф	Судьба не известна	Арх. Н.А. Львов, с. 18
СПб., Полустровская (Свердловская) наб., д. 22	Перестроена	<i>Петров А.Н., Борисова Е.А. Науменко А.П. и др. Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1958, с. 282</i>
СПб., угол Невского пр. и наб. р. Фонтанки (ныне участок дома № 66/27)	Не осущ.	Арх. Н.А. Львов, с. 22, 147 – 148
Борисоглебский монастырь в Торжке Тверской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н.А. Львов, с. 20, 123 – 129
Москва, Немецкая ул.	Не сохр.	Атрибуция Е.А. Белецкой
СПб., Колтушское (Революции) шоссе, д. 78	Перестроена	Атрибуция А.Б. Никитиной и А.В. Татаринова
Москва, ул. Малая Дмитровка (Чехова), д. 18	Перестроен	Атрибуция А.В. Татаринова
с. Мурино близ СПб.	Не сохр.	Арх. Н.А. Львов, с. 96
с. Мурино близ СПб.	Сохр. хор.	Арх. Н.А. Львов, с. 19, 96 – 98
Павловский парк близ СПб.	Сохр. хор.	Арх. Н.А. Львов, с. 94
СПб., между Невским пр., Кирпичным пер., Большой и Малой Морскими ул.	Строительство было прервано. Не сохр.	Арх. Н.А. Львов, с. 21 – 22, 144 – 147
СПб., пр. села Александровского (Обуховской Обороны), д. 235	Сохр. хор.	Соколова Н.Д. Троицкая церковь за Невской заставой (Историческая справка) (в научном архиве ГИОП)

1	2	3	4	5
32. Усадьба в с. Александровском	1780-е	1780-е	А.А. Вяземский	Н.А. Львов
а. Жилой дом	1780-е	1780-е – 1790-е		
б. Конюшни	1780-е	1780-е		
в. Хоз. постройки, парк, павильоны, водоемы и др.	1780-е	1780-е – 1790-е		
33. Валдайская церковь Св. Екатерины *	1786 (?)	Освящена 1794		Арх. И. Дмитриев *
34. Колокольня в Липецке *	Не ранее 1786	1786	П.Л. Вельяминов	
35. Усадьба Знаменское-Раек *	Нач. 1780-х	1787 – нач. 1800-х	Ф.И. Глебов- Стрешнев	Н.А. Львов, Ф.И. Буци, с 1787 А.А. Трофимов, с 1789 В.И. Ирвен, с 1797 Ф.И. Руска
а. Жилой дом с флигелями, колоннадой и въездной аркой *	1780-е	1787 – 1790-е		
б. Усадебный парк	1780-е	1780-е – 1790-е		
в. Две системы прудов с пристанями, купальнями, мостами, гротами, статуями	1780-е	1780-е – 1790-е		
г. Парковые павильоны *	1780-е	1780-е – 1790-е		
д. Погреб-ротонда	1780-е	1780-е		
е. Погреб-пирамида	1780-е	1780-е – нач. 1790-х		

6	7	8
СПб., пр. села Александровского (Обуховской Обороны), Троицкое поле		Атрибуция А.В. Татаринова
Пр. Обуховской Обороны, 112 (на территории Гос. ф-ки офсетной печати)	Перестроен	
Пр. Обуховской Обороны, 118	Сохр. удовл. Не сохр.	
Валдай Новгородской губ.	Сохр. хор.	Арх. Н.А. Львов, с. 19, 131 – 133
г. Липецк	Судьба не известна	Арх. Н.А. Львов, с. 14
с. Раек под Торжком Тверской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н.А. Львов, с. 23 – 24, 73 – 85
	Сохр. удовл.	
	Сохр. неудовл.	
	Частично сохр.	
	Не сохр.	
	Рухнул 6 апреля 1990	
	Сохр. неудовл.	

1	2	3	4	5
х. Цилиндрический погреб	1780-е	1780-е – 1790-е		
з. Храм Цереры со статуей Цереры	1790-е	Не позднее 1797		
36. Усадьба Грузины (валунный мост, парк, водная система, парковые сооружения, погреб-ледник)	1780-е – 1790-е	1780-е – 1790-е	А.А. Полторацкая	
37. Церковь в с. Пересленино	1780-е	1780-е – 1790-е	А.А. Полторацкая	
38. Усадьба Андреевское (жилой комплекс, хоз. постройки, парк)	1780-е	1780-е – 1790-е	А.Р. Воронцов	
39. Рождественская церковь в усадьбе Диканька *	1780 (?)	1780 (?)	В.П. Кочубей	
40. Московский дом Безбородко («Слободской дворец»)	1780-е – 1790-е	1780-е – 1790-е	А.А. Безбородко	
41. Дача Соимонова *	1780-е	1780-е	П.А. Соимонов	Н.А. Львов
42. Дача Строгановой *	1780-е		Семья Строгановых	
43. Деревянный дом Капниста *	1780-е		В.В. Капнист	
44. Собственная дача Н.А. Львова * (жилой дом, флигели, ограда, хоз. постройки, парк, трактир, амбары)	1780-е – 1790-е	1780-е – 1790-е		Н.А. Львов
45. Березовый домик	1780-е	1780-е	Вел. кн. Павел Петрович	
46. Дача (павильон) Томары *	1780-е	1780-е	В. С. Томара	Н.А. Львов
47. Проект Казанского собора *	Между 1787 и 1791			

6	7	8
Сохр. удовл.		
Не сохр.		
с. Грузины под Торжком Тверской губ.	Сохр. валунный мост и водная система	Традиционная атрибуция
с. Перслегино под Торжком Тверской губ.	Сохр. неудовл.	Атрибуция О.В. Петрова и А.В. Татаринова
с. Андреевское Владимирской губ.	Сохр. удовл.	Атрибуция В.Н. Алексеева
с. Диканька Полтавской губ.	Не сохр.	Арх. Н.А. Львов, с. 25, 110 – 112
Москва, близ Воронцова поля	Не сохр.	<i>Григорович Н.</i> Канцлер кн. А.А. Безбородко. СПб., 1881. Т. II. Приложение XXI, с. 652
СПб., Арсенальная наб.	Не сохр.	Арх. Н.А. Львов, с. 22
СПб.	Судьба не известна	Арх. Н.А. Львов, с. 22
СПб.	Судьба не известна	Арх. Н.А. Львов, с. 22
СПб., Калашниковская (Синопская) наб., д. 32	Не сохр.	Атрибуция Н.И. Никулиной (Глинки)
Гатчинский парк под СПб.	Воссоздан в 1975	Традиционная атрибуция
СПб., Полюстровская (Свердловская) наб.	Не сохр.	Атрибуция Н.И. Никулиной (Глинки)
СПб., Невский пр.	Не осущ.	Арх. Н.А. Львов, с. 129 – 131

1	2	3	4	5
48. Проект Колыванской церкви *	Кон. 1780-х		Кабинет Ее Императорского Величества	
49. Часовня Борисоглебского монастыря	Кон. 1780-х	Кон. 1780-х	Борисоглебский монастырь	Н.А. Львов
50. Проект храма в усадьбе Стольное *	1780-е		А.А. Безбородко	
51. Проект оранжереи для усадьбы Стольное *	1780-е		А.А. Безбородко	
52. Проект птичника для усадьбы Стольное *	1780-е		А.А. Безбородко	
53. Дом Безбородко	Кон. 1780-х	Кон. 1780-х – нач. 1790-х	А.А. Безбородко	
54. Барский дом в усадьбе Вороново	Кон. 1780-х	Ок. 1793	А.И. Воронцов	
55. Летний домик в Ляличах *	До февр. 1791	Кон. 1780-х – нач. 1790-х	П.В. Завадовский	
56. Часовня Даниила Столника	Нач. 1790-х	1792 – 1795	Ф.И. Глебов- Стрешнев	Н.А. Львов
57. Церковь в Браткове	1790-е	1790-е		
58. Усадьба Горницы	1790-е	1790-е	Семья Беклемишевых	Н.А. Львов
а. Церковь Св. Владимира *	1790-е	1790-е		
б. Конюшни	1790-е	1790-е		
59. Усадьба Митино	1790-е	1790-е	Д.И. Львов	Н.А. Львов
а. Деревянный жилой дом	1790-е	1790-е		
б. Погреб-пирамида	1790-е	1790-е		

6	7	8
Кольвано-Воскресенский завод на Алтае	Не осущ.	Арх. Н.А. Львов, с. 19 – 20, 133 – 135
Торговая пл. Торжка Тверской губ.	Сохр. удовл.	Атрибуция А.М. Харламовой
с. Стольное Черниговской губ.	Не осущ.	Арх. Н.А. Львов, с. 112 – 113
с. Стольное Черниговской губ.	Судьба не известна	Арх. Н.А. Львов, с. 113
с. Стольное Черниговской губ.	Судьба не известна	Арх. Н.А. Львов, с. 113
г. Нежин Черниговской губ.	Не сохр.	<i>Григорович И.</i> Канцлер кн. А.А. Безбородко. СПб., 1879. Т. I; 1881. Т. II
с. Вороново Московской губ.	Не сохр.	Арх. Н.А. Львов, с. 25 – 26
с. Ляличи Черниговской губ.	Не сохр.	Атрибуция Н.И. Никулиной (Глинки)
д. Васильева Гора близ Торжка Тверской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н.А. Львов, с. 84
с. Братково между Торжком и Старицей Тверской губ.	Сохр. неудовл.	Атрибуция А.В. Татаринова
с. Горницы между Торжком и Кувшиновом Тверской губ.		
	Сохр. неудовл.	Атрибуция А.Б. Никитиной
	Сохр. неудовл.	Атрибуция А.В. Татаринова
пос. Митино под Торжком Тверской губ.		Арх. Н.А. Львов, с. 28 – 30, 85 – 89
	Не сохр., заменен каменным в 1840 – 1841	
	Сохр. неудовл.	

1	2	3	4	5
в. Зернохранилище	1790-е	1790-е		
г. Вишокурция	1790-е	1790-е		
д. Кузница	1790-е	1790-е		
е. Дом управляющего имением	1790-е	1790-е		
ж. Конюшни	1790-е	1790-е		
з. Скотный двор	1790-е	1790-е		
и. Мосты-запруды в овраге на Митинском ручье	1790-е	1790-е		
к. Два валунных моста в парке	1790-е	1790-е		
л. Усадебный парк	1790-е	1790-е		
м. Пруд-купальня с водо- падом	1790-е	1790-е		
60. Усаьба Василево	1790-е	1790-е	В.И. Львов	Н.А. Львов
а. Жилой дом с флигелями	1790-е	1790-е		
б. Оранжерея (позднее — дом управляющего)	1790-е	1790-е		
в. Система каскадных прудов с запрудами, мостами, гrotами	1790-е	1790-е		
г. Пятипролетный валушный «Чертов мост»	1790-е	1790-е		
д. Парковые сооружения (беседки, Белая и Розовая бални и пр.)	1790-е	1790-е		
е. Усадебный парк, аллеи, поляны	1790-е	1790-е		
61. Никольская церковь в Диканьке	Нач. 1790-х	Освящ. 1794	В.П. Кочубей	
62. Троицкая Церковь в Федяеве	Нач. 1790-х	Освящ. 1794	М.М. Грибоедов	

1	2	3	4	5
63. Барский дом в усадьбе Пушино	1790-е	1790-е	С.И. Вяземский	
64. Дом Разумовского на Гороховом поле	1790-е	1790-е	А.К. Разумовский	А. Менелас
65. Дача Полторацкой	1790-е	1790-е	А.А. Полторацкая	Н.А. Львов
а. Жилой дом	1790-е	1790-е		
б. Оранжерея	1790-е	1790-е		
в. Хоз. постройки, лестничные спуски, пристань, парк, павильоны	1790-е	1790-е		
66. Дача Гавриловка (Жерновка)	1790-е	1790-е	Г.И. и М.И. Лонауровы	Н.А. Львов
а. Жилой дом с флигелями и оранжереями	1790-е	1790-е		
б. Усадебный пруд в форме ключа с островком	1790-е	1790-е		
в. Хоз. постройки, парк, павильоны	1790-е	1790-е		
67. Дом Державина на Фонтанке	После 1790	1790-е	Г.Р. Державин	Н.А. Львов
68. Парк городской усадьбы Державина, водоемы, мостики, беседки	1790-е	1790-е	Г.Р. Державин	Н.А. Львов
69. Церковь Св. Троицы в Галерной гавани	Ок. 1792	1792		Н.А. Львов
70. Воскресенская церковь в Торжке (перестроена Н.А. Львовым)	1796	1796		Н.А. Львов
71. Знаменская церковь в с. Державине	1796	1796	Г.Р. Державин	
72. Знаменская церковь в с. Теплове	Ок. 1797	1797	Семья Соимоновых	Н.А. Львов

6	7	8
с. Пушино Московской губ.	Сохр. неудовл.	Атрибуция М.М. Дунаева
Москва	Сохр. удовл.	Атрибуция А.К. Андреева
СПб., Уткин пр., д. 2		<i>Петров А.Н., Борисова Е.А. Науменко А.П. и др. Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1969, с. 259</i>
	Сохр. удовл.	
	Сохр. удовл.	
	Не сохр.	
СПб., Малая Охта, Ириновский пр.		Атрибуция А. Липмана
	Сохр. хор.	
	Сохр. хор.	
	Не сохр.	
СПб., наб. Фонтанки, д. 118	Перестроен	Атрибуция Н. И. Никулиной (Глинки)
СПб., позади дома 118 по наб. Фонтанки	Не сохр.	Атрибуция Н. И. Никулиной (Глинки)
СПб., Наличная ул., д. 2	Не сохр.	Атрибуция А.В. Татаринова
Торжок Тверской губ., Грузинская ул., д. 7 ^а	Сохр. хор.	Атрибуция А.В. Татаринова, датировка сообщена Г.А. Климовской
с. Державино Оренбургской губ.	Сохр. неудовл.	Атрибуция А.В. Татаринова
с. Теплово Клинского уезда Московской губ.	Сохр. удовл.	Атрибуция А.В. Татаринова

1	2	3	4	5
73. Московский дом Безбородко* (перестройка Н.А. Львовым в «Слободской дворец»)	1797	1797	Император Павел I	
74. Проект сада для дома Безбородко *	Между 1797 и 1799		А.А. Безбородко	
75. Кремлевский дворец*	1797	1797–1798	Император Павел I	Н.А. Львов
76. Усадьба Приютино (начальная стадия проектирования)	Не ранее 1797	1797–нач. 1800-х	А.Н. Оленин	
77. Усадьба Званка (жилой дом, хоз. постройки, водоемы, парк, парковые сооружения)	С 1797	1797–нач. 1800-х	Г.Р. Державин	Н.А. Львов
78. Землебитный жилой дом *	Лето 1797	Сентябрь 1797	Император Павел I для Е.И. Нелидовой	Н.А. Львов
79. «Ристалище» (Земляной амфитеатр) *	1797	1797	Император Павел I	Н.А. Львов
80. Каскал-руина со шлюзом *	1798–1799	1799	Император Павел I	Н.А. Львов
81. Приоратский дворец*	1798	1798–1799	Император Павел I	Н.А. Львов, крепостной крестьянин Е. Петров, каменных дел мастер Д. Кунигам с помощником И. Кокраном
82. Землебитные казармы в Торжке	1798	1799–1800		
83. Усадьба Прямухино (Премухино)	Кон. 1790-х–нач. 1800-х	Кон. 1790-х–нач. 1800-х	А.М. Бакунин	Н.А. Львов

6	7	8
Москва, близ Воронцова поля	Не сохр.	<i>Григорович Н.</i> Канцлер кн. А.А. Безборолко. СПб., 1881. Т. II, с. 652
Москва	Не осущ.	Атрибуция Г.Г. Гримма
Москва, Кремль	Поглошен позднейшими перестройками	Атрибуция Г.Г. Гримма
пос. Бернгардовка под СПб.	Сохр. удовл.	Атрибуция А.В. Татаринова
Левый берег р. Волхов в 60 верстах от Новгорода	Не сохр.	<i>Грабарь И.Э.</i> История русского искусства. Т. III. СПб., 1911, с. 473
д. Арапокузи (Аропаккузи) под СПб.	Не сохр.	Атрибуция А.Н. Глумова
Гатчинский парк под СПб.	Сохр. удовл.	Атрибуция А.Н. Глумова
Парк Сильвия на окраине Гатчины под СПб.	Не сохр.	Атрибуция А.Н. Глумова
Гатчина под СПб.	Сохр. неудовл.	Арх. Н.А. Львов, с.159 – 164
Торжок Тверской губ.	Не сохр.	Арх. Н.А. Львов, с. 166 – 168
с. Прямухино под Торжком Тверской губ.		Арх. Н.А. Львов, с. 30, 89 – 91

1	2	3	4	5
а. Каменные флигели жилого дома	Кон. 1790-х– нач. 1800-х	Кон. 1790-х– нач. 1800-х		
б. Усадебный парк с сис- темой прудов, плотинами, мостиками, павильонами	Кон. 1790-х– нач. 1800-х	Кон. 1790-х– нач. 1800-х		
в. Ткацкая фабрика	Кон. 1790-х– нач. 1800-х	Кон. 1790-х– нач. 1800-х		
84. Церковь в с. Пряму- хине	нач. 1800-х	1808– 1826	А.М. Бакунин	
85. Владимирская церковь в с. Горницы *	1790-е	1790-е– нач. 1800-х	Семья Беклемилевых	Н.А. Львов
86. Введенская церковь	Кон. 1798– 1799	1799– нач. 1800-х	П.В. Лопухин	Н.А. Львов
87. Надвратная церковь- колокольня Борисоглебс- кого монастыря	1803	1804– 1811	Борисоглебский монастырь в Торжке	Ф.Ф. Ананьин

6	7	8
---	---	---

Сохр. неудовл.

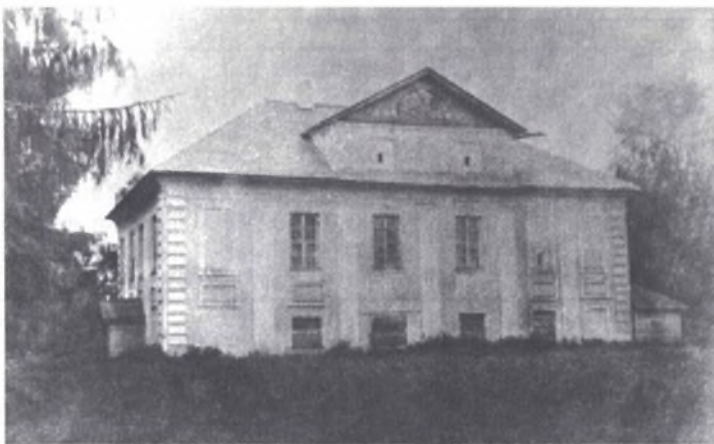
Сохр. неполная

Сохр. удовл.

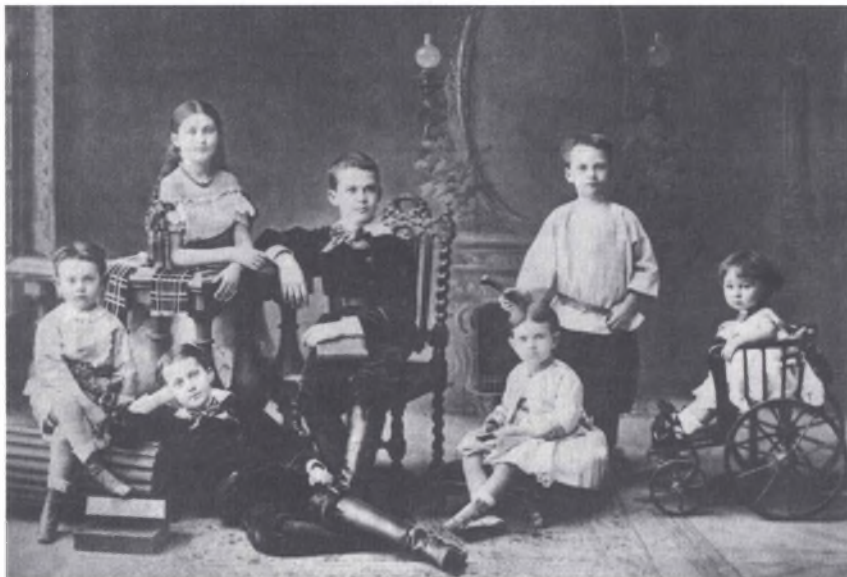

с. Прямухино под Торжком Тверской губ.	Сохр. удовл.	
с. Введенское близ Звенигорода под Москвой	В 1912 г. деревян- ный дом заменен каменным. Сохр. хор.	Атрибуция Н.И. Никулиной (Глинки)
с. Введенское близ Звенигорода под Москвой	Сохр. удовл.	Атрибуция Н.И. Никулиной (Глинки)
Торжок Тверской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н.А. Львов, с. 137

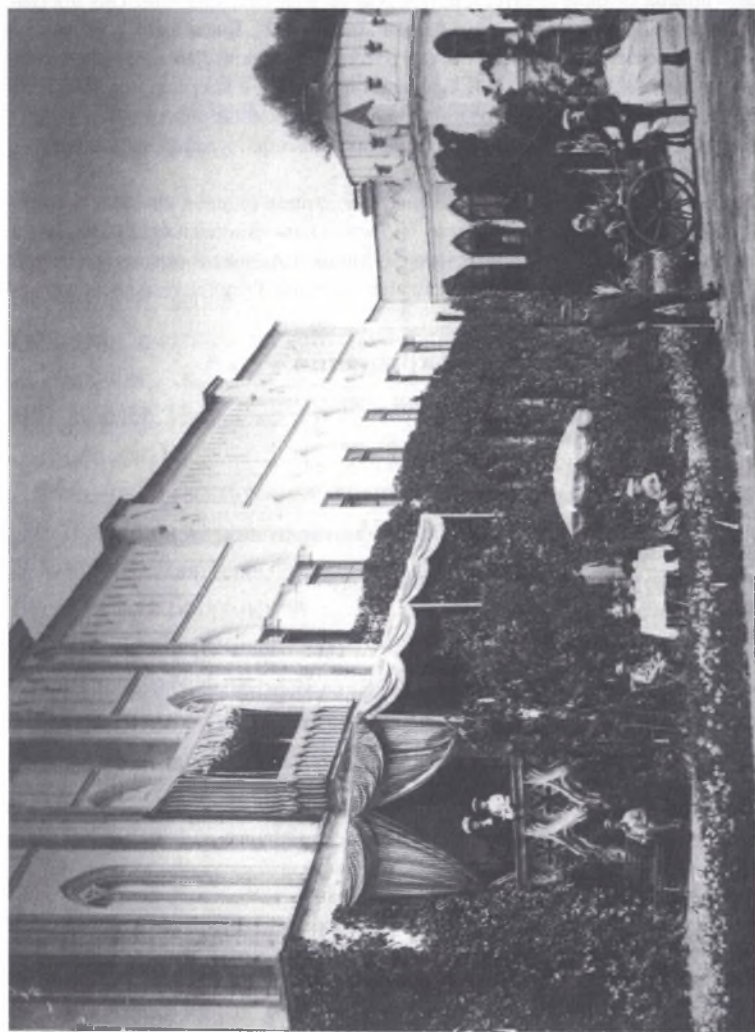

Усадебный дом в Арпачеве.

Фото 1920-х гг. Публикуется впервые. Копия предоставлена ЦНРПМ (Центральные научно-реставрационные проектные мастерские).

Дети Н.А. Львова. Слева направо: Константин, Николай, Варвара, Александр, Владимир, Алексей, Наталья.

Усадьбный дом Львовых в Чернятине. На балконе слева – Мария Михайловна, стоит – Николай Николаевич с молотком для крокета, садится в коляску – Федор Николаевич. Фото нач. 1900-х гг.

Об авторах этой книги

Алла Петровна Львова занимается историей знаменитого рода неслучайно: ее муж – Лев Иванович – прямой потомок архитектора Н.А. Львова (в пятом поколении). Они москвичи, Алла Петровна по профессии инженер, Лев Иванович – врач. После выхода на пенсию несколько лет по крупицам собирали материал о родственных связях Львовых. Они первыми работали с фондами А.Н. Львова и В.Н. Бобринской в ГАРФе, с документами Львовых в Центральном архиве ФСБ России. Вели большую переписку в поисках родственников в России и за рубежом. В их семейном архиве – десятки уникальных фотографий, иллюстрации с портретами представителей рода Львовых.

Ирина Александровна Бочкарева – историк, заведующая отделом краеведения Всероссийского историко-этнографического музея (г. Торжок), автор нескольких публикаций и научных статей о Н.А. Львове и его окружении, созданных на основе новых материалов из фондов ИРЛИ, РГБ, ГАТО, ВИЭМ. Автор музейной экспозиции «Гений вкуса», посвященной Н.А. Львову.

Список сокращений

АН	Академия наук
АХ	Академия художеств
ВИЭМ	Всероссийский историко-этнографический музей
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	Государственный архив Тверской области
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея
МУЖВЗ	Московское училище живописи, ваяния и зодчества
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РНБ	Российская Национальная библиотека
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом)
РО РГБ	Рукописный отдел Российской государственной библиотеки
ТОКМ	Тамбовский областной краеведческий музей
ТУАК	Тверская ученая архивная комиссия

арх.	архитектор	нач.	начало
в.	век	неразб.	неразборчиво
вв.	века	ок.	около
в. кн.	великий князь	с.	село
гос.	государственный	сб.	сборник
гр.	граф	св.	святой
губ.	губерния	ст.	статья
дер.	деревня	сц.	сельцо
дес.	десятина	ун-т	университет
Е.И.В.	Его (Ее) Императорское Величество	урожд.	урожденная
		ф-т	факультет
кн.	князь		

Содержание

От авторов	5
Родословная Львовых	8

Приложение

Аттестат, выданный Н.А. Львову Коллегией иностранных дел	187
Письма А.Н. Львова	189
Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елизаветы Николаевны Львовой	197
Н.И. Мердер. Из далекого прошлого (Тетушка Вера Николаевна Воейкова)	210
Л.Ф. Львов. Из воспоминаний	223
С.Д. Дзюбанов. О родственном окружении Львовых	225
Н.А. Карлинская. Дядя Федя Львов	236
Дневник В.Н. Бобринской	242
А.А. Смольевский. Ольга Александровна Ваксель	261
Архиепископ Нафанаил. Воспоминания о борьбе с насильственной репатриацией в Гамбурге в 1945 году	267
А.В. Татаринев. Архитектурные работы Н.А. Львова	279

НОВОТОРЖСКИЙ РОДОСЛОВЕЦ
выпуск 1

Львова Алла Петровна
Бочкарёва Ирина Александровна

Род Львовых

Корректор *Е.В. Ефремова*
Дизайн *И.А. Горзий*
Компьютерный набор *Е.В. Ефремова*
Компьютерная верстка *Т.С. Дулина*

*Издано при содействии
Благотворительного фонда им. Н.А. Львова, г. Москва*

Подписано в печать 1.06.2004 г.
Печать офсетная. Формат 70х90^{1/16}.
Объем 19,5 п. л. Заказ 5118. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в Тверской областной типографии.
170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

